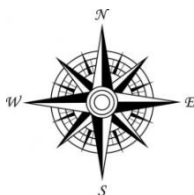

Гарри Фельдман

Величие нашего современника

*Ветеранам Второй мировой войны, их
погибшим на полях сражений, пропавшим
без вести и ушедшим из жизни боевым товарищам,
узникам гетто и жертвам Холокоста, их семьям,
детям, внукам и правнукам посвящается...*

Издательство «Компас»

Израиль

2017

Права автора охраняются Законом. Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без письменного разрешения автора запрещено.

ISBN – 978-965-572-263-5 © Г.Фельдман

© Издательство «Компас», 2017 год

*Автор книги, десятки героев очерков, сотни их
родных и близких, друзей и знакомых, а также
тысячи читателей безгранично благодарны
гражданину России*

***Ильинскому Сергею Владимировичу**
за существенную помощь в издании этой книги,
что является его вкладом в благородное дело –
увековечение бессмертного подвига воинов Красной
армии в борьбе с нацизмом и светлой памяти жертв
Холокоста.*

*Благодарю также **Соловьёву Галину Анатольевну**
за её участие в нашем общем святом деле.*

*Сердечно благодарен **Полине Шифман**
и её замечательным друзьям, а также адвокату
Аркадию Пугачу за вклад в подготовку
этой книги к печати.*

***Гарри Фельдман,**
Почётный член Союза ветеранов Второй мировой
войны,
член Союза русскоязычных писателей Израиля,
Лауреат двух конкурсов на историко-
литературное произведение о воинском подвиге в годы
Второй мировой войны.*

Предисловие

Одной из трагических и в то же время героических страниц многовековой истории нашего народа явилась Вторая мировая война.

Её огненный вихрь унёс жизни шести миллионов наших соплеменников – безвинных жертв Холокоста. В боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны, проявив мужество и отвагу, погибло более двухсот тысяч евреев.

О вкладе в разгром нацизма красноречиво свидетельствует количество Героев Советского Союза – представителей этого многострадального народа, а также слова прославленного полководца маршала Г.К. Жукова:

«Евреи воевали хорошо. Неверно утверждение, что евреи не воевали, а отсиживались в Ташкенте. Они служили во всех подразделениях – от разведки до авиации, проявляя настоящий патриотизм, ненависть к врагу, личные мужество и смелость при выполнении подчас самых трудных заданий».

В сотрудничестве с войсками антигитлеровской коалиции, добив фашистскую гадину в её собственном логове и на Тихом океане свой закончивши поход, советский народ приступил к восстановлению и дальнейшему развитию народного хозяйства. Активное участие в этом, подтвердив крылатое выражение – «медаль за бой, медаль за труд из одного металла льют» принимали и мои дважды соотечественники.

В предисловии к изданной мной в 2011 году в соавторстве с Иосифом Рейтманом (да будет благословенна его память!) книге «В грозном зареве войны» отмечается:

«Борьба и подвиги евреев – солдат и офицеров, сражавшихся в рядах армий антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне, должны быть достойно увековечены в еврейском государстве. Это значит, что им место в учебниках истории. О боевом прошлом фронтовиков и победе над фашизмом школьники должны узнавать из рассказов учителей, на встречах с ветеранами. Эти знания будут проверяться во время экзаменов по истории на аттестат зрелости», - это записано со слов Министра образования Гидеона Саара в протоколе заседания комиссии по алии и абсорбции в Кнессете 19 октября 2009 года.

Хочется надеяться, что это заявление сделанное в присутствии Министра абсорбции Софы Ландвер, депутатов Кнессета, представителей ветеранских организаций и президента Всемирного конгресса русскоязычного еврейства Бориса Шпигеля, будет воплощено в жизнь.

Мы не сомневаемся, что перевод этой и подобных книг на иврит и их издание с последующим широким использованием в учебном процессе способствовало бы лучшему взаимопониманию и единению разных общин в Израиле, что немаловажно для безопасности государства в условиях существования его во враждебном окружении».

(К сожалению и в ущерб государственным интересам, это предположение оказалось лишь гласом вопиющего в пустыне).

Бессмертный подвиг воинов Красной армии, неоценимый вклад тружеников тыла в разгром нацизма и последующий самоотверженный мирный труд советского народа – красноречивое свидетельство величия наших современников. Очерки о них, их впечатляющие воспоминания в этой книге – убедительное подтверждение тому.

Яркая жизнь героев этого произведения, их героизм, самопожертвование, целеустремлённость и высочайшее чувство долга – образец для нынешнего и грядущих поколений, а эта книга должна внести свой весомый вклад в сохранение исторической правды о событиях излагаемого в ней периода мировой истории.

В заключение хочется привести поэтическую строфу, достойную стать эпиграфом к книге, бывшего командира танкового полка, штурмовавшего Берлин, одного из создателей танковых войск в Израиле, основателя и бывшего редактора журнала «Голос инвалидов войны», воина и поэта Аркадия Тимора, ставшую как бы лейтмотивом всех изданных мною книг: *Мы уходим, товарищ.*

Ты не жди нас обратно...

Мы уходим, растаяв,

Словно звёзды во мгле...

Но останется правда,

Настоящая правда,

Неизменная правда

После нас на земле!..

Пусть же эта правда станет достоянием не только
нынешнего, но и грядущих поколений!

Часть первая

Величие нашего современника

Рубежи большой жизни

«Дай Бог, дай Бог не в последний раз!» – произнёс с улыбкой 95-летний участник парада Победы в Москве Семён Гитис, ставший впоследствии учёным с мировым именем, при получении очередной юбилейной медали.

На состоявшемся на исходе юбилейного года отчётно-выборном собрании Нетанийской ветеранской организации отмечалось, что одна из её участниц Любовь Брагинская отметила уже своё столетие, а пятеро перешагнули 95-летний жизненный рубеж. Предлагаемый читателям очерк об одном из них.

95-летний юбилей участника исторического Парада Победы в Москве 24-го июня 1945 г. нетанийца Семёна Гитиса почти совпал с 70-летием триумфа Красной Армии и всего советского народа, в коалиции с союзниками разгромивших фашизм.

Судьба Семёна неразрывно связана со страной, которой он верой и правдой служил многие

десятилетия, которую с оружием в руках храбро защищал от ненавистных фашистских захватчиков, а потом вместе со всем советским народом восстанавливал из руин и пепла, со страной, которую он беззаветно любил, которой гордился.

Родился он в местечке Соболевка Винницкой области Украины в 1920 году. С шести лет он остался без отца. Однако его мать сумела в страшные годы голода поставить на ноги всех четверых своих детей.

В 1938 году Семён окончил Соболевскую среднюю школу и поступил на химический факультет Киевского государственного университета. При этом ему пришлось выдержать конкурс из 13 человек на одно место.

До войны Гитис окончил три курса. А на второй день после её начала подал заявление с просьбой отправить его на фронт. Однако он вместе с другими студентами-добровольцами был зачислен в народное ополчение, перед которым была поставлена задача: укрепить оборонительные рубежи на подступах к украинской столице и прикрыть отступающие за Днепр регулярные части Красной Армии.

Здесь еврейский парнишка впервые испытал ужасы военного лихолетья: тяжёлый, изнурительный, почти круглосуточный труд, близкие разрывы авиабомб, свист над головой осколков и трассирующих пуль вражеских штурмовиков, гибель своих друзей. Вскоре ему пришлось спешно эвакуироваться.

Учёбу он продолжил в Одесском университете, функционировавшем в то время в городе Майкоп

Краснодарского края, и 31 июля 1942 года окончил его с отличием.

Сразу же после получения дипломов всем выпускникам вместо выпускного вечера пришлось совершить изнурительный марш-бросок через горы в город Хоста. Там, в 180-м запасном полку, где формировались фронтовые подразделения, начался боевой путь Семёна Гитиса. Он был направлен в ряды «царицы полей» – пехоты.

Не счесть бесчисленных случаев, когда ему, необученному, необстрелянному, плохо вооружённому юнцу, по команде «За Родину! За Сталина!» приходилось под шквальным огнём противника, преодолевая нечеловеческий страх, бросаться вперёд навстречу смерти, оставляя на поле брани почти в каждой атаке своих погибших боевых побратимов. *«Наш батальон, – вспоминает ветеран своё первое боевое крещение, – был направлен в район Туапсе. В первую же ночь нас, необстрелянных новобранцев, выдвинули на передний край, поставив задачу прорвать оборону противника и вывести из окружения штаб во главе с командиром полка.*

Ночка выдалась тёмной, ни зги не видать. Действовать нужно было решительно и предельно осторожно, чтобы не поразить огнём своих. Поэтому пришлось идти на максимальное сближение с врагом, часто вступая с ним в рукопашные схватки. Ожесточённый бой длился около часа. Вражеское сопротивление было сломлено, штаб был выведен в расположение наших войск. Это боевое крещение

оставило у меня неизгладимое впечатление на всю жизнь».

Не менее тяжёлым был и остальной фронтовой путь воина. На войне, как на войне. Распорядок был один: из боя в бой.

«Наша 30-я Иркутская, впоследствии пять раз орденоносная, дивизия держала оборону в горном лесистом районе, срывая ожесточённые атаки фашистов, стремящихся во что бы то ни стало прорваться к Баку, чтобы захватить нефтяные скважины, – делится своими воспоминаниями об ещё одном из многочисленных эпизодов своих фронтовых будней Семён. – Передислокация. Тяжелейший ночной марш-бросок. Усталость такая, что спим на ходу. Просыпаемся, натываясь на кочку. Прибыли на место. Небольшая поляна. До рассвета чуть больше часа. За это время необходимо окопаться. У нас же лишь одна сапёрная лопатка на троих. Так что землю пришлось выгребать руками, преодолевая невероятную усталость. Но к утру все мы были уже в окопах, укрывшись от налёта «мессеров». А вскоре, выполняя приказ командования, дерзкой атакой отбили у противника господствующую высоту Фонарь».

Вот из таких эпизодов и состояли фронтовые будни наших воинов, и Семёна Гитиса, в частности.

Каждый такой рывок вперёд, каждая атака под перекрёстным огнём противника, при рвущихся поблизости снарядах и минах, при надвигающихся и готовых в любой момент подмять под себя вражеских танках – разве это не подвиг?! А таких рывков за всю войну Семёну Гитису довелось совершить не одну

сотню. И лишь редкое везение позволило ему остаться живым в этом пекле.

Апофеозом славного боевого пути кавалера многих боевых наград Семёна Гитиса стало его участие в Параде Победы на Красной площади.

Твёрдо чеканя шаг по брусчатке главной площади страны, Семён Гитис преисполнялся гордостью за свою родину, её героический народ, вспоминал свою военную одиссею, не доживших до этого триумфа боевых товарищей, сгоревшую в огне Холокоста родню.

Пройдя через все круги ада, потеряв девять человек родни, в том числе мать и сестру с двумя её дочерьми, зверски уничтоженных фашистами в лесу у Соболевки, Семён не очерствел душой, не утратил интерес к знаниям, к науке и даже к литературному творчеству.

В послевоенный период, проявив огромную целеустремлённость, настойчивость и упорство в достижении цели, Семён Гитис в полной мере использовал свой интеллектуальный потенциал. Он всецело посвятил себя решению серьёзных научных проблем, которые были важны для страны и имели прямое отношение к освоению космоса.

Одновременно он занимался преподавательской работой, которой посвятил свыше 50 лет. Он стал доктором химических наук, профессором, создал современную кафедру, отраслевую лабораторию и Совет по защите кандидатских диссертаций. За огромные заслуги по обучению и воспитанию студентов, за подготовку через аспирантуру и

докторантуру педагогических кадров для институтов и университетов он был удостоен престижной в России медали имени Ушинского, а позднее был награждён орденом Почёта.

Все, кто жил в те времена в России, прекрасно знают, что такие награды евреям просто так не давали.

Впечатляют заслуги Семёна Гитиса и в области науки. На заре освоения космической техники в тогдашнем Советском Союзе возникла острейшая проблема создания особых высокопрочных материалов для обшивки космических кораблей, способных выдерживать сверхвысокий температурный режим при полёте в плотных слоях атмосферы. Никакие существующие металлические и прочие материалы для этой цели не подходили.

У Гитиса и его коллег возникла дерзкая идея создания необходимых для освоения космоса материалов на базе совсем не перспективных для этих целей полимеров. Широкомасштабное исследование, потребовавшее глубоких знаний, смелого творческого дерзания, увенчалось успехом. За это Семён был удостоен Государственной премии.

Научные исследования, выполненные Семёном и его коллегами, не остались невостребованными. Они послужили толчком для развития новых отраслей прикладной химии. Семён Гитис проделал огромную организаторскую работу по созданию Всесоюзного научно-исследовательского и проектного института мономеров. Значительны его заслуги и в научном руководстве им. Семён является соавтором многих изобретений, внедрённых на 12-ти предприятиях

химической промышленности. Его роль в этих работах была отмечена орденом Трудового Красного Знамени.

Поражают масштабы творческой активности Семёна Гитиса. Он является автором и соавтором 750 научных публикаций, 150 авторских свидетельств и патентов, «Заслуженным деятелем науки Российской Федерации», действительным членом Российской академии естественных наук и Лауреатом Государственной премии Российской Федерации.

Как нередко в таких случаях бывает, большая наука соседствует рядом с поэзией. Семён Гитис – автор нескольких поэтических сборников. Пятый сборник «Стихи разных лет» издан уже в Израиле.

В 2003 году Семён Гитис репатриировался на историческую родину. Здесь он нашёл уют и радость жизни, с первого дня полюбил город-курорт, жемчужину Средиземноморья – Нетанию.

Невзирая на свой преклонный возраст, он и в 95-летнем возрасте продолжал петь в ветеранском хоре, выступать с лекциями в клубе ветеранов и с публикациями в прессе.

Своеобразной оценкой мужества и героизма ветерана, проявленных им в борьбе с фашистскими захватчиками, стало награждение его российской медалью «70 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-45 гг.»

А получив в день своего 95-летия израильскую юбилейную медаль «70 лет Победы над нацистской Германией», Семён Гитис, вместо традиционного в своё время ответа на приветствие «Служу Советскому

Союзу!», с улыбкой, но на полном серьёзе, произнёс: «Дай Бог, дай Бог не в последний раз!».

Пожелаем же и мы, дорогие читатели, этому неординарному человеку, являющемуся символом величия нашего народа «Так держать до 120!».

В день юбилея

Этот очерк о Семёне Гитисе, мальчике из еврейского местечка, воине, учёном, поэте, очень обаятельном и душевном человеке, пусть послужит для нынешнего и грядущих поколений наглядной иллюстрацией величия нашего современника.

Знаменосец ветеранского движения

Предлагаемое читателю краткое повествование об одном из пятисоттысячной плеяды еврейских творцов Великой Победы является ещё одним бесспорным подтверждением приведённого в предисловии высказывания выдающегося полководца Маршала Советского Союза Г.К. Жукова о неограниченной роли воинов-евреев в разгроме нацизма.

Из 23-х благодарностей Верховного Главнокомандующего самой дорогой и памятной для полковника Бориса Когана стала первая из них – за освобождение его родного города Житомира.

В изданном к 70-летнему юбилею Великой Победы альманахе «У каждого человека есть имя. Имя твоё – Герой» среди полутора сотен повествований о тех, кто внёс свой достойный вклад в разгром нацизма, спасении наших соплеменников от «окончательного решения еврейского вопроса» и в создание нашего Государства, по праву занимает место и очерк о Борисе Когане. Считаю своим долгом ознакомить читателя со славным боевым прошлым и достойным жизненным путём этого неординарного человека.

Мой дважды земляк Борис Коган родился в 1925 году в старинном украинском городе Житомир. Окончание девятого класса совпало у него с началом войны. И он в составе небольшого комсомольского отряда был направлен на охрану моста и боевое дежурство на нём в ночное время.

В первых числах июля Коганы, как и ещё полсотни семей, захватив с собой лишь самое необходимое, на конных повозках, выделенных местной властью, покинули отчий дом и двинулись в безрадостный и опасный путь на восток, преследуемые молниеносно наступающими войсками вермахта. (Кстати, мы с матерью тоже были беженцами в том обозе).

Преодолев почти 150-километровый отрезок пути, добрались до пригорода Киева и остановились на передышку в Святошинском лесу. Вскоре над нами и проходившей рядом автомагистралью появились вражеские самолёты, и вокруг начали рваться бомбы. Пробежавшая мимо группа красноармейцев сообщила о высадке поблизости немецкого десанта. Так что пришлось срочно ретироваться с этого места. Через несколько минут на него рухнул и взорвался сбитый в воздушном бою самолёт.

С небольшой группой беженцев Коганы добрались до города Лохвица Полтавской области. Однако стремительное наступление немецкой армии вскоре вынудило их бежать дальше.

В Воронеже, где они на некоторое время задержались, Борис успел поработать на кирпичном заводе.

Затем судьба забросила их в Алтайский край, в деревню Малое Угреново. Здесь беженцы встретили сочувственное отношение сибиряков. Гостеприимные хозяева поселили их в своих избах, делились, чем могли, хоть и самим выжить было нелегко.

Там с весны и до конца осени 1942-го года Борис проработал учётчиком в колхозной полевой бригаде.

В начале февраля 1943 года он, накануне своего 18-летия, был призван в ряды Красной Армии и направлен на учёбу в город Томск, в эвакуированное туда с Украины Днепропетровское Краснознамённое артиллерийское училище. В январе следующего года по окончании ускоренного курса училища младший лейтенант Борис Коган был направлен на Первый Украинский фронт, в 302-й гаубично-артиллерийский полк командиром стрелкового взвода.

О боевом пути Бориса Когана красноречиво свидетельствует полученная им по окончании войны грамота, в которой, в частности, сказано *«...личному составу Вашего соединения за отличные боевые действия и Вам, участвовавшему в этих боях и проявившему в них доблесть и мужество, честно выполнившему свой долг перед Родиной, Верховным Главнокомандующим маршалом Советского Союза товарищем Сталиным объявлено двадцать три благодарности»*. И самой дорогой и памятной для Бориса стала первая из них – за овладение 1 января 1944 года его родным городом Житомир.

Каждая из благодарностей: за овладение городом Проскуров, за прорыв обороны немцев на Львовском направлении, за овладение городом Сандомир и

Сандомирским плацдармом на реке Висла, за прорыв обороны немцев западнее города Сандомир, за преодоление сопротивления немцев в Силезии и выход на реку Одер в районе города Бреслау, за форсирование реки Одер северо-западнее города Бреслау, за овладение городами Штрелен и Рыбник, за прорыв обороны немцев на реке Нейссе и, наконец, за овладение 8 мая 1945 года важным узлом дорог и мощным пунктом обороны немцев в Саксонии – городом Дрезден – славные вехи ратного пути ветерана, свидетельства его мужества и героизма, проявленные в кровопролитных сражениях с ненавистным врагом.

Каждая строка этой грамоты вызывает у него яркие воспоминания о прожитом и пережитом, о тяжёлых военных лишениях, радости побед и горести утрат.

Так в разгар ожесточённых боёв на Сандомирском плацдарме в августе 1944 года, в одну из ночей, батарея, в которой Борис был старшим офицером, заняла позицию, оказавшуюся минным полем. Вся территория вокруг орудий и между ними была густо «нашпигована» противопехотными минами. Однако менять позицию не было возможности, так как в это время противник бросил в контратаку на этом участке фронта около 50 танков. И артиллеристы Бориса Когана, подверженные смертельной опасности на каждом шагу, при взаимодействии с соседними батареями полка, мужественно вступили в единоборство с врагом и подбили несколько его танков, заставив остальные позорно ретироваться с

поля боя. Выстояв и победив в этом сражении благодаря умелому руководству командира и, возможно, по счастливой случайности, батарея не понесла потерь.

Приняв участие в боях на Украине, в Польше, Германии и Чехословакии, Борис войну закончил командиром боевой артиллерийской батареи и продолжил службу в рядах Советской армии на различных командных должностях до мая 1977 года, отдав ей 34 года своей жизни.

В феврале 1977 года заместитель Министра обороны СССР генерал армии С. Соколов поздравил Бориса Когана с награждением медалью «Ветеран Вооружённых сил СССР» и за долголетнюю безупречную службу объявил ему благодарность и вручил грамоту МО СССР.

Эта медаль заняла почётное место среди наград ветерана: двух орденов Отечественной войны 2-ой степени, множества медалей, среди которых особо памятна медаль «За боевые заслуги».

После увольнения из кадров Вооружённых сил Борис Коган работал заместителем начальника хозяйственного отдела в объединении кожевенных предприятий им. Фрунзе, а затем – заместителем начальника цеха на Киевском опытном инструментально-механическом заводе.

По прибытии в Израиль в ноябре 1990 года отважный офицер и опытный руководитель был избран членом Нетанийского комитета Союза ветеранов Второй мировой войны, с мая следующего года добросовестно трудился на посту заместителя

председателя комитета, а с 1995 года возглавил эту организацию. Более двадцати лет он успешно руководил ею, пользуясь авторитетом и заслуженным уважением ветеранов и их семей. За многолетний добросовестный труд и достигнутые успехи в ветеранской работе Борис Коган занесён в книгу Почёта организации, награждён несколькими грамотами Центрального Совета Союза ветеранов, членом которого его избирали на XI и XII съездах, удостоен звания «Почётный член Союза ветеранов». Он награждён также рядом юбилейных медалей Израиля, Российской Федерации, Украины и Беларуси, а также престижной медалью РФ «За честь и мужество».

Руководители ветеранского движения гор. Нетани
Шломо Фишман и Борис Коган на церемонии
открытия Мемориала бойцам Красной Армии

Все эти годы его верной помощницей, запевалой большинства ветеранских мероприятий, всеобщей любимицей организации, а в последние годы – председателем женсовета является его жена Марина.

С ней, юной учительницей младших классов, Борис связал свою жизнь более 65 лет тому назад. Более тридцати лет Марина проработала в школах Армении и Киева, пользуясь любовью и заслуженным уважением своих учеников, их родителей, педагогических коллективов.

За долголетний добросовестный труд она удостоена почётных званий «Победитель социалистического соревнования» и «Отличник народного образования Украины», награждена несколькими медалями и множеством почётных грамот.

В Израиле Марина за активное участие в ветеранском движении награждена несколькими юбилейными медалями, почётными грамотами,

удостоена звания «Человек года» и награждена престижной медалью – «За честь и достоинство».

Борис считает Марину своим надёжным тылом, благодаря которому он и поныне, перешагнув уже 90-летний жизненный рубеж, остаётся в строю, являясь знаменосцем ветеранского движения.

Встреча председателя Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации С. Е. Нарышкина с ветеранами Второй мировой войны у памятника Красной армии в Нетании 25.02.2014 г.

Фото предоставлено пресс-службой мэрии г. Нетании

Не стареет душой ветеран

Михаил Богуславский уже давно перешагнул 90-летний жизненный рубеж. Однако ещё недавно его строевая выправка выдавала в нём кадрового военного. И в этом нет ничего удивительного. Ведь он и после юбилея оставался в строю, возглавляя Нетанийский комитет Союза воинов и партизан – инвалидов войны с нацистами. И справлялся с этим он довольно успешно.

Под его руководством комитет проявлял неустанную заботу обо всех членах своей организации, постоянно интересовался состоянием их здоровья, не забывая при этом и о вдовах, посещал на дому и в больницах лежачих больных, оказывал им по мере возможности всяческую поддержку и помощь. Юбилеры и именинники получали от комитета поздравления открытками, памятными адресами и через радиостанцию «РЭКА». В их честь устраивались коллективные торжества в комитете, во время которых им посвящались проникновенные стихотворения и любимые песни их фронтовой молодости. При этом участники чествования не оставались без памятного подарка.

Членам организации совместно с их родными и близкими предлагалось принять участие в увлекательных экскурсиях по стране, отдохнуть на

Мёртвом море или в Эйлате, отметить свои любимые праздники в ресторане.

Продолжая добрую традицию своего предшественника на этом посту Янкеля Таубе, Михаил Богуславский большое внимание уделял увековечению светлой памяти ушедших из жизни ветеранов. О них вспоминают на собраниях, регулярно посещают их могилы, возлагают на них цветы.

Инвалиды войны по мере их возможностей вовлекаются в общественную работу, живо откликаются на политические события в стране. Так, например, во время военного противостояния со злейшим врагом нашего государства – «Хизбаллой» они по инициативе депутата кнессета Роберта Илатова и заместителя мэра города Нетания Леонида Свердлова, поддержанной Михаилом Богуславским, собрали значительную денежную сумму, которая затем была передана в подарок солдатам из Нетании, воевавшим в Ливане.

На счету комитета и женсовета при нём было проведено ещё множество интересных мероприятий, помогавших бывшим воинам забыть о своем довольно-таки почтенном возрасте, дающих о себе знать фронтовых ранах и различных жизненных проблемах и неурядицах.

За это члены организации и их семьи были безгранично благодарны своему уважаемому руководителю Михаилу Богуславскому и от всей души желают ему «Так держать до 120!»

Свой жизненный путь Михаил разделил на пять периодов: довоенный, военный, служба в армии после

войны, демобилизация и жизнь «на гражданке», репатриация и жизнь в Израиле.

Родился Михаил Богуславский в прекрасном украинском городе Каневе в 1921 году в семье рабочих. После переезда вместе с родителями в город Днепропетровск окончил там среднюю школу, получив при этом, как и все его сверстники, нравственную, общественную и политическую закалку в пионерском отряде и комсомольской организации.

Хорошие знания, высокая эрудиция, прекрасная характеристика помогли любознательному, трудолюбивому еврейскому пареньку беспрепятственно поступить на исторический факультет Днепропетровского государственного университета.

Однако война мигом перечеркнула радужные перспективы и чаяния 19-летнего студента, не дав ему даже возможности сдать экзамены за первый курс. Она заставила его, как и весь советский народ, сдать несравненно более сложные испытания на преданность своей Родине, целеустремлённость в борьбе за её честь и независимость, стойкость, выносливость, мужество, самоотверженность, готовность к самопожертвованию, веру в окончательную победу над ненавистным врагом.

«Первый день войны, тот далёкий июньский сорок первого года, первый из всех 1418 дней самой жестокой и кровопролитнейшей из всех войн, которые когда-либо пережило человечество, день, до которого мы счастливо жили, любили, учились, мечтали, строили планы на будущее, всё это

перечеркнул. И мы начали новую жизнь, опалённую войной, наполненную лишениями, слезами и кровью».

Эти мысли, высказанные Михаилом Богуславским в его воспоминаниях «У стен родного города» в книге «Вот солдаты идут...» (Москва, 1993 год), стали уделом и судьбой каждого советского человека его поколения.

Услышав по радио сообщение о начале войны, Михаил помчался в университет, и после короткого митинга был направлен для проведения разъяснительной работы на производство. Через несколько дней он вместе со студентами в поте лица трудился на сельхозработах в колхозах, а затем на рытье убежищ.

9 июля 1941 года Михаил был призван в армию.

«По прибытии в казармы не обмундировали, не вооружили, а сразу же послали в район деревни Краснополье (пригород Днепропетровска) рыть

противотанковые рвы, – вспоминает ветеран. – Этот непривычный для нас изнуряющий физический труд сопровождался почти беспрерывными налётами вражеской авиации.

Однако оторопь брала не столько от страха в любой момент погибнуть, сколько от сознания того, что наша «непобедимая и легендарная» Красная Армия вот-вот подпустит ненавистного врага к моему любимому городу, ещё недавно утверждая, что «любимый город может спать спокойно»

(Крамольная мысль о том, что уже через пару месяцев фашистская армада окажется чуть ли не у стен Кремля, у нас тогда еще не могла возникнуть).

Когда 24 августа немцы подошли к Днепропетровску, мы, почти безоружные и необмундированные солдаты, вместе с отступающими частями нашей армии приняли свой первый бой».

Михаил и сейчас с содроганием вспоминает это своё боевое крещение, в ходе которого безусым юнцам, по сути и по форме ещё и не ставшим солдатами, пришлось сдерживать мощный натиск гитлеровской армады, испытывая ужасные душевные муки от своей беспомощности и безысходности.

Трезво оценив сложившуюся ситуацию, наше командование вывело из боя безоружных студентов, что спасло их от неминуемой гибели, переправило их по железнодорожному мосту через Днепр и направило для усвоения военного дела в Ростов на Дону. Но вскоре и он был захвачен фашистами. Перед этим недавние студенты были отправлены на учёбу в Астраханское военное пехотное училище.

В июне 1942 года, после прохождения ускоренного курса обучения, лейтенант Михаил Богуславский был направлен командиром взвода в запасной полк, дислоцированный в городе Камышине, готовившим в спешном порядке маршевые роты для отправки на Сталинградский фронт.

С началом героической обороны города на Волге солдат запасного полка отправили на передовую, а офицеров – в Уральский военный округ. Здесь полк

получал пополнение из Средней Азии. В течение месяца новобранцев готовили к боевым действиям, учили окапываться и стрелять, после чего отправляли на фронт. В лютые морозы офицеры и солдаты жили в землянках. Питанием их тоже не баловали. Но по этому поводу никто не роптал.

В конце ноября 1942 года Михаила Богуславского как исполнительного, дисциплинированного и инициативного офицера направили на учебу в Свердловский филиал высших стрелково-тактических курсов «Выстрел», готовивших командиров рот.

Несколько выпускников этих курсов, хорошо разбирающихся в топографии и умеющих безупречно работать с картами, в том числе и Михаила Богуславского, начальник штаба формировавшегося в то время в Свердловске стрелкового корпуса, затребовал в своё распоряжение.

Когда летом 1943 года корпус прибыл на передовую Орловско-Курской дуги, Михаил был назначен командиром стрелковой роты 323-й стрелковой дивизии, в составе которой прошёл фронтовыми дорогами от Брянска до Берлина.

Память ветерана навечно зафиксировала тяжёлые, кровопролитные бои дивизии на Брянщине, где земля пропитана кровью его однополчан, стремительный штурм дивизии на рассвете 17 сентября 1943 года и овладение старинным русским городом, в то время крупным стратегическим пунктом на реке Десне, Брянском.

В тот день Москва салютовала войскам, освободившим этот сильно укреплённый рубеж, а дивизии было присвоено наименование «Брянская».

Незабываемыми для Михаила остались и кровопролитные бои его роты при прорыве вражеской обороны под белорусским городом Гомелем. После его освобождения 25 ноября 1943 года его рота форсировала реку Сож и начала наступление на город Жлобин. Однако с ходу преодолеть прочную линию обороны противника на этот раз не удалось. После длительного противостояния командование решило изменить направление главного удара и форсировать Днепр в районе города Рогачева.

«Севернее Рогачева, после форсирования Днепра, полки дивизии подошли к реке Друть, – повествуется в очерке «От Тамбова до Эльбы» из упоминаемой выше книги «Вот солдаты идут...», – на её правом высоком берегу была долговременная, хорошо укреплённая оборонительная полоса. Здесь фашистское командование намеревалось остановить наше наступление с тем, чтобы весной перейти в контрнаступление. Но этим планам не суждено было осуществиться. После битвы на Курской дуге инициатива полностью перешла к Верховному Главнокомандующему нашей страны. Советские генералы и офицеры все больше овладевали «наукой побеждать», как когда-то говорил русский полководец А.В. Суворов.

23 февраля 1944 года, преодолев упорнейшее сопротивление противника, дивизия форсировала реку Друть и в ходе ожесточённого ночного боя заняла

небольшой плацдарм на её правом берегу. Части дивизии удерживали его вплоть до летнего генерального наступления, вошедшего в историю войны как операция "Багратион"».

В этом бою Михаил был тяжело ранен и эвакуирован в полевой госпиталь. После четырёхмесячного лечения, накануне операции «Багратион», в успешном осуществлении которой огромную роль сыграл захваченный на реке Друть плацдарм (на нём находился командно-наблюдательный пункт 3-й Армии), он был направлен в свою дивизию и снова назначен командиром 4-й стрелковой роты.

Однако вскоре его как отважного, опытного, инициативного и рассудительного воина командование перевело офицером связи в оперативный отдел дивизии.

В составе 3-й армии дивизия прошла нелёгкий путь по Белоруссии, освободив десятки городов и сотни населённых пунктов, точнее то, что от них осталось – груды развалин и пепелища.

После взятия крупного промышленного и культурного центра восточной Польши города Белостока дивизия была направлена в Люблин для обеспечения нормальной деятельности вновь созданного польского правительства. Во время Висло-Одерской операции, освободив западную часть Польши, дивизия форсировала Одер и вступила на территорию фашистской Германии.

Когда Берлин был окружён нашими войсками, на помощь фашистам была брошена большая

группировка противника. 33-й Армии, в состав которой входила и 323-я стрелковая дивизия, была поставлена задача сорвать продвижение подкрепления к осаждённой столице. С этой задачей дивизия успешно справилась и, разгромив направляющиеся к Берлину вражеские войска, устремилась к городу Магдебургу. Там в день капитуляции разгромленного берлинского гарнизона (2 мая) состоялась историческая встреча на Эльбе с американскими войсками. Она оставила у Михаила Богуславского незабываемые впечатления.

Там, у города Магдебург, Михаила и застало такое долгожданное, выстраданное на протяжении 1418 дней и ночей тяжелейших лишений, кровопролитнейших боев, горечи поражений и утрат, радостное сообщение о Великой Победе.

После расформирования дивизии Михаил до 1948 года служил начальником штаба стрелкового батальона в группе оккупационных войск в Германии. Затем были 16 долгих лет службы в Закавказском военном округе заместителем начальника штаба мотострелкового полка.

Демобилизовался Михаил в 1965 году в звании майора, посвятив воинской службе 24 года. В праздничные дни китель ветерана украшают 2 ордена Отечественной войны 1-й и 2-й степени, 2 ордена Красной Звезды, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией», «За 20-летнюю безупречную службу» и множество юбилейных медалей.

В упоминаемом выше воспоминании Михаила Богуславского есть строки о мучительном расставании в начале войны с городом его детства и юности: «Мы шли на восток через весь город, который ещё недавно был живым, деятельным, а теперь помертвевшим, в пламени пожарищ. Каждый из нас давал молчаливую клятву обязательно вернуться сюда, – и только с победой».

И эту клятву Михаил выполнил. Вернувшись с победой в Днепропетровск, он стал тружеником самой мирной профессии, работая художником-оформителем Управления по благоустройству города. 32 года он самозабвенно, как говорится, до седьмого пота, трудился над тем, чтобы его любимый город изо дня в день становился всё краше. За свой скромный, но самоотверженный труд он пользовался заслуженным уважением в коллективе. Его портрет не сходил с Доски Почета.

Но и на «гражданке» Михаил Богуславский не порывал связей со своей, ставшей ему родной, 323-й Брянской Краснознаменной ордена Суворова 2-й степени стрелковой дивизией. Он красочно оформил карту её боевого пути от Тамбова до Эльбы, вёл переписку и обменивался праздничными поздравлениями со своими боевыми соратниками, в частности с генерал-лейтенантом Никитиным. 15 сентября 1985 года был почётным участником празднования 1000-летия Брянска и гостем музея дивизии.

В канун 50-летия Великой Победы Михаила снова пригласили в Брянск, где он был почётным

гостем музея своей родной дивизии в средней школе № 55. Он до сих пор бережно хранит привезённый с этой встречи буклет с фотографиями боевых реликвий части и своих друзей-однополчан, один из которых в то время был председателем Брянской облгосадминистрации. Довелось ему побывать и на встрече с однополчанами на бывшем плацдарме за рекой Друть, где в кровопролитном сражении Михаил потерял многих своих боевых друзей-побратимов, а сам был тяжело ранен.

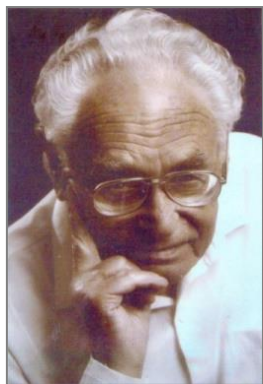
Памятны ветерану и ряд других встреч с воспоминаниями о друзьях-товарищах, о боях-пожарищах, в частности, встреча ветеранов 3-й Армии в Москве.

Репатриировавшись в 1997 году, Михаил Богуславский сразу же включился в общественную работу Нетанийского комитета инвалидов 2-й мировой войны. Его скромность, доброжелательность, умение ладить с людьми, способность оперативно решать сложные проблемы и тут снискала ему большое уважение. И сейчас он по мере своих сил и здоровья продолжает принимать участие в работе возглавляемой им ранее организации.

Не оставил Михаил и свое хобби. Всё свободное время он с упоением занимается живописью. Так что не стареет беспокойная душа ветерана, душа, стремящаяся всегда и везде сеять разумное, доброе, вечное.

«Повесть о настоящем человеке»

Прошу прощения за использование названия широко известной в своё время книги Бориса Полевого. Но оно, как никакое другое, подходит к данному очерку. Ведь одиссея Леона Коварского, если и не сравнима, то вполне сопоставима с подвигом Алексея Маресьева. В этом читатель убедится, прочитав очерк. Надеюсь, что это оправдает меня в кругу читателей и литературных критиков.

Впрочем, судите сами.

Этот очерк – рассказ о нелёгкой судьбе еврейского юноши Леона Коварского в период Второй мировой войны, о его борьбе за выживание без родителей и близких ему людей. Это рассказ о том, как он, преодолевая многочисленные невзгоды, трудности и искусственные препятствия, сумел добиться весомых успехов в педагогической и научной деятельности в стране исхода.

Живя в Израиле, он не остаётся безразличным к происходящим в стране социально-экономическим и политическим процессам. И на своей исторической родине он, перешагнувший уже свой 90-летний жизненный рубеж, продолжает принимать активное участие в работе общественных организаций и научных конференций, публикует статьи, выступает с лекциями, разработал практические рекомендации по улучшению состояния экономики и просвещения

Израиля.

Предоставим же ему слово и на страницах этой книги

«Я родился в 1927 году в Кишинёве (в то время входившим в состав Румынии) – вспоминает Леон Коварский о своём жизненном пути. – Мама, Фаня Иосифовна Рабинович, родом из местечка Скуляны (Бессарабия). Папа – Коварский Самуил-Хаим Львович из Литвы. Отец преподавал в различных еврейских учебных заведениях Кишинёва, принимал активное участие в общественной жизни города. На его публичные выступления, а также для участия в проводимых им дискуссиях приезжали известные еврейские деятели не только из Румынии. Обладая громадным интеллектом, он научил меня критически мыслить, привил любознательность, научил находить источники информации и пользоваться ими, привил трудолюбие, скромность и честность.

Мама излучала любовь, красоту и доброту, стремление помогать всем нуждающимся. К великому сожалению, она тяжело заболела, когда мне было около четырёх лет.

Была у меня ещё сестричка Фирочка, пятью годами старше меня, мы жили дружно и нежно любили друг друга.

В 1935 году в Кишинёве закрылись многие еврейские учебные заведения. Папа остался без работы. Вскоре он получил приглашение преподавать историю и географию в румынской гимназии местечка Липканы, и мы переехали туда. И здесь отец пользовался большим авторитетом и уважением.

Будучи уже в Израиле, много бывших кишинёвцев и липканцев подходили ко мне и с восхищением вспоминали отца.

Леон с папой Самуилом, мамой Фаней и с сестрой Фирочкой.

Лето 1928 г. Курорт Ватра-Дорней

Мама с маленьким Леоном на руках

В то время уже чувствовалось приближение опасности, и отец разъяснял мне, своему десятилетнему сыну, сущность румынского и немецкого фашизма, рассказывал об угрозе антисемитизма и гитлеризма.

28-го июня 1940 года Бессарабия и Северная Буковина были включены в состав СССР и образовали

Молдавскую ССР. Основная масса еврейской интеллигенции из-за акций местных фашистских молодчиков и угроз со стороны Германии восприняла это событие положительно. Только позже, с началом бесосновательных репрессий, наступило прозрение.

Весной 1941 года я с отличными оценками окончил седьмой класс и был премирован бесплатной путёвкой в пионерский лагерь Флоареця (недалеко от Унген) у реки Прут, рядом с пограничной заставой. 12-го июня, день моего отъезда, был последним днём общения с родными. За десять дней до начала войны я прибыл в лагерь.

В первые дни войны на этом участке стояла тишина и была надежда победить врага на его же территории. Но рассвет 1-го июля разбудил нас грохотом канонады. Обслуживающий персонал лагеря исчез. Я убедил нескольких старших ребят вместе убежать от фашистов. И мы, пять мальчиков и две девочки, двинулись в изнурительный и опасный путь на восток. Более трёх месяцев, в основном пешком, иногда с обозом эвакуированных или со стадом коров мы продвигались вперёд, голодные, оборванные, жутко переживая за родных, уже привыкшие к обстрелам вражеских самолётов, полные решимости уйти от фашистов. Иногда мы оказывались в тылу наступающего врага, но продолжали скрытно продвигаться на восток. Однажды нам удалось пробраться в товарный железнодорожный состав, но на второй день после бомбёжки паровоз отцепили, и мы вынуждены были продолжать путь пешком. Наступила осень, тяжелее стало доставать еду,

появились мучения от ночного холода. В начале октября мы добрались до узловой железнодорожной станции Ясиноватая. Здесь в эвакупункте нас накормили. Кто-то из эвакуированных собрал для нас кое-какую обувь и одежду. Через несколько дней нас посадили в поезд и 12-го октября мы прибыли в Сталинград. Нам организовали «санобработку», ведь наши тела были покрыты струпьями грязи и полчищами вшей. Потом нас сдали в детский дом им. Горького. Так окончилась моя первая одиссея.

Я безмерно благодарен персоналу детского дома, который одичавших, отчаявшихся ребят, согрев, вернул к жизни. В 1942 году детдом эвакуировали в село Козьмодемьянское Молотовской (теперь Пермская) области. Всю старшую группу привезли в Пермь и распределили в техникумы или ремесленные училища. Таким образом, я стал учиться в строительном техникуме. Проживал вместе с эвакуированным из Белоруссии Мишей Соколовым в небольшом старом домике. За проживание мы не платили, да и нечем было платить, а хозяйка никогда и не требовала.

В то время я не задумывался, но теперь всё больше склоняюсь к мысли, что Миша тоже был евреем. За полуторагодовое совместное проживание у нас ни разу не было размолвок, но оба мы были замкнутыми. Ни разу мы не спросили друг у друга о прежней жизни.

Я всё больше скучал, тревожился о судьбе родных, всё тяжелее переносил расставание с ними.

О том, что с ними произошло, я узнал позже. С

началом войны перестали ходить поезда, отсутствовала связь, и отец пошёл пешком в лагерь за мной. А это примерно 180 километров. Не найдя меня, вернулся в Липканы. Естественно, что об эвакуации родных речи уже быть не могло. Начались грабежи и погромы, вначале как самодеятельность местного населения, потом по приказу властей. Оставшихся евреев выгнали из своих домов и погнали в Транснистрию. На этой территории, на левом берегу Днестра, готовилось место для гетто и лагерей.

На фото: Место, где в 1941 году были замучены фашистами и умерщвлены 6000 евреев.

Надпись на памятнике на иврите и молдавском языках

В Косоуцком лесу (Косоуцы – село на правом берегу Днестра, напротив местечка Ямполь) полицейские из местных жителей учинили зверскую расправу над безоружными, измученными, страдающими от болезней, голода и жажды людьми. О подробностях дикой бойни я узнал от очевидцев только после репатриации в Израиль. Всего в лесу

было замучено около 6000 человек. Папа, сестра и мачеха – Адель Исааковна Хавис держались вместе. Двое полицейских подошли к Адели с намерением снять с её пальца кольцо. Это им не удавалось, и они стали силой его срывать. Естественно, папа заступился и получил смертельный удар по голове. После этого подобием вил проткнули голову Адели. Что случилось с Фирочкой, очевидцы не помнят. . .

Памятник в Косоуцком лесу на месте зверского уничтожения многих тысяч евреев

Вернёмся к событиям в Перми. Постоянное чувство голода и ежедневные очереди для получения 400 граммов хлеба. Сахара полагалось 300 граммов в месяц, но за полтора года лишь дважды вместо сахара удалось получить галеты. Талоны на мясо, крупу и жиры из карточки вырезали для столовой при техникуме. Там можно было пообедать – похлебать горячий «суп». С чувством благодарности и

восхищения вспоминаю директора техникума Баранова. Он всячески опекал таких, как я, помогал в силу возможностей, особенно в критических ситуациях (а таких было немало, и не только у меня). Для этого, кроме сочувствия, необходимо было мужество. Однажды, в очереди за хлебом у меня из рук вырвали хлебную карточку, а до получения следующей карточки оставалось целых 12 дней. Я был в отчаянии, но никому не пожаловался. Каким-то образом Баранов узнал о случившемся. Он освободил меня от занятий и выдал официальное предписание явиться для временной работы на хлебокомбинат. Работа была очень тяжёлой, по 12 часов в сутки. Но! Дважды в перерывах кормили супом из крупяных высевок, а после работы разрешали набрать мешок гречневой лузги. Из неё Некрасова (хозяйка) высевала четыре-пять стаканов гречневой пыли, а лузга использовалась как топливо. И я 12 дней до получения новой карточки выжил и даже немного окреп.

В другой раз Баранов направил нас с Мишей на фабрику-кухню при авиационном заводе № 3. Там мы целый день пилили и кололи дрова. Потом нас чем-то очень вкусным накормили и выдали по буханке хлеба. При этом строго предупредили никому об этом ничего не говорить. Вот, пожалуй, и все мои сытные дни в Перми.

Как-то в конце апреля Баранов откомандировал меня к директору одного совхоза, чтобы доставить ему бумагу и бланки. Взамен я должен был получить для себя продукты питания. Совхоз находился на правом берегу реки Сылва. Начался ледоход. Перейти

на другой берег мне не удалось, я провалился под лёд. Каким-то чудом баграми меня вытащили и в сторожевой будке обсушили. Увы! Бумага и надежда на продукты пропали.

В госпиталях был постоянный дефицит донорской крови. Техникум шефствовал над госпиталем, который размещался в здании, до войны принадлежавшем ему. Студентам, достигшим 18-и лет, предлагалось сдавать кровь. За сданную кровь полагался дополнительный паёк. Поехал и я. Мне уже исполнилось 16 лет, но выглядел едва на 14, и к сдаче крови меня не допустили. Ко мне тогда подошёл однокурсник Женя Кулябин и предложил сдать кровь по его паспорту. Мы договорились, что дополнительный паёк будет мой, а его фамилию занесут в список доноров. Кровь я сдал, но дополнительным пайком не смог воспользоваться. Я потерял сознание и только через несколько дней очнулся в гражданской больнице. После этого случая я сильно ослабел, опух, впал в депрессию.

В это время на побывку приехал зять хозяйки – старший лейтенант Зайцев. Я упросил его взять меня с собой на фронт. Таким образом, я оказался в рядах Красной Армии. Был зачислен стрелком 89-й отдельной автороты подвоза 8-й стрелковой Ямпольской дивизии. Вместе с шофёром мы подвозили на передовую различные грузы. Чаще всего боеприпасы. Вспоминаю, как наша дивизия занимала оборону между Коломеей и Печенежиным. Мы возили ящики со снарядами для артиллеристов. Надо было ползком их перетаскивать примерно на 250 метров,

так как местность обстреливалась. К осени мы переместились в глубь Карпат. Однажды снаряды надо было доставить к Керешмезскому перевалу (Ясиня). Во время поездки фашистский снайпер убил шофёра Пашу. Я познакомился с ним только перед рейсом и фамилию его так и не узнал. С трудом переместил его на своё место и довёл машину к пункту назначения

Сержант Леон Коварский.
1945 год

Потом были 254-я отдельная танковая бригада, двухнедельное пребывание в Гороховецких лагерях, получение танков на Сормовском заводе, 59-я гвардейская танковая бригада, 11-я механизированная дивизия. В декабре 1946 года я был демобилизован по состоянию здоровья и возвратился в Кишинёв.

В Кишинёве, в нашей довоенной квартире проживал майор милиции, который не разрешил мне даже зайти в квартиру. В Липканах вилла Адели Исааковны была занята под почту. Жить мне было

негде, специальности не было. Я поехал в Черновцы, куда после эвакуации приехала моя двоюродная сестра Сара Рабинович. Но и у неё положение было ужасное. С двухлетним сыном и мачехой она занимала одну комнату в коммунальной квартире. Черновицкий обком комсомола направил меня на работу освобождённым секретарём ВЛКСМ в Ставчанскую среднюю школу Кицманского района. Потом некоторое время я работал заведующим отделом школ Кицманского райкома комсомола. Время было не только голодное, но и опасное. В районе активно действовали бандеровцы. Однажды вместе с председательницей сельского совета Ахтемийчук мы выехали из Кицманя, но по дороге были захвачены бандеровцами. Ночью нам удалось сбежать, лишившись повозки и лошадей.

В 1948 году, овладев программой средней школы, я экстерном сдал экзамены и получил аттестат зрелости. Поступил на заочное отделение исторического факультета Черновицкого университета, который успешно окончил. С сентября 1948 по 1992 годы длилась моя 45-летняя педагогическая работа: воспитатель детского дома, учитель и заведующий учебной частью семилетней школы, затем учитель истории, обществоведения, математики и физики в средней школе. Потом была работа в техникуме и институте, работал доцентом университета. В 1953 году попытался поступить в аспирантуру на кафедру философии Харьковского университета. Конечно, это было наивно в период разгула государственного антисемитизма. Несмотря

на то, что я лучше других сдал экзамены, мандатную комиссию не прошёл».

Однако это не выбило из седла несостоявшегося аспиранта. Заложив основы своей научной деятельности ещё при подготовке дипломной работы, Леон Коварский упорно и плодотворно сочетал преподавательскую деятельность с подготовкой кандидатской диссертации. Она носила методологический характер. В ней был введён в научный оборот большой социологический материал и научно обосновывался ряд новаций, имеющих большое практическое значение.

Диссертация рассматривалась двумя кафедрами и была рекомендована к защите. При этом положительные отзывы на неё были получены от трёх ведущих учёных страны. Тем не менее, она пять лет пролежала без движения в Совете по защите диссертаций при Киевском университете.

Лишь в 1977 году Леону Коварскому удалось заново оформить все документы и блестяще защитить диссертацию в Московском государственном университете им. Ломоносова. При этом оппоненты, в том числе и академик Ц.А. Степанян, рекомендовали доработать диссертацию и представить её к защите как докторскую.

Леон дополнил диссертацию новыми теоретическими положениями, написал и опубликовал монографию по теме докторской диссертации, добился её обсуждения на кафедре Черновицкого университета, где он в то время работал доцентом. Научный совет при Московском педагогическом

институте им. Ленина согласился принять диссертацию к защите. И молодой учёный сдал её со всеми необходимыми документами в свой университет для отправки по назначению. Но в Москву документы не поступили. Только через год он узнал, что проректор университета Шепета Макар Терентьевич приказал диссертацию никуда не отправлять. Обновить документы ректорат отказался.

Поняв, что плетью обуха не перешибёшь, Леон решил, что диссертация, даже докторская, не стоит уже подорванного здоровья и материальных затрат.

Но и без защиты докторской диссертации Леон Коварский внёс ощутимый вклад в науку. Об этом красноречиво свидетельствует перечисление лишь некоторых фактов его научной деятельности.

Им опубликовано более 130 научных работ, в том числе 5 монографий, из которых одна персональная; он был членом оргкомитетов и редакционных коллегий ряда всесоюзных, республиканских и региональных научных, научно-практических конференций и научных сборников; он был одним из создателей и научным руководителем Черновицкого Социологического центра. Созданная и руководимая им Социологическая лаборатория Черновицкого университета, как и научная деятельность Леона Коварского, имела не только теоретическое значение, но и вносила ощутимый вклад в развитие народного хозяйства страны. К примеру, руководимый им исследовательский коллектив разработал и внедрил комплексный план социально-экономического развития города Марганец Днепропетровской области

на 1971-1976 годы. План был одобрен и принят сессией городского совета, успешно реализован, дал большой социально-экономический эффект. Это был первый в Украине системный план развития города.

Реальный весомый социально-экономический эффект был получен от внедрения ещё 20 исследований, проведённых руководимым Леоном Коварским коллективом.

А многие аспиранты, ставшие впоследствии маститыми учёными, с огромным уважением, теплотой и любовью вспоминают своего мудрого и доброжелательного научного руководителя Леона Коварского.

Боевой путь и мирный созидательный труд ветерана отмечен двадцатью правительственными наградами, множеством Почётных грамот и званий.

Однако самой дорогой наградой Леон считает оценку своей деятельности его коллегами и учениками.

31 октября 1967 года газета «Шахтар Марганца» (Шахтёр Марганца) опубликовала очерк о нём «Человек и человечность». Автор его, Галина Швец, подарила Леону экземпляр газеты с дарственной надписью: *«В честь 50-летия Великого Октября на память Человеку от стремящейся стать хоть немного похожей на него. Учителю от ученицы».*

Вот лишь один фрагмент (в переводе с украинского) этого дорогого для Леона посвящения:

«Множество вопросов задают Леониду Семёновичу студенты. На каждый он отвечает не задумываясь десятками названий, событий, фактов.

Меня же более всего интересует одно-единственное: что породило эту кристальную честность, бескорыстие, скромность и великодушие?

Детство? Оно обещало малышу нелёгкое будущее: маму он увидел только на фотоснимке – её заменил любимый отец. Он оставил сыну самое богатое наследство: 4-летний мальчик уже читал книги.

Возможно, юность? Её не было. Вместо неё – суровая зрелость: фашистские людоеды, смерть двоих самых дорогих людей – отца и сестры, первая седина в пушистых кудрях 14-летнего парня. Потом – детдом, непокорённый Сталинград, суровая Пермь – и он, полуголодный, а чаще и совсем голодный, полураздетый в лютые морозы, ещё студент строительного техникума, после лекций идёт работать для фронта.

... Война закончилась. Для 19-летнего Леонида, заведующего школьным отделом райкома комсомола, она начиналась сызнова, из-за каждого угла угрожая пулей озверевшего недобитка-бандеровца.

... уполномоченный райкома ездил по сёлам, быстро находил общий язык с молодёжью.

То была школа испытаний. Уроки мужества давали вооружённые стычки с бандитами, каждая из которых могла стать последней.

Знакомство с преподавателем математики Щербаковым решило его дальнейшую судьбу, вдохнуло в него веру в свои силы, помогло преодолеть семилетний перерыв в учёбе. Днём работали, ночами сидели над книгами. За год экстерном прошёл

программу средней школы, поступил в вуз.

Диплом преподавателя истории. Какой ценой достался он Леониду Семёновичу! Да к тому же не за пять, а за три года. Про это знает только он да непокорно-гордая седина. Последний экзамен студента-заочника Черновицкого университета стал первым экзаменом на право называться Человеком с большой буквы.

Как-то мы с Леонидом Семёновичем разговорились о киноискусстве. На мой вопрос, что понравилось ему в фильме «Всё остаётся людям», лаконично и чётко ответил: Люди и человечность.

И мне без комментариев стало понятно, чем чарует всех он, тот, кто щедро дарит людям радость».

«Коллектив кафедры высоко ценит Вас, Леонид Семёнович как учёного, опытного педагога, активного участника общественной жизни университета, города, области, и как доброго, отзывчивого товарища, – говорится в приветствии к 60-летнему юбилею. – Вы заслуженно пользуетесь большим авторитетом, уважением не только профессорско-преподавательского коллектива, но и студенческой молодёжи университета».

В другом обращении к юбиляру его коллег в частности сказано:

«Была беда нашей Родине, и Вы её защищали мужеством. Наступило время возродить её из пепла, и вы в солдатской гимнастёрке вышли на строительную площадку. Надо было поднимать молодёжь послевоенных лет, и Вы из райкома

комсомола уходили на рассвете.

Рабочий, учитель, студент-заочник нашего университета, который ныне не только гордится вашими научными трудами, но хорошо помнит буйные кудри Лёни Коварского.

Годы, вы, как чуткие струны. В вас особая мелодия поколения, воплотившего в себе сталь и нежность, полёт фантазии и практицизм: выжить, выстоять, защитить, построить, учиться и учить. Эти годы мы считали не по Хроносу, а по результату. И удивляемся, до чего же молодой Вы – парень этих легендарных лет, до чего современный.

Много сегодня сказано добрых слов о вашей научной, общественной, пропагандистской деятельности. Увы, Ваша многогранность не до конца раскрыта.

Мы уверены, что не посрамим чести кафедры научного коммунизма и лаборатории социологических исследований университета, если высветим ещё одну грань вашего таланта – умение печь изумительные торты.

Поздравляем! Искренне очарованы духом, энергией, молодостью.

Ваши философы».

В унисон с этим звучат и слова Инессы Беднарчик, поздравившей в 2001 от имени женсовета ветеранской организации Леонида Коварского с днём рождения:

«Ваш вклад в жизнь нашей организации неоценим. Высококультурный, высокообразованный, высокопорядочный и просто хороший, душевный

Человек, Вы своими делами, своим интеллектом, своей безотказной работоспособностью и ответственностью помогаете комитету на должном уровне выполнять возложенные на него задачи. И за это Вам большое спасибо.

Но женсовет особенно благодарит Вас за то, что Вы создаёте атмосферу доброго отношения, внимания, заботы, покоя, что так необходимо в ветеранской организации.

... Дорогой Леонид!

Примите, пожалуйста, наше коллективное признание в любви к Вам. В общении с Вами мы забываем о возрасте и обо всём, что связано с ним. Мы чувствуем себя не бабушками, не ветеранами, а жёнами, и даже ещё симпатичными.

... И в Ваш День рождения сказать мы рады,

Что Вас нам судьба подарила в награду».

Такие отзывы о себе герой нашего очерка часто слышит не только в дни рождения.

С того момента, как семья Коварских репатриировалась в Израиль, прошло уже много времени. Но её до сих пор помнят, уважают и нежно любят в стране исхода. Вот, например, фрагмент письма, полученного четой Коварских из украинского города Ровно накануне нового, 2011, года от Лидии Соловьёвой:

«Здравствуйте, мои милые, дорогие, любимые, чудесные, самые замечательные для нас наши далёкие друзья!

Здравствуйте, наши драгоценные, самые лучшие, самые прекрасные Лёночка и Жанночка!»

Леон с женой Жанной. 2009 год. Нетания

Люди, подобные Леону Коварскому, воистину составляют золотой фонд русскоязычной алии, но, к сожалению, не государства в целом. Невостребованность громадного опыта и огромного творческого потенциала наших бывших соотечественников является не только вопиющей несправедливостью по отношению к ним, но и наносит ощутимый ущерб нашему государству. Об этом уже давно пора бы задуматься власть предержащим, а не заботиться лишь о своём личном благополучии.

Золотой души человек

Берта Файнштейн родилась в конце двадцатых годов прошлого столетия в городе Могилёво-Подольском на Украине в семье служащих. Среди сверстников она выделялась своей добротой, скромностью и любознательностью.

Безмятежное детство Берты, как и большинства её ровесников, враз оборвала война, сразу же дав в полной мере испытать все ужасы, невероятные лишения и страшные невзгоды.

Попытка эвакуироваться в связи с близостью места жительства к границе и молниеносным продвижением противника семье не удалась.

Присоединившись к группе эвакуировавшихся на выделенных комбинатом телегах на конной тяге, семья Берты не без трудностей добралась до города Тульчин. Там они остановились у родственников, чтобы дать передышку лошадям. Захватившие вскоре город фашисты отрезали им дальнейший путь в глубь страны, и им пришлось возвращаться домой.

На обратном пути, на свою беду, у села Боровка они нарвались на свору пьяных полицаев. Обрадовавшись такой неожиданной удаче, мерзавцы вдоволь поиздевавшись над несчастными и, обобрав их, погнали всех на зверское уничтожение. Но в последний момент, благодаря чуду и благоприятному

стечению обстоятельств, Берте и её спутникам удалось избежать страшной участи.

Свой дом семья застала с распахнутой настежь дверью и полностью разграбленным. Лишь валявшиеся на полу фотографии напоминали о его прежних обитателях. А попавшаяся на глаза соседская девочка-полячка уже щеголяла в нарядах Берты.

С захватом города нацистскими изуверами жизнь в нём для наших соплеменников превратилась не просто в беспросветное существование, а в ужаснейший кошмар.

Начались беспросветные холодные и голодные, полные унижений и издевательств дни и ночи в гетто. Жизнь на волоске. Постоянные облавы и угон в лагерь смерти. Каждый прожитый день воспринимался узниками, как чудо, как дар божий.

Слушать, и тем более читать горестные воспоминания бывшей малолетней узницы гетто без содрогания и сердечной боли невозможно.

Позволю себе привести в её изложении лишь один из эпизодов.

«Не могу не вспомнить и описать вопиющий случай из времён лета 1941-го года.

На Атакском берегу, против города Могилёва остановили группу бессарабских евреев на ночь передохнуть, чтобы с рассветом дальше гнать на работы и просто на смерть.

Среди людей на берегу своим видом и одеянием выделялась группа раввинов. Был день «Рош а-ходеш» - начало очередного еврейского месяца, когда принято молиться и благословлять новый месяц. С появлением

на небе молодого месяца они собрались все вместе и начали свои молитвы и благословения.

А в это время охрана – румынские офицеры и солдаты пьянствовали недалеко в кабачке. Их кони были привязаны возле него.

Вдруг один из румынских офицеров, наблюдавший за молитвой, решил устроить себе развлечение. Он велел всем раввинам спуститься в реку и продолжать молитву. Не имея другого выхода, они пошли, взявшись за руки, и слова, обращённые к Богу, были всё громче, всё слышнее. Вдрызг пьяные румыны высыпали на берег с винтовками наперевес. А «затейник» гнал молящихся всё дальше, всё глубже.

Месяц на небе становился всё ярче, словно стараясь заставить фашистских ублюдков увидеть всю мерзость их преступных деяний и прекратить их. Но вошедшие в раж палачи не унимались. Раввины в воде уже по плечи, про горло, а изувер под дикое улюлюканье подобных себе мерзавцев требует от обречённых идти вперёд.

Не имеющие ни малейшей возможности предотвратить трагедию, ошеломлённые происходящим, оставшиеся на берегу евреи горько рыдали и просили Бога наказать извергов.

И вдруг в тот момент, когда Днестр полностью накрыл обречённых своими тёплыми волнами и угасли звуки молитвы, неведь откуда взявшиеся тучи закрыли всё небо, скрылся молодой месяц. Погасли все звёзды на небе. Стало совсем темно, ни зги не видать. Мгновенно прекрасная августовская теплынь

сменилась на ураганный ветер, оглушительный гром, ослепительные молнии и сильнейший ливень.

За омерзительной экзекуцией одобрительно наблюдал браво сидящий на коне румынский высший офицер – «колонель». Испугавшись начавшейся бури, конь понёс своего всадника, и их вместе наутро обнаружили мёртвыми.

А евреев из Буковины и Бессарабии всё гнали и гнали. Среди тех, кто чудом остался в Могилёве, были врачи, артисты, инженеры, молодые и старые, богатые и бедные. Они все, как правило, были религиозные. От них я узнала об их довоенной жизни, о том, как советская власть массово ссылала их в Сибирь, считая «врагами народа», какие издевательства им пришлось перенести, когда их, словно овец на заклание, гнали в гетто, в частности о том, как ради забавы румынские солдаты загнали их на мост и около двадцати мужчин утопили в реке. Невзирая на ужаснейшие условия и строжайшие запреты на всё, верующие узники продолжали по мере возможности соблюдать и пропагандировать еврейские традиции и идеи сионизма среди окружающих.

Меня поразило, что находясь в условиях, в которых выжить можно было лишь чудом, почти все они мечтали в случае благоприятного исхода перебраться в Палестину.

Вот тогда я сказала себе: если выживу, то уеду в Израиль. С тех пор я тоже начала соблюдать традиции. И когда много лет спустя у меня родился сын, я пригласила мозля, и он сделал ему обрезание. В

то время это было смелым и довольно рискованным поступком. Если бы о нём стало кое-кому известно, то мне бы не только не быть завучем, но и вообще к работе в школе дорога была бы навсегда закрыта, так как в то время коммунистическое мировоззрение и религиозная мораль были не только несовместимы, но и непримиримыми врагами-антагонистами».

Жизнь в гетто с каждым днём становилась всё невыносимей. А доходящие в него слухи о продолжающихся зверствах фашистских изуверов и их верных приспешников-полицаев в округе лишало узников теплившейся ещё в душах слабой надежды дожить до освобождения их Красной Армией. Но всё-таки они оставались людьми, поддерживали друг друга, общались между собой исключительно на идиш, что являлось своеобразным вызовом их мучителям, и даже сочиняли песни.

Вот лишь один из куплетов, как и многие другие, сохранившиеся в личном архиве героини очерка:

*Может с нами случиться такое,
Что это время вспомним, как время золотое.
Но пока мы живы, надежда всё же есть:
Случиться может чудо. Какое? Бог весть!*

Тягостные воспоминания Берты о беспросветном существовании в гетто завершаю следующим эпизодом из них:

«Сейчас светит яркое солнышко, а меня пробирает жуткий холод. Я вижу улицу родного города, 22 февраля 1942 года. В эту ночь от тифа,

голода, непосильного труда и невыносимых издевательств в гетто умерли сразу оба мои дорогие дедушки Мордхе Сельцер и Герман Гройсман».

Пройдя «все семь кругов ада» и всем смертям назло, лишь чудом оставшись в живых, Берта после войны закончила образование, приобрела профессию преподавателя русского языка и литературы в Кишинёвском педагогическом институте.

Сорок лет она самоотверженно трудилась в минской средней школе № 98 с математическим уклоном, заслужив уважение и любовь педколлектива, учащихся и их родителей.

Разумное, доброе, вечное она сеяла не только на своих прекрасных уроках, внеклассных и внешкольных мероприятиях, но и в процессе своей активной общественной деятельности. Её злободневные журналистские выступления, очерки и репортажи, как и захватывающие лекции по линии общества «Знание» оставляли неизгладимый след в сердцах и душах читателей и слушателей.

«Многие друзья, покидавшие страну исхода, звали нас ехать вместе с ними, – вспоминает Берта, – но мы к этому ещё не были готовы. После собраний по шельмованию «изменников Родины» в институте, где успешно работал мой муж, он приходил домой очень подавленный.

А жизнь продолжалась. Дети, сын и дочь, закончили институты, устроили личную жизнь, у меня появились внуки, я ушла на пенсию.

В середине 1986 года нас постигла большая беда – скоропостижно от инфаркта умер мой любимый

муж. Смерть Николая Борисовича Файнштейна (подомашнему – Нюши) стала большой невосполнимой потерей не только для семьи, но и его многочисленных друзей и сослуживцев. Он был умным, добрым, талантливым, интеллигентным и образованным человеком, прекрасным семьянином, любящим дедушкой и отцом, остроумным собеседником и добрым советчиком.

30 марта 1990 года я с детьми и внуками репатрировалась в Израиль».

И начался для Берты Файнштейн новый, длящийся уже более 25 лет, до предела заполненный её добрыми делами и активной общественной деятельностью, период жизни.

Сразу же по прибытию в Нетанию она активно включилась в работу Белорусского землячества. Как член его правления она становится инициатором и организатором множества замечательных начинаний. (Жаль, что формат очерка не позволяет подробно рассказать об этом).

25 лет Берта Файнштейн являлась не только членом, но и активной участницей всех добрых дел землячества «Днестр», объединявшего бывших узников гетто в её родном городе Могилёве-Подольском, и его координатором в Нетании.

Столько же времени она – активный участник почти всех мероприятий клуба «Шеарим бэ-Нетания», возглавляемого раввином Эрвином Биренбаумом.

С тех же пор после окончания соответствующих курсов Берта Файнштейн активно пропагандирует здоровый образ жизни, много и неустанно работает по

оказанию помощи нуждающимся в услугах альтернативной медицины и детям-инвалидам. Эта доброжелательная женщина готова оказать посильную помощь каждому, в чём неоднократно пришлось убедиться и мне лично.

Впечатляет своим мастерством и широтой тематики журналистская деятельность этой неординарной женщины. Сразу же по прибытии на свою историческую родину в различных изданиях страны она опубликовала ряд очерков из серии «Великие евреи» о трагедии нашего народа во Второй мировой войне, о роли алии в создании и развитии Государства Израиль, а также о примерах щедрой благотворительности.

Даже учитывая необходимость в краткости изложения, не могу не дать представления, хотя бы несколькими штрихами о двух её работах.

В очерке «Золотой души человек» (еженедельник «Известия Шарона», 22.5.98) Берта поведала о своей землячке из Могилёва-Подольского Эте Мейлихзон, пережившей расстрел тридцати семи друзей-соратников по молодёжной еврейской организации «Ха-Шомер ха-цаир», четыре года мук и страданий в румынском гетто, потерю всех родных, семь раз чудом избежавшую расстрела.

В 1981 году с нашедшим её дядей – богатым предпринимателем из Венесуэлы Этя репатрируется в Израиль. С тех пор за их счёт во многих городах страны подымались синагоги, строились больницы, пополнялись оборудованием научные лаборатории. Значительную материальную поддержку получила от

них и армия молодого еврейского государства. Гордостью Израиля стал детский инвалидный приют на 150 человек «Бейт Мейлихзон» в Тель-Авиве. А памятник в Иерусалиме тринадцати выдающимся деятелям культуры – членам Еврейского антифашистского комитета, подло расстрелянным 12 августа 1952 года, будет напоминать и о его создателе – Эте Мейлихзон.

Всех добрых дел этого Золотой души человека не счесть. Нельзя не согласиться с заключительным предложением очерка Берты Файнштейн:

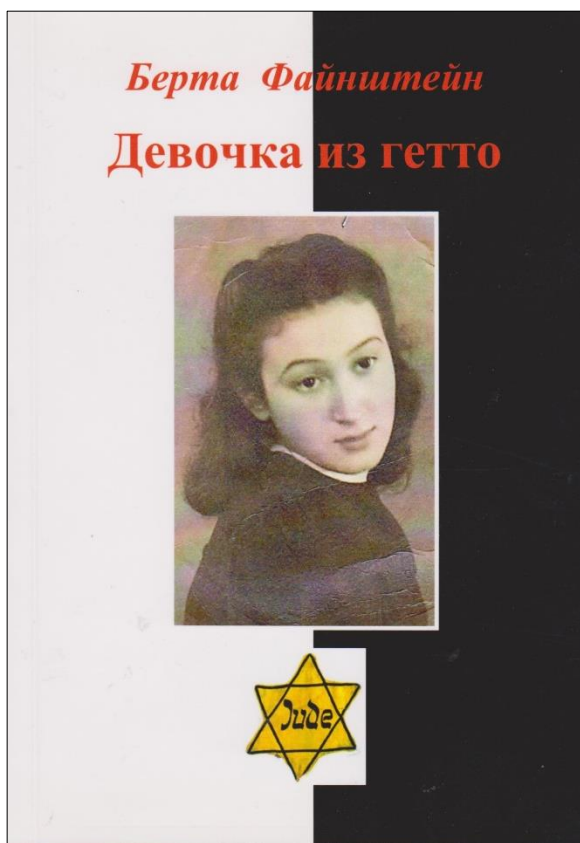
«Такие люди – гордость всей страны, живое воплощение ума и доброты еврейского народа».

А в документальной повести «Крапивка» (впоследствии переведённой на иврит и опубликованной в научно-историческом сборнике музея Катастрофы «Лохамей ха-геттаот») Берта знакомит читателей с героическим подвигом трёх подростков-пионервожатых, проявивших подлинные смекалку, отвагу и мужество при спасении большинства воспитанников пионерского лагеря «Крапивка» недалеко от Бобруйска, после того, как накануне прихода фашистов из него сбежал весь обслуживающий персонал. Впечатляет и удивительная судьба одной из спасённых – в то время десятилетней сироты (родных уничтожили фашисты) Ирины Шульман.

Список публикаций Берты Файнштейн в Израиле довольно внушительный. При этом следует отметить, что из-за дискриминации новых репатриантов старожилками часть её ценнейших и интереснейших

материалов не были опубликованы и пропали в редакциях.

На исходе 2016 года Берта Файнштейн издала книгу своих воспоминаний «Девочка из гетто». Она вызвала шквал восхитительных отзывов и представлена на конкурс на историко-литературное произведение о воинском подвиге в годы Второй мировой войны.

Обложка книги Берты Файнштейн
«Девочка из гетто»

Берта по праву гордится своими детьми – дочерью Эллой и сыном Борисом, тремя внуками и внучкой, служащими в Армии обороны Израиля, правнуком и правнучкой.

Сейчас она работает над серией воспоминаний «Мои друзья» о дружбе и встречах с известным общественным деятелем Ильёй Михайловичем Левитасом, учёным Борисом Аркадьевичем Брусиловским и другими известными не только в Израиле людьми.

Кстати, Борис Брусиловский – профессор, доктор технических наук, официально признанный «Выдающимся деятелем планеты XX столетия», в своём послании Берте Файнштейн отметил в ней «человечность высшей пробы» и посвятил среди прочих следующую строфу:

*Не потому ли девочка из гетто
В кругу друзей душевна и мудра?
Не потому ль в глазах так много света,
Любви и бескорыстного добра?*

Невзирая на Золотой возраст, она продолжает свою активную общественную деятельность и неустанное служение людям, являясь образцом высокой нравственности. К ней вполне подходит оценка, данная ею одной из своих героинь – Золотой души Человек.

Блокада замерла в душе навек

Безмятежное детство Паши (Полины) Вольфсон протекало в прекраснейшем из городов – Ленинграде. Она свято верила в светлое будущее своё и всего народа. Однако в тринадцать лет её мечты были жестоко оборваны первыми близкими разрывами авиабомб. А 900-дневная блокада любимого города, пережитые при этом ужасы, невероятные лишения, невзгоды и нечеловеческие испытания замерли в её душе на всю оставшуюся жизнь.

Героиня этого очерка – Пескина (Вольфсон) Паша Ароновна родилась на Украине, но с четырёхлетнего возраста и до репатриации на свою историческую родину в 1992 году, прожила в Ленинграде.

Здесь, в прекраснейшем городе протекало её безмятежное детство.

Обязательными атрибутами его были звёздочка октябрёнка, а потом пионерский значок на груди или красный галстук на шее и неперменный девиз: «Раньше думай о родине, а потом – о себе!». Тут она с упоением, как губка, впитывала в себя новые знания, богатые впечатления, училась выполнять заветы

Вождя, как клятва звучали в её устах слова песни «Взвейтесь кострами, синие ночи!» и отзыв «Всегда готов!».

В отличие от некоторых взрослых она свято верила в коммунистические идеалы и светлое будущее своё и всего народа.

Об этом она эмоционально поведала в своём интервью, которое предназначено для нынешних и грядущих поколений. Оно передано в Мемориальный комплекс «Яд ва-Шем». Позволю себе привести содержание некоторых фрагментов из него.

Паша была седьмым ребёнком (из восьми) в дружной семье. В Ленинград, где жил с семьёй старший брат их отца, они переехали в 1932 году, гонимые начавшимся на Украине голодом. Поскольку они приехали в город на Неве по собственному желанию, получить там квартиру им и не «светило». Но в горсовете пошли навстречу многодетной семье и выделили ей на окраине города приспособленный под жильё сарай. Накануне войны от тяжёлой болезни скончался отец, и все заботы по содержанию семьи легли на мать и старших детей. Понятно, что и в тот период жить им пришлось в нужде и лишениях. Но они не идут ни в какое сравнение с тем, что семье вместе со всеми жителями города пришлось пережить во время блокады. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что за это время там, по приблизительным подсчётам, погибло от голода (преимущественно) и обстрелов почти полтора миллиона человек.

Получаемых по карточкам 125 грамм хлеба явно не хватало для сохранения жизни. А в зимнее время гибель людей довершал лютый холод в неотапливаемых помещениях и, как следствие этого, тяжёлые болезни. Были периоды, когда по несколько дней хлеб вообще не выдавали.

Паша вспоминает, как однажды, стоя в очереди за пайком, она упала в голодный обморок. Посчитав умершей, её вынесли из магазина и в мороз оставили на улице. Прибежавших по зову соседки к магазину старших сестёр Веру и Розу в тот момент больше всего волновало, не украдены ли у «покойницы» продовольственные карточки. Обнаружив их накрепко зажатými в утопающем в рукаве большой отцовской шубы кулаке Паши, они повезли её на саночках домой. Перед тем, как везти Пашу на кладбище, решили снять с неё пользующуюся попеременно всеми членами семьи одежду отца. При этом кто-то из родных обнаружил у Паши признаки жизни, и через некоторое время она пришла в себя.

Памятен Паше и такой эпизод: когда от истощения и холода она тяжело заболела, и не осталось никакой надежды на её выздоровление, семья решила оставить её у дверей военного госпиталя, чтобы её похоронили вместе с умершими ранеными. Однако своевременно обнаружив умирающую девочку, медики выходили её и, к огромному изумлению родных, она через некоторое время появилась на пороге своего дома.

В своём интервью Паша вспоминает и о том, как накануне и с начала блокады 13-летней девочкой

вместе с другими учащимися ремесленного училища под постоянным огнём противника самоотверженно трудилась на сооружении и укреплении оборонных рубежей своего любимого города.

Паша считает, что выжить в блокаду их семье удалось благодаря сплочённости всех её членов. В некоторой мере помогло и то, что у них сохранился мешок отрубей, приобретённый перед войной в связи с намерением завести в хозяйстве козочку, и некоторое количество заготовленного ещё отцом столярного клея, сварив который, они употребляли для еды. В наше время такой кошмар трудно даже себе представить!

Не обошла Пашу стороной и печальная участь большинства советских семей, потерявших в борьбе с нацистами своих родных и близких. Все четыре её брата воевали на фронтах Великой Отечественной войны. Борис, прошагав с боями «пол-Европы, пол-Земли», 22 января 1945 года погиб в Польше. А до этого, 22 марта 1944 года, такая же участь постигла и ушедшего добровольцем на фронт Михаила. Семён, пройдя все круги ада и чудом оставшийся живым в фашистском плену, возвратился домой инвалидом. Старший брат Авраам был тяжело ранен на Ленинградском фронте и излечение проходил в госпитале своего блокадного города.

После войны Паша сорок лет самоотверженно трудилась на Ленинградской швейно-галантерейной фабрике, пользуясь заслуженным уважением в коллективе.

Репатриировавшись в 1992 году на свою историческую родину, Паша активно включилась в общественную работу. Пока позволяло здоровье, она с успехом возглавляла Нетанийское отделение Общества блокадников Ленинграда, принимала активное участие в работе ветеранской организации. Связь с ними она поддерживает до сих пор. В юбилейные дни её грудь украсила очередная награда - российская медаль «70 лет Победы в Великой отечественной войне 1941-1945 гг.».

Активную жизненную позицию занимают и её дочь Дина Шнайдер, которая кроме основной, проводит большую общественную работу в Еврейском агентстве Сохнут, и внук Марк, достойно отслуживший в Армии Обороны Израиля.

Паше (Полине), её старшему брату Аврааму и младшей сестре Фаине посвящены вдохновенные поэтические строфы их племянника, официально признанного «Выдающимся деятелем планеты XX столетия», профессора Бориса Брусиловского:

*Война. Мы дети. Ленинград в блокаде.
Мы у станков. И каждый воевал:
Полина – в осаждённом Ленинграде,
Я в Оренбурге, на реке Урал...*

*Блокадный город. Холод. Страх.
И смерть у самой бровки.
Он жил в те годы в двух шагах
От страшной Пискарёвки.*

*Их сколько было! Дети Ленинграда.
Блокада в душах замерла навек.
Кто выжил, тот, кто вырвался из ада.
Высокой пробы честный Человек.
(Борис Брусиловский «Прочь, старость!»).
Сборник стихотворений. Нетания. 2008).*

Паша с внуком Марком у Мемориала воинам
Красной Армии в Нетании

Именно о таком Человеке, его трудной жизни и славной судьбе, являющейся ярким отражением одной из трагических и в то же время героических страниц в истории нашего народа и всего человечества, этот очерк. А описанные в нём события должны стать достоянием нынешнего и грядущих поколений с тем, чтобы никогда и нигде не повторилось подобное.

Невзирая на «Золотой возраст»

Полина Шифман ещё в позапрошлом году отметила свой 95-летний юбилей. Но эта очень обаятельная женщина с чрезвычайно добрым сердцем и щедрой душой, удивительно интересный, высоко эрудированный собеседник, неподвластна своему возрасту.

При знакомстве Полина Иосифовна поведала мне много интересного о себе и своих родных. Однако, узнав о моём намерении написать о ней очерк, из-за своей чрезвычайной скромности просила меня «не разливаться соловьём» о её достоинствах и многочисленных благодеяниях. И мне пришлось уважить её просьбу.

Родом Полина из Белоруссии. Но все её юношеские воспоминания связаны с Москвой. О них она и сейчас говорит с теплотой и нежностью. Особенно трогательны её воспоминания о своих братьях.

Александр – выпускник Ленинградского техникума печати и института Красной профессуры, проработал некоторое время редактором комсомольской газеты в городе Свердловске. Проявив незаурядные журналистские способности, он был приглашён на работу в «Комсомольскую правду». В

ЦК комсомола, куда он прибыл за назначением, его встретила ответственный работник и убедила согласиться на должность заместителя редактора «Пионерской правды». Это впоследствии спасло ему жизнь: в конце роковых «тридцатых» все сотрудники «Комсомолки» попали под каток беспощадных репрессий и были уничтожены.

Пётр после окончания ФЗУ был направлен на работу слесарем на автозавод имени Сталина. А так как он в то же время успешно занимался в Московском литературном институте и ещё со школьной скамьи сотрудничал с газетой «Пионерская правда», а при поступлении на работу – с многотиражкой своего предприятия, то вскоре был назначен её сотрудником.

Для участия в различных творческих мероприятиях братья часто приглашали и сестру. Она и сейчас с упоением описывает свои впечатления о незабываемых встречах (в том числе и у себя дома) со многими их друзьями, ставшими впоследствии именитыми советскими писателями и поэтами.

Полина, хотя и вращалась в кругу творческой интеллигенции, специальность получала в Московском электротехническом институте связи. До войны она окончила четвёртый курс.

Как и многие из её поколения она не избежала невероятных трудностей военного лихолетья. Опуская подробности её эвакуационной одиссеи, остановлюсь лишь на том, что 16-го октября 1941 года, когда фашистская армада стояла у ворот Москвы и возникла реальная угроза её захвата противником, Полине с огромным трудом под непрерывной бомбёжкой и

обстрелом самолётов противника удалось бежать из столицы.

Из-за царившей в то время неразберихи в пути она осталась без родных и знакомых да, к своему несчастью, ещё и без денег. Лишь благодаря посочувствовавшим ей милосердным людям Полине удалось завершить свой безрадостный путь в Башкирию.

Временное пристанище она вместе с отцом Иосифом, тётёй Бат-Шевой, заменившей Полине рано ушедшую из жизни мать, и племянниками нашла в деревне Иванаево, что в 120 км от Уфы.

В августе 1942 года за ней приехал её жених Борис Смородинский, до захвата фашистами города Харькова работавший там начальником радиоцентра. Они поженились. И он, имея назначение на должность главного инженера функционирующей в то время под Казанью радиостанции имени Коминтерна, увёз Полину – почти дипломированного специалиста, с собой на должность техника.

И хотя работать молодой семье пришлось в глубоком тылу, она лишь чудом избежала трагедии. Однажды сильным порывом ветра сорвало трос растяжки одной из антенн и забросило его на находящиеся под напряжением провода. Образовалась «вольтова дуга». Это могло привести к выходу из строя довольно сложного и дорогого всего антенного комплекса. Согласно инструкции, его в таком случае следовало немедленно отключить. Тогда сразу же прекратилось бы вещание. А в это время как раз шла трансляция репортажа о параде на Красной площади в

Москве. Несомненно, это ЧП было бы квалифицировано, как явный крупномасштабный саботаж, и ответственным за это грозил расстрел.

Найти выход из этой чрезвычайной ситуации мужу Полины помогла врождённая смекалка: по его просьбе служащая во взводе охраны радицентра девушка-снайпер отстрелила злополучный трос.

Не обошла война стороной и братьев Полины. Часть, в которой ещё с 1940 года Пётр проходил военную службу рядовым, в начале июля 41-го была переброшена под Смоленск, где прямо из вагонов-теплушек вступила в бой с крупным десантом противника. При прочёсывании леса наши воины стали лёгкой добычей сидящих на деревьях в красноармейской форме вражеских лазутчиков-снайперов. И Пётр в этом, первом для себя бою был тяжело ранен в лёгкое и обе руки. В начальный период восьмимесячного излечения в госпитале в Пензе он находился на грани жизни и смерти. Однако молодой организм и самоотверженность медперсонала предотвратили трагедию. И после краткосрочного отпуска Пётр вернулся на фронт, где в перерывах между боями писал свои стихи, публикуемые в газете «Вперёд, на врага!». Многие из них сразу же становились песнями и проникновенно звучали в минуты затишья между боями в окопах в исполнении солдат. И неудивительно, что, демобилизовавшись после войны, он всецело посвятил себя журналистике.

Другого брата Полины – Александра из-за отсутствия одной почки не призывали в армию, и с приближением фашистской армады к столице не брали

в ополчение. Однако ему удалось попасть в ряды защитников Родины вольнонаёмным корреспондентом в редакции газеты Южного фронта. Как и всем его коллегам ради интересного факта или удачного фотоснимка часто приходилось рисковать жизнью, так как для их добычи необходимо было действовать не просто на передовой, а в самом пекле боя. Но на войне, как на войне!

Братья Полины

Александр

Пётр

В послевоенный период Полина Шифман до репатриации в 1974 году трудилась в Центральной библиотеке имени В.И. Ленина, а затем старшим научным сотрудником Государственной публичной научно-технической библиотеки. Она была не только

прекрасным специалистом, но и очень отзывчивым человеком, готовым помочь каждому. Об этом, в частности, отмечается в эссе Меира Барга «Домой, домой». Приведу несколько отрывков из него:

«... я присутствовал на одном мероприятии в Комитете по науке и технике... с докладом там выступала старший научный сотрудник из ГПНТБ (Государственная публичная научно-техническая библиотека. Г.Ф.) Полина Иосифовна Шифман, и её доклад мне очень понравился. Мне пришло в голову пригласить её консультантом в мой проект.

Полина Иосифовна в принципе согласилась мне помочь, но предложила пригласить вместо неё её сотрудника Ефима Марковича Зайдберга, который больше неё нуждался в дополнительной зарплате».

Поработав некоторое время, Зайдберг по состоянию здоровья вынужден был уйти из проекта, и заменить его пришлось Полине.

Вот что вспоминает о ней автор упоминаемого выше эссе (излагаю, как и предыдущий отрывок, с сокращением. Г.Ф.):

«Довольно быстро мы подружились и начали вести доверительные беседы. Полина Иосифовна рассказывала мне о своём покойном муже, расспрашивала меня о моей жизни.

Однажды она спросила меня, не думаю ли я об отъезде. В те годы это была самая актуальная тема, особенно для Полины Иосифовны, старшая дочь которой Эстер была еврейской активисткой.

Я подумывал об отъезде, так как к тому времени уже осознавал, что здесь мне делать нечего. (Однако

эмигрировать по некоторым соображениям собирался в Новую Зеландию. Г.Ф.).

В следующую нашу встречу Полина Иосифовна снова завела разговор об отъезде. Она стала настойчиво убеждать меня, что нужно обязательно ехать в Израиль и часто повторяла: - Домой, домой!

И вот я оказался «дома».

О его признательности за это своей мудрой советнице свидетельствуют слова из неоднократно уже упоминаемого произведения: *«Я в очередной раз с благодарностью вспомнил Полину Иосифовну. Ведь это она позвала меня «домой».* Об этом же говорит и дарственная надпись на эссе: *«Дорогой Полине Иосифовне в память о прошлом и надеждой на будущее. 31.07.2015»* (Эта дата – красноречивое свидетельство безграничной благодарности автора своей мудрой советнице и по сегодняшний день. Г.Ф.).

Об отзывчивости Полины, её помощи стремящимся попасть «домой» соплеменникам могли бы рассказать и многие другие репатрианты. В частности об этом красноречиво свидетельствует и такое её воспоминание.

В 1988 году, уже будучи израильтянкой с более чем десятилетним стажем, Полина побывала в Москве как туристка и посетила многие памятные ей места. Советские граждане тогда не без основания остерегались входить в контакт с иностранцами. Но разве еврей не найдёт выход из кажущейся безнадёжной ситуации? И через некоторое время Полина в наружных карманах своей одежды

обнаружила несколько записок с просьбой прислать вызов на репатриацию в Израиль.

В отличие от вложенных в Стену плача, записки, опущенные в карман гостыи столицы, возымели действие. Возвратившись домой, Полина в Еврейском агентстве СОХНУТ получила заверенные бланки вызовов. Она незамедлительно заполнила их и выслала по указанным в записках адресам совершенно незнакомым людям, для которых это было равноценно Божьему дару.

В Израиле Полина до выхода на пенсию работала в отделе кадров больницы Тель-а-Шомер и одновременно занималась волонтерской деятельностью. Не счесть немощных стариков и больных детей, которым оказала безвозмездную помощь эта изумительная милосердная женщина.

И сейчас, находясь в довольно-таки почтенном возрасте, она не позволяет себе стареть ни душой, ни сердцем. Об этом, в своё время, метко заметил в посвящении Полине «Выдающийся деятель планеты XX столетия» профессор Борис Брусиловский:

*Как хороша! Души очарованье!
Не властно время. С ним она на «ты».
Особый шарм. Улыбка. Обаянье.
Прекрасны запоздалые цветы!*

Под стать матери и старшая дочь Полины Эстер. Сама, находясь долгие годы «в отказе», она, не считаясь ни с чем, в тесном сотрудничестве с всемирно известными правозащитниками – академиком Андреем

Дмитриевичем Сахаровым и его женой Еленой Георгиевной Боннэр боролась за право репатриации соплеменников на свою историческую Родину.

Полина с дочерьми

С грустью, теплотой, нежностью и непреходящей любовью Полина вспоминает и своего трагически погибшего второго мужа Александра Исааковича Иоффе. (Да будет благословенна его память!). Он был не только высококлассным специалистом-кардиологом, но и очень душевным милосердным и отзывчивым человеком. Шагая по жизни вместе с Полиной, иным он быть и не мог.

Расспрашивать Полину о секретах её активного долголетия не стоит. Их у неё просто нет. Она всего лишь, как и еврейские традиции, соблюдает нормы здорового образа жизни. К этому же она приобщает и своих многочисленных подруг. Ещё недавно она

еженедельно собирала у себя дома группу пожилых единомышленниц (в шутку называя её «Клубом вдов»), приглашала специалиста по лечебной физкультуре и организовывала импровизированные сеансы физиотерапии. К сожалению, из состарившихся подруг сейчас только одна составляет компанию Полине.

Море, а в межсезонье бассейн Полина посещает ежедневно. Там она ещё может дать фору многим молодым пловчихам. Эта непоседливая женщина ни минуты не сидит без дела: много читает, постоянно общается со своими гостями или друзьями по телефону. Она с удовольствием хозяйничает на кухне, готовит большинство блюд не только для себя и дочери, но и на субботние трапезы, еврейские и семейные праздники, на которые вместе с дочкой Эстер приглашает своих друзей и нуждающихся во внимании и заботе знакомых. И те тоже сразу же становятся её друзьями.

Полина не соблюдает никаких диет, не прельщают её и изысканные блюда, она просто старается соблюдать умеренность в еде. А поддерживать себя в форме ей ещё помогает огромный оптимизм и безграничная душевная доброта. Это её сокровенные мысли и чаяния выражены в словах песни: «Я люблю тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно!»

Знай наших!

Великий русский писатель Лев Толстой писал: «Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он – совершенный учитель». Именно таким учителем является героиня нашего рассказа Батья Гольдберг, незаурядный преподаватель английского языка. Но Батья не только высококвалифицированный педагог, но и активный общественный деятель, лектор и пламенный пропагандист еврейской истории, традиции и культуры, а также мать троих выдающихся сыновей.

В переводе, Батья – «Дочь Бога», а Гольдберг – «Золотая Гора». Её жизнь и в самом деле незаурядна. Родом Батья из города Бельцы (Молдова). Как и у большинства её сверстников, детство прервалось с началом Великой Отечественной войны. Её не миновали все тяготы военного лихолетья: тяжёлая жизнь в эвакуации, горечь утраты в Холокосте семьи бабушки, гибель в боях в Восточной Пруссии отца.

После окончания войны она с матерью поселились в Черновцах (Западная Украина). В пятнадцать лет Батья поступила в Черновицкий университет на факультет романо-германской филологии по специальности «английский язык и

литература». Её дипломная работа «Роберт Бёрнс – народный поэт Шотландии» послужила началом знакомства и счастливой многолетней дружбы с замечательным поэтом Самуилом Яковлевичем Маршаком, чьи стихи и прекрасные переводы с английского произведений Роберта Бёрнса и Вильяма Шекспира известны многим с детства. Мудрый Маршак высоко оценил юную выпускницу университета, разглядев в ней необыкновенный талант.

Её намеревались оставить в аспирантуре, но судьба распорядилась иначе. Благодаря прекрасному владению языком и великолепному произношению, редкому в те годы, Батью пригласили преподавать в английской спецшколе в Черновцах. Эта работа была ей по душе и стала её истинным призванием.

В 1964-м году она встретила своего будущего мужа Анатолия Гольдберга, молодого ученого-математика, уже тогда всемирно известного. Незадолго до того в тридцатилетнем возрасте Анатолий блестяще защитил докторскую диссертацию и стал профессором Львовского Университета. Впоследствии он обогатил не только мировую науку, но и науку Израильскую в качестве профессора Бар-Иланского университета. Он воспитал целую плеяду выдающихся молодых математиков, продолжающих и далее развивать его научные достижения. Его книги являются обязательным учебным материалом во многих университетах мира.

Вскоре они поженились, и Батя переехала к мужу во Львов. Здесь она развернула активную

педагогическую деятельность. Её совершенное владение языком и уникальная методика привлекали многочисленных учеников. Слава Батьи росла, и впоследствии она решила сконцентрироваться на преподавании частным образом, как в группах, так и индивидуально. Её учениками были врачи, инженеры, юристы, а также школьники и студенты ВУЗов, большинство из которых достигли свободного владения английским языком. Многие из них после ликвидации «железного занавеса» покинули Советский Союз и преуспели в Америке, Канаде, Австралии и Израиле.

За преподавание английского языка взрослым Батья подвергалась преследованиям властей. Её неоднократно «приглашали» в КГБ и обвиняли в подготовке «потенциальных эмигрантов», а также в общении с иностранцами. С помощью различных методов, от угроз до задабривания, они пытались завербовать Батю на работу агентом КГБ, ссылаясь на её отличное владение языком и присущие ей природную общительность и харизму. Представитель КГБ любил повторять: «Есть война видимая и невидимая» и призывал её принять участие в войне с «сионизмом и империализмом». Но под различными предложениями ей каждый раз удавалось этого избежать. Батья ссылалась на то что у неё в 1945-ом году под Кёнигсбергом погиб отец, и таким образом, хоть она и «готова в любой момент взять в руки винтовку и пойти громить империалистов в войне видимой», на невидимую войну у неё нет необходимого таланта. Спасла её перестройка.

В 1991 году Батья со своими тремя сыновьями репатриировалась в Израиль. Ей, как и многим другим, пришлось пройти все ступени абсорбции в новой жизни: поиск жилья, учёба в ульпане, безденежье, служба всех трёх её сыновей в Армии Обороны Израиля. Но наша героиня проявила удивительную стойкость духа. Сионистское мировоззрение, любовь к своей исторической родине и вера в её будущее никогда не давали Батье впадать в уныние. Благодаря её высочайшей квалификации как преподавателя, Батью вскоре пригласили работать в трёх гимназиях: в городах Нетания, Хадера и Пардес-Хана. Слава её росла, и появились также и взрослые студенты, которым английский язык был необходим для работы.

Счастливая случайность свела Батью с руководителем учебно-просветительского центра «Шеарим-Нетания» профессором Эрвином Бирнбаумом, выходцем из Америки. Он пригласил Батью работать в основанной им школе английского языка для детей русскоязычных репатриантов. И она с упоением приступила к обучению ребят от шестилетнего возраста и до аттестата зрелости.

Ещё в Советском Союзе Батья разработала и на протяжении многих лет совершенствовала уникальную систему обучения, включающую использование технических средств для повышения эффективности процесса изучения языка. В отличие от других популярных систем обучения, Батья сочетает возможности технических средств с индивидуальным подходом к каждому учащемуся – будь то ребёнок или взрослый. Причём методика обучения взрослых

людей (бизнесменов, профессионалов, студентов) совершенно отличается от методики обучения детей. При обучении взрослых особое внимание уделяется методам достижения максимальных результатов с наименьшей потерей времени.

Батья любит повторять: *«Я не волшебница, я только учительница»*. Однако она педагог, владеющий уникальной авторской методикой, которая позволяет активизировать скрытые возможности каждого, даже не очень способного, ученика и добиться отличных результатов. Учебный материал усваивается на уровне подсознания, раз в десять-двенадцать быстрее, чем другие популярные методики.

«Смотри, слушай, повторяй» – основной принцип обучения, которому неуклонно следует Батья Гольдберг. У каждого учащегося есть записывающее устройство (диктофон), на которое записывается весь учебный материал каждого урока. Батья записывает каждый урок индивидуально каждому, что даёт возможность учащимся многократно воспроизвести урок (или как она образно выражается, «унести меня с собой в кармане») и слушать и повторять за ней не только отдельные слова, а также устойчивые сочетания, фразы, шаблоны и связную речь, пока в процессе многократного повторения они не отпечатаются в их памяти навсегда. Таким образом, прямой контакт с Батьей происходит не только на самом уроке, но и после него: дома и даже в машине, автобусе, на прогулке, и т.д. Этим достигается отличное усвоение материала.

С другой стороны, большую роль играют её

интуиция и изучение особенностей характера и мышления каждого учащегося. При этом поощряется их мотивация, самоорганизованность и желание достичь успеха. Несмотря на индивидуальный подход и благожелательное отношение к каждому, педагог Батья строгий, и её ученики с радостью воспринимают высокую требовательность и дисциплину на её уроках.

Методика работы Батьи даёт замечательные результаты. Все её ученики без труда читают, пишут и бегло говорят на хорошем английском языке с нормативным произношением.

Немалую положительную роль в учебном процессе Батьи играет и то, что предлагаемый ею учебный материал весьма интересен и увлекателен.

Любопытен и тот факт, что учиться к Батье Гольдберг идут не только студенты из Нетании, где она проживает, но и из других городов Израиля. Некоторые в целях экономии времени занимаются по Скайпу. Скайп также позволяет проведение полноценных занятий со студентами из других стран: России, Германии, и т.д.

Батью особенно привлекает в её профессии возможность помочь людям преуспеть в жизни. Владение английским языком – это не роскошь, а острая необходимость для каждого человека, желающего проявить себя и раскрыть свой потенциал в двадцать первом веке. Английский – язык международного общения, язык науки, культуры, искусства. Батья особенно любит работать с теми, кто полностью осознаёт значение и важность свободного владения языком.

Её ученики – врачи, инженеры, учителя, бизнесмены, работники хай-тека, туристической сферы, юристы и т.д., которым знание английского помогло продвижению в карьере. Это люди способные и не очень, но всегда с высокой мотивацией, желающие овладеть языком в максимально короткие сроки. Они получают глубокое удовлетворение не только от конечного результата, будь то продвижение по служебной лестнице, расширение бизнеса в другие страны или общение с коллегами, но и от самого процесса обучения.

Ученики-школьники Батьи Гольдберг получают наивысшие оценки, опережая даже детей из англоязычных стран. Её ученики осмысленно овладевают грамматической основой структуры языка, которая остаётся с ними на всю жизнь, помогая им по-иному смотреть и овладевать также и другими языками.

Вложив в подопечных свои знания и душу, Батья с полным основанием может гордиться их победами. Некоторые её ученики впоследствии сами стали учителями английского языка и профессиональными переводчиками в США, Израиле и других странах.

Непременным элементом методики обучения детей по методу Батьи Гольдберг является постоянное взаимодействие с родителями учеников. Присутствие родителей на уроках своих детей не только разрешается, но и приветствуется и поощряется. Все её уроки открыты, что благотворно влияет на процесс обучения. Многие родители, присутствуя на открытых уроках Батьи Гольдберг, почерпнули и для себя много

полезного. Посылая своих детей к такому педагогу-профессионалу как Батья, они отдают себе отчёт в том, что в современном обществе владение английским языком – это ключ к успеху.

Говорят, что тот, кто талантлив в одном, талантлив и в другом. Замечательно проводит Батья Гольдберг лекции по изучению Торы, традиций и истории еврейского народа. Тору должен знать каждый еврей, так как она начало всех начал. В израильских школах её изучают с раннего возраста. А как быть со взрослыми русскоязычными репатриантами, которым десятилетиями насаждали неприятие религии? Как пробудить у них интерес к познанию Торы? У Батьи это получается. Её выступления восхитительны по содержанию и выразительности. Она излагает Тору не только как духовный и исторический документ, но и увязывает её с современностью. И делает это так, что содержание Торы становится в немалой степени руководством к действию в современных условиях. Благодаря этому интереснейшие и актуальные комментарии к недельным главам Торы в англоязычной прогрессивной синагоге «Бейт-Исраэль» привлекают многочисленных слушателей.

Ежегодно Батья проводит популярный торжественный театрализованный вечер памяти жертв Катастрофы и Героизма европейского еврейства. В этих вечерах принимают участие лучшие поэты, чтецы, певцы и музыканты города.

Батья Гольдберг не только педагог-новатор и харизматичный лидер русскоязычной общины, но и

прекрасный, отзывчивый и общительный человек. Как к члену правления общественной организации «Дети войны» города Нетании, к ней многие обращаются за советом, и она всегда готова помочь. Так пожелаем ей доброго здоровья и успехов в её благородной деятельности.

Под стать матери и её сыновья: Александр – всемирно известный врач-кардиолог, Михаил – бизнесмен, и Виктор – выдающийся пианист.

Виктор Гольдберг, младший сын Батьи, концертирующий пианист с мировым именем, весьма незаурядный музыкант. Его вдохновенная игра сочетает нежный лиризм и яркую виртуозность. Выпускник всемирно известной Джульярдской Школы в Нью Йорке, он выступал с сольными концертами в Нью-Йоркском Карнеги Холл и других самых престижных залах мира: в Вене, Праге, Токио, Сеуле, Шанхае, в Вашингтоне, Чикаго, Бостоне, и т.д. Он победитель международных конкурсов, обладатель докторской степени по музыке. Его часто приглашают читать лекции и давать мастер-классы в ведущих консерваториях мира.

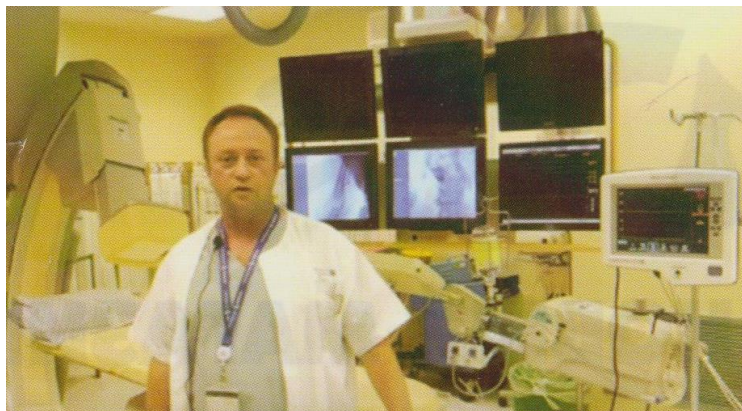
В качестве художественного руководителя **Key Vive Arts Foundation** Виктор посвящает много времени благотворительности и пропаганде классической музыки в самых отдалённых уголках планеты. Он сотрудничает с более чем двадцатью израильскими посольствами в странах Америки, Европы, и Азии, за что Израильское Министерство иностранных дел объявило «сверх-звезду» Виктора Гольдберга «культурным послом Израиля». В публикациях

министерства Виктора Гольдберга называют «новым Горовицем», который, несмотря на молодость, уже является «музыкальной легендой». Всемирный Конгресс Русскоязычного Еврейства удостоил Виктора Гольдберга высшей награды «За Вклад в Музыкальное Искусство».

Виктор Гольдберг – концертная афиша в Японии

О старшем сыне Александре (Рокко) Гольдберге тоже стоит рассказать подробнее, так как недавно ряд источников назвали его гордостью Израиля.

Александр (Рокко) Гольдберг – заведующий отделением инвазивной кардиологии Медицинского Центра «Зив» в Цфате и в больнице «Асута» в Тель-Авиве, признан одним из лучших в мире специалистом по катетеризации сердца

«В апреле этого года, в Сеуле доктор Гольдберг участвовал в международном форуме кардиологов в числе пяти тысяч лучших инвазивных кардиологов мира, представивших на конкурс более тысячи сложных инвазивных операций из врачебной практики разных стран мира. Во время конференции организационный комитет тщательно отобрал из них 250 самых сложных процедур, наилучшие из которых разбирались комиссией из ведущих кардиологов мира. В результате, инвазивная коронарная интервенция, осуществлённая в

Медицинском Центре «Зив» доктором Александром Гольдбергом, получила наивысшие баллы, и ей была присуждена Первая премия в конкурсе лучших работ по теме “Лучшая операция 2016-го года по коронарному стентированию при остром инфаркте”». (Из публикации Анатолия Цалиовича в еженедельнике «Коль а-Шарон»).

Доктор Александр Гольдберг представляет Израиль на многих международных конференциях, демонстрируя результаты своих научных исследований. Он был признан Человеком Года города Кармиель в 2016-м году.

Отмечая многочисленные достижения и вклад в культуру, искусство и науку Израиля этой удивительной семьи, так и хочется воскликнуть «Знай наших!». И не только «Знай», но уважай и цени всю нашу русскоязычную алию за её неоценимый вклад в

создание и процветание единственного в мире Еврейского Государства.

В жизнеописании героини этого повествования использован очерк Иосифа Рейтмана «Батья Гольдберг – педагог и человек» из нашей совместной книги «Судьбы и думы “русских” израильтян» (Израиль, 2008 год).

Наперекор немилосердной судьбе

С Эммануилом (Моней) Шустером – удивительным Человеком с немилосердной к нему судьбой я познакомился, когда стал обладателем его талантливого поэтического сборника (6-го по счёту) «У каждого – своя Ерусалимка». («Ерусалимка» – название одного из бесчисленных еврейских гетто на оккупированной фашистами территории»).

Стихотворное предисловие украинской поэтессы Маргариты Чибисовой к этому уникальному произведению повествует в концентрированном виде не только о жизни автора, но как бы рисует его портрет.

Впрочем, судите сами:

*Открытое сердце на чистой ладони –
Таким я впервые увидела Моню,
Глаза молодые так светят лучисто!
Остро его слово, мудры его мысли.
Как сильно, как просто и больно воспета
Им Ерусалимка – еврейское гетто!
А сколько добра, сколько силы и света,
Надежды на лучшее в строчках поэта!
И каждое слово из сердца исходит:
О маме, о книгах, о нашем народе,
О Родине милой, друзьях-украинцах,
О том, что уходят любимые лица,*

*Уходят неспешно, уходят навечно,
Но слово поэта, как жизнь, бесконечно!
Сто раз перечту, обливаясь слезами,
О брате, отце и о преданной маме.
И вновь оживут, кровью сердца согреты,
Все те, кто при жизни шли рядом с поэтом.
И сердце его, вопреки всем невзгодам,
Навек станет сердцем родного народа!
Таким навсегда мне запомнится Мона –
Открытое сердце на чистой ладони.*

Маргарита Чибисова

Газета «Еврейские вести».

№№ 21-24 (209-212)

Киев. 6.10.2000 г

76 поэтических миниатюр первой части книги – это жизненная канва автора, его глубоко лирическая исповедь о мечтах и чаяниях, о радостях и печалях, о счастье и горе, о родных и близких, «о друзьях-товарищах», о незабываемых встречах.

Пятнадцать глав («картинок», так назвал их автор) второй части небольшого (около 150 страниц), но очень ёмкого по содержанию и необыкновенного по жанру изложения (каждая картинка – это поэтическая новелла об определённом этапе жизни автора, о его родных и друзьях, о незабываемых событиях как будто наносят последние мазки на портрет автора, «нарисованный» в предисловии к книге.

Применение термина «картинка» вполне оправдано: каждая из них настолько красочна, что читатель видит, о чём повествует автор и как бы превращается в зрителя. (По ходу изложения я покажу

это на нескольких примерах). В совокупности они СОСТАВЛЯЮТ ЕДИНЫЙ СЮЖЕТ, ЯВЛЯЮЩИЙСЯ КАК БЫ ПАНОРАМОЙ УШЕДШЕЙ ЭПОХИ. А ЭТО ПОД СИЛУ ЛИШЬ БОЛЬШОМУ МАСТЕРУ.

Так что, увидев Моню впервые много лет спустя, я словно встретился с другом после длительной разлуки.

Всё вышеизложенное лишь преамбула.

А теперь коротко об этом замечательном человеке (коротко в надежде на то, что заинтересованный читатель в скором времени сможет более подробно познакомиться с ним, прочитав его автобиографический роман «Вторая еврейская рапсодия», фрагмент из которого опубликован в 10 (282) номере журнала «Лехаим» (Москва) за 2015 год.

Итак, родился Эммануил (Моня) Шустер в украинском городе Винница. Как и у всех его сверстников, счастливое детство оборвалось с началом Великой Отечественной войны. После долгого и опасного пути в эвакуацию началась трудная жизнь в небольшом городке вблизи Ташкента. После изгнания фашистов из родного города Моня с матерью вернулись туда. Детское увлечение балетом и танцами народов мира стали со временем профессией одарённого юноши. В 1962 году Эммануил Шустер создал знаменитый ансамбль «Винничанка», художественным руководителем и балетмейстером-постановщиком которого он являлся долгие годы.

Подкравшаяся незаметно беда – ампутация из-за сахарного диабета обеих ног заставила навсегда забыть о сокровенных мечтах и чаяниях. Репатриировавшись в Израиль, оставшись без родных, да к тому же, как говорится, «без кола и двора», Моня Шустер на долгие годы нашёл пристанище в доме престарелых. Но в отличие от многих его обитателей он не потерял самообладания, не позволил душе лениться, не предался праздному времяпрепровождению, а продолжил вдохновенно творить.

Кроме упомянутого выше автобиографического романа Моня Шустер подготовил к изданию ещё четыре сборника стихов на самые животрепещущие темы.

Надеюсь, что прочитав несколько предложенных фрагментов многогранного творчества талантливого мастера художественного слова, читатель разделит мой восторженный отзыв о нём.

Беженцы

(фрагмент стихотворения)

Вдали от шоссейных дорог многолюдных,
Лесною тропой или степью в пыли
Тащится повозка с поклажею скудной,
Увозит меня от родимой земли.

Скрипучие брички, усталые кони,
Опухшие ноги и пыль, только пыль...
Налёты, бомбёжки и мамины стоны,
И яростный ветер волнует ковыль.

Горит Украина, хлеба выжигают,
И кружатся «мессеры» над головой,
И молча солдаты бредут, отступают.
Багровое солнце встаёт над страной...

Ерусалимка
(фрагмент поэмы)

Война началась перед самым рассветом,
Враги взяли город, чинили разбой,
Погнали фашисты всех жителей гетто
За Винницу, в лес, в тишину и покой.
И выстрелы ту тишину разорвали,
И солнце померкло в дали голубой,
В лесу их, невинных, во рву расстреляли,
И ров забросали тяжёлой землёй.
Невинных! Не воры они, не злодеи.
Им горькая участь с рожденья дана
Лишь за то, что они все – евреи,
Во все времена только в том их вина.
Земля содрогалась от криков и стонов,
И лес потемнел, смолкло пение птиц,
Деревья сомкнули над рвом свои кроны,
О мёртвых скорбя, проклиная убийц.
Не стало на свете ни Ривки, ни Фимки,
Но я не могу позабыть до сих пор
Эту расстрелянную Ерусалимку –
Еврейское гетто – вселенский позор.

Так же меткими мазками обрисовал Эммануил жизненную одиссею в своём автобиографическом романе «Вторая еврейская рапсодия».

Вот, например, как он описывает своё возвращение из эвакуации (подаю с некоторым сокращением-Г.Ф.).

« Как мы и ожидали, из старых соседей ютилась в своём подвале Галина, наша дворничиха.

По просьбе мамы она повела неторопливый обстоятельный рассказ о последних минутах жизни наших соседей. А было это так, как я запомнил со слов Галины. Её рассказ был настолько драматичным, страшным, что я его досконально точно запомнил на всю жизнь. Это был рассказ первого очевидца о тех ужасных событиях, что творили изверги в нашем дворе, и слушал я его очень внимательно, не пропустив ни единого слова Галины. Сейчас я постараюсь передать его, как сумею, хотя тяжело мне вспоминать об этом.

В сентябре, вскоре после оккупации города, фашисты неожиданно ночью, когда оставалось несколько часов до рассвета, вдруг нагрянули в наш двор со злыми лающими овчарками, рвавшимися с поводков. С ними были полицаи из местных жителей, продавшихся гитлеровцам. Галина несколько не удивилась, увидев среди полицаев Степана, мужа Клавы, отца Кольки. Воры, осуждённые советской властью, становились полицаями, упиваясь своей властью над своим народом, особенно над евреями. Фашисты и полицаи стали грубо выгонять во двор из своих квартир евреев. Кто оказывал хоть малейшее

неповиновение, расстреливали на месте. Степан, ударом ноги открыв дверь, разъярённый, влетел в комнату стариков Фельдблюмов, которые, увидев неожиданного визитёра, остались испуганно лежать на постели, ничего не понимая.

– А-а, вонючие жидяры, а ну вымётывайтесь во двор, пришёл ваш час!, – крикнул Степан и, не дожидаясь пока старики выберутся из постели, автоматной очередью прошёл их. Фельдблюмеха, даже не успев вскрикнуть, повалилась на истекавшего кровью мужа, и так, утихших навсегда, застали их полицаи, утром увозившие со двора трупы.

А во дворе творилось что-то невообразимое. Людей насильно выталкивали, выволакивали из квартир, стащив с постелей, били прикладами, натравливали на них разъярённых псов. Люди не оказывали никакого сопротивления и, по возможности переноса побои, молча стиснув зубы, старались точно выполнять команды варваров-поработителей.

Ночь была лунная, звёздная и по-осеннему холодная.

Настю, подругу Галины, много лет прожившую в кратмановской семье, увели вместе со всеми евреями в лес за город, и там её постигла участь всех соседей: раздев догола, поставили на краю глубокого рва, предварительно фашистский офицер вырвал из её ушей золотые цыганские серьги, подарок Туни. Её расстреляли в упор, пустив две пули в затылок. Она даже не пыталась протестовать, не объяснила фашистскому офицеру с длинным лошадиным лицом, руководившему экзекуцией, что она не еврейка, а

украинка, и безропотно последовала за сёстрами, которых безмерно любила и была любима ими. Так и стояла Настя в обречённой на смерть толпе, поддерживая сестёр под руки, ожидая своей незавидной участи, пока не согнали всех со двора. Так и осталась она лежать на трупах во рву рядом с телами сестёр, не расставшись с ними и после смерти. Идя в свой последний путь на казнь, сёстры держались вместе, обняв Настю...

Когда из подвала выгоняли моих родственников, семью Басис, красавица Рива с распущенными шикарными волосами и безумными, расширенными от страха до округления глазами, выбежала первой в ночной рубахе и, перебежав через двор на глазах у обречённой толпы, вбежала в сарай и, спрятавшись, затаилась там в темноте. Её преследовал фашистский офицерик, выбежавший из подвала вслед за Ривой, и со звериным оскалом на перекошенном злобой лице, погнался за девушкой, размахивая пистолетом, скрылся в глубине сарая. Из сарая во двор доносились душераздирающие девичьи крики, громкие стоны и страшная немецкая брань фашиста. Вдруг раздались два оглушительных пистолетных выстрела. И всё стихло. Люди во дворе, как по команде, повернули головы по направлению к сараю. А из него выходил разъярённый офицерик с разбитыми в кровь губами, расцарапанным лицом, словно страшная тигрица в гневе нанесла ему эти глубокие кровоточащие раны. Прикрыв лицо волосатой рукой, на ходу нервно пытался застегнуть ширинку сползавших с его тощего, как у русской гончей собаки,

тела, брюк. Давидка, брат Ривы, истошно крича, побежал к выходившему из сарая фашисту, но был перехвачен полицией и безжалостно избит. Его, упавшего на землю, пинали ногами, били прикладами по голове и лицу. Он лежал с раздробленным черепом, кровь текла по его золотым волосам, и навеки замолчал наш Рыжик около склонившейся над ним безумно кричащей его матери. Вдруг, схватившись рукой за сердце, она, как подкошенная, рухнула рядом с бездыханным сыном и тоже навеки замолчала на глазах у безмолвной толпы, потрясённой увиденным. Так и лежала Клара, будто спала, около единственного сына Давида до самого утра, когда все трупы, побросав на телегу, увезли со двора бездушные полицияи.

Слушая эти страшные подробности о зверствах нелюдей, мама всё время плакала, да и я еле сдерживал себя, чтобы не заплакать. Своим детским мальчишечьим воображением я представил, что творили в ту чудовищную ночь чёрного сентября фашисты и местные полицияи, издеваясь над моими бывшими соседями и их детьми, чьи лица стояли у меня перед глазами.

Обо всех соседях Галина поведать не могла, рассказывала только о том, что видела своими глазами, на которые то и дело набегали слёзы.

– Бронечка, видите, это я поседела за одну только ту ночь, – всхлипывая, проговорила она.

Я с самого детства был фантазёром, мне было интересно придумывать какие-то занимательные истории, похожие на сказки. С разными сказками я

был знаком давно, мне их читал Сюня, а когда я научился читать, то тоже увлекался ими. Что только, бывало, я ни нафантазирую, всему верила Маня. Она слушала мои рассказы, как всегда, открыв ротик, и удивлялась, принимая всё за чистую монету. Обмануть Маню мне не стоило никакого труда, она была наивна, как и моя мама, которая верила людям и сама никогда не лгала. Только раз, когда не сообщила отцу о гибели на фронте сына.

Я всегда в детстве что-то придумывал. Если я не мог долго заснуть в постели, я представлял себя лежащим с закрытыми глазами перед белым киноэкраном. И представляете, это помогало, и я всегда быстро засыпал. Я так к этому привык, что проделывал это до юношеских лет. Наверное, это сейчас бы назвали аутотренингом, на меня этот белый экран действовал гипнотически. Представлять что-то себе я был мастером высшего класса.

И, слушая Галину, я представил себе, как под злобный лай фашистских псов, под бряцание автоматов, под грубые окрики полицаев и немецких солдат или люди по знакомым им с детства улицам, или в свой последний путь, чтоб навеки остаться в наших сердцах и памяти. Шли немощные старики и старухи, матери в дрожащих руках несли плачущих младенцев, стараясь утешить их, в последний раз прижимая их к своей груди. И в этой страшной процессии шла та красивая девочка, с которой я так и не свёл знакомство, она шла, катя перед собой коляску, в которой лежала большая кукла, так похожая на девочку. Мне казалось, что кукла плакала.

А люди молча, отрешённо шли на свою Голгофу, окружённые и подгоняемые фашистами. Шли религиозные старики в кипах, захватив с собой свитки священной Торы, молясь Всевышнему, прося его о спасении. Но молчал Всевышний, не внемля их молитвам, не замечая, как издеваются и уничтожают им избранный народ. Молчал Всевышний много холокостных лет подряд.

А женщины, прощаясь со своим родным домом, где они познали любовь, где в муках рожали своих детей и были счастливы, оглядывались назад, как это делала жена библейского Лота, только они не превращались в соляной столб, а шли на погибель в общей глубокой яме.

И вспомнилась мне вдруг та страшная в горе своём старуха, стоявшая после бомбёжки на коленях в пыли над мёртвым младенцем, воздевшая свои натруженные руки со вздувшимися венами к небу, восклицая с укором: «Фар вус, готыню, фар вус? Ви быст ду, Готыню? Вус тисты?»

Так я и теперь вопрошаю: «Где Ты был, Элохим, когда детей Твоих израилевых, безмерно веровавших в Тебя, убивали фашистские варвары, желая стереть с лица земли весь Твой народ? Где Ты был, Элохим? Где Ты был, Элохим? Если Ты, вообще, есть на свете!» ...

Вовсе не богохульствуя, я представляю себе, с каким укором и ужасом вырывались из самого сердца и глубины души вместе с последним вздохом эти вопросы у моих родных и тысяч земляков некогда достопримечательного местечка Романов, не просто расстреливаемых нелюдями-полицаями, а зверски

уничтожаемых самыми изощрёнными методами и сталкиваемых в яму ещё полуживыми. Эти же душераздирающие вопросы до сих пор задают (не могут не задавать!) и большинство родственников шести миллионов жертв Холокоста, и, вообще все здравомыслящие люди планеты.

В произведении Мони Шустера эти вопросы звучат особенно драматически, заставляя читателя особенно молодого, не чувствующего ужаса от цифры шесть миллионов, не только понять, но как бы увидеть весь кошмар фашизма, войны и Катастрофы. Потрясают факты, волнуют людские судьбы. Равнодушным, читая его, остаться невозможно.

Поэтому «Вторая еврейская рапсодия», как и все остальные произведения Мони Шустера, актуальна не только для нынешнего, но и для грядущих поколений.

В поэтическом сборнике «У каждого – своя Ерусалимка» автор вместо аннотации публикует благодарность волонтерам благотворительной службы «Шалом» города Освенцима (Польша), благодаря которым стало возможным издание, как он пишет, «этих скромных поэтических строк».

А пишу я об этом в надежде, что если в не особо благорасположенной к нашим соплеменникам стране для издания книги еврейского автора нашлись щедрые меценаты, то неужели в нашей стране и диаспоре не найдутся такие же отзывчивые состоятельные люди, готовые помочь Моне Шустеру – талантливейшему Человеку с немилосердной к нему судьбой издать его замечательные произведения, которые смогли бы стать памятником ушедшей эпохи.

*Ни вымысла, ни домысла
В воспоминаниях этих нет.
В них правда истинней вымысла –
Она горька и неслеза.
Ей на суд суровый вынес я,
Честна в ней каждая строка.
Воспоминания – фотографии,
Это – отпечатки дней старинных.
Они, как, автобиография
Моя и всей моей страны.*

Меня Шустер

Вторая еврейская рапсодия

Книга первая

Итак, в израильском городе Нетания, в доме престарелых «Золотой возраст» (улица Герцог, 25) проживает, творит свои прекрасные произведения и надеется на вашу действенную помощь в финансировании их издания замечательный человек Эммануил Шустер – «Открытое сердце на чистой ладони» – это портрет балетмейстера Мони. Откройте же и вы ему, если не своё сердце, то хотя бы кошелек! Ведь заповедь «Помоги ближнему!» ещё никто не отменял. И испокон веков это было, есть и будет самым богоугодным делом.

Победа ковалась и в тылу

Герой этого очерка Зиновий Фридман не был участником боевых действий. Более того, он даже не служил в армии. И, в понимании антисемитов, в его послужном списке лишь «Ташкентский фронт». Однако, как и миллионы других самоотверженных тружеников тыла, он внёс свою достойную лепту в материально-техническое обеспечение наших войск, в разгром ненавистного нацизма и поэтому по праву может считать себя одним из творцов Великой Победы.

Невзирая на свой преклонный возраст, Зиновий – активный участник всех ветеранских мероприятий, уважаемый в организации человек. Ведь его друзья, прошедшие суровые испытания на полях сражений, как никто другой, прекрасно понимают, что без самоотверженного, до предела изнурительного труда работников тыла победа над нацизмом была бы невозможна.

Слово для своего краткого жизнеописания предоставим герою трудового фронта Зиновию Фридману.

«Я родился в 1918 году в городе Запорожье на Украине, но всю свою сознательную жизнь и трудовую деятельность провел в городе Николаеве, куда в 1930 году переехал вместе с родителями на постоянное место жительства.

Моя трудовая деятельность началась с 15-ти лет в фабрично-заводском училище, в которое я поступил после окончания семилетки. Здесь я приобрёл специальность токаря. В процессе работы по специальности на заводе мне был присвоен 5-ый квалификационный разряд.

Окончив судостроительный техникум, я был переведён на инженерную работу. Сначала был назначен нормировщиком, а затем – заведующим тарифно-нормировочным бюро в механическом цехе, в котором в то время работало свыше четырехсот человек.

Николаев – город корабелов. В нем находились крупнейшие кораблестроительные заводы «Океан», завод имени «61 Коммунара», крупный завод по изготовлению турбин, конденсаторный завод, завод «Дормашина». Гордостью города был крупнейший Черноморский судостроительный завод, на котором строились известные всему миру авианосцы.

С началом войны, быстрым продвижением вражеских войск и угрозой захвата города противником, остро встала проблема срочной эвакуации его промышленного потенциала и

обслуживающего персонала для налаживания выпуска в тылу военной продукции, снабжения армии необходимой техникой и боеприпасами. Всё трудоспособное население было направлено рыть окопы на подступах к городу. Это, как и погрузка промышленного оборудования, проходило под почти непрерывной бомбёжкой и обстрелами вражеских иштурмовиков. Скорбный список жертв увеличивался с каждым налётом.

Кстати, наш город, как и Киев, Житомир, Одесса и ряд других важных стратегических объектов, был подвергнут массированной бомбардировке уже на рассвете 22 июня 1941 года.

13 августа 1941 года, бросив всё в квартире, я вместе с родителями и женой (женился я накануне войны, 3 ноября 1940 года) отправился на железнодорожный вокзал с надеждой добраться до места назначения.

С огромным трудом родителям удалось втиснуться на открытую платформу уходящего последним товарного состава. Мне же и моей жене Любе место досталось лишь на ступеньках вагона. Два старших брата и сестра были в тот период в армии.

По дороге наш состав несколько раз подвергался нападению фашистских стервятников. И снова без жертв не обошлось. По прибытию в город Херсон мы сразу же попали под бомбёжку, при которой было много погибших.

Из Херсона нам удалось катером под шквальным обстрелом неприятеля переправиться на

противоположный берег Днепра у станции Пойма. Здесь было сосредоточено множество эвакуированных. Они иштурмом брали товарные вагоны и открытые платформы железнодорожных составов, отправляющихся в глубь страны.

Одним из таких эшелонов, потеряв многих погибшими во время налётов авиации противника, мы прибыли по назначению – в город Астрахань.

Здесь мы узнали, что нам надлежит отправиться на завод № 264 в город Сарепта возле Сталинграда.

С трудом добравшись до нового места назначения, я с 9 сентября 1941 года приступил к работе на заводе, изготавливающем корпуса для танков Т-34. В связи с огромным объёмом токарных, электросварочных, монтажных и других работ, трудиться приходилось почти круглосуточно, имея лишь краткие перерывы на еду и непродолжительный сон.

Наш завод, нефтебаза и другие стратегические объекты, а также сам город систематически подвергались ударам с воздуха. И, однажды, когда я, получив несколько свободных от работы часов, был на базаре, в толпу поблизости от нас была сброшена бомба. Жену оглушило, а у меня в результате контузии на всю оставшуюся жизнь пропал слух.

Через год работы на этом заводе нам снова пришлось отправляться в глубь страны, так как фашистские войска стремительно продвигались к городу.

15 августа 1942 года к нам прибыл представитель Ставки Верховного Главнокомандующего, и распорядился всем труженикам оставить завод, перебраться на другую сторону Волги и добраться в город Барнаул Алтайского края для работы на новом военном заводе №77.

При переправе катером через Волгу мы, как это уже не раз бывало, снова подверглись атаке вражеских штурмовиков. Но и на этот раз мне удалось разминуться со смертью.

По прибытию после долгих мытарств на новое место назначения, мы были расселены по баракам и сразу же закреплены за станками согласно своей специальности.

В новых заводских корпусах ещё не было отопления. Оборудование для них лишь поступало с многих предприятий страны.

Перед коллективом завода была поставлена задача в кратчайший срок освоить выпуск 12-цилиндровых дизелей для танков Т-34.

Нормальные условия для работы отсутствовали. Ежедневный многочасовой труд был не только тяжелым, но просто-таки изнурительным. Но прекрасно понимая важность его для страны, для победы над ненавистным врагом, мы не роптали на это, а самоотверженно выполняли ответственное задание Родины.

В конце сентября 1942 года, после изготовления первого дизеля, на завод прибыли представитель Ставки и замминистра машиностроения,

поставившие перед коллективом задание изготавливать по 20 дизелей в сутки.

Оно казалось совершенно невыполнимым. Однако, внедрив в технологический процесс ряд рационализаторских предложений, позволяющих значительно повысить производительность труда, применив высокопроизводительное оборудование и специальный режущий инструмент, работая по 12 часов в сутки без выходных, мы уже в начале 1943 года наладили выпуск не менее 20 двигателей в сутки.

Учитывая, что одна «тридцатьчетверка» заменяла на фронте около тысячи солдат, мы гордились своим вкладом в разгром врага.

В авангарде нашего многонационального коллектива шли евреи Абрам Голков, Герман Хейфец, Наум Немировский и многие другие.

После окончания войны я, как и большинство сослуживцев, изъявил желание вернуться в свой родной город. Однако лишь 1 июля 1949 года по распоряжению Министерства судостроительной промышленности я был возвращен на Николаевский судостроительный завод и был назначен технологом, а затем старшим мастером инструментального цеха.

В 1952 году я был переведён на должность заведующего тарифно-нормировочного бюро, а в 1957 году – на должность начальника бюро организации труда.

После достижения пенсионного возраста, я, по просьбе руководства завода, продолжал работать

ещё 11 лет. Лишь накануне 1993 года я ушёл с предприятия, имея общий трудовой стаж 58 лет, из которых 46 лет были отданы родному заводу.

Помимо основной работы мне приходилось преподавать в заводском учебном комбинате, обучать поступающих к нам рабочих специальности станочника.

Я награждён многими медалями, в том числе и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», рядом Почетных грамот.

Мои родители умерли в эвакуации, не выдержав военного лихолетья. Уже в Израиле ушла из жизни моя жена.

Дочь Мила и сын Саша работали тоже на нашем Черноморском судостроительном заводе.

Заканчивая описание своей жизненной одиссеи, не могу, хотя бы вкратце, не рассказать о значимости нашего завода для обороноспособности и экономики страны. На нём было построено свыше пятисот рыболовецких траулеров, в том числе и типа «Меридиан», громадные китобойные базы «Советская Украина», «Советская Россия». Авианосцы «Ульяновск», «Баку», авианесущий крейсер «Адмирал Кузнецов» и другие тоже являются детищем нашего коллектива.

В 1959 году заводу было поручено изготовление баллистических ракет для атомных подводных лодок. И с этой задачей труженики предприятия справились с честью.

С развалом Советского Союза, разрывом экономических связей с предприятиями-

поставщиками из разных республик, производство пришло в упадок. Когда в 1993 году прибывшие на завод премьер-министры России и Украины Виктор Степанович Черномырдин и Леонид Данилович Кучма поставили вопрос: «Что необходимо для достройки уникальнейшего авианосца «Варяг», директор завода Ю. И. Макаров ответил: «Советский Союз».

Николаевский судостроительный завод «Океан»

Считаю, что краткое жизнеописание героя этого очерка, героя, являющегося одним из бойцов многомиллионной армии тружеников тыла, красноречиво подтверждает правильность утверждения, вынесенного в заглавие «Победа

ковалась и в тылу», является достойным примером для нынешнего и грядущих поколений самоотверженного выполнения своего гражданского долга, целеустремленности и патриотизма, чего, к сожалению, так часто не хватает значительной части нынешней молодежи.

Человек с большой буквы

Когда я начал работать над своей очередной книгой, с героем этого очерка, Анатолием Цалиовичем, я не только не был знаком, но и не знал о его существовании. А он в то время успешно продолжал свой многогранный труд в научной сфере, журналистике и литературном творчестве в Соединенных Штатах Америки, будучи не обделён почётом, уважением и благосклонной к нему судьбой (хотя так было и не всегда).

Но всё это перевесили его глубокие сионистские убеждения. И в марте 2015 года он вместе со своей замечательной женой-единомышленницей Нелли репатриировался на историческую родину и обосновался в одном из прекраснейших израильских городов – Нетании. Здесь чета Цалиовичей сразу же с головой окунулась в общественную деятельность, приобрела много друзей в среде творческой интеллигенции. И наши пути просто не могли не пересечься. При каждой новой встрече я всё больше восхищаюсь этими замечательными людьми, о которых впору писать не очерк, а захватывающую книгу.

Анатолий Цалиович – кандидат технических наук, специалист в области электросвязи, распространения радиоволн, электромагнитной совместимости,

экранирования, технических задач оптимизации. Он принимал участие в научных исследованиях и руководил разработкой новой техники в Соединенных Штатах и СССР, консультировал и преподавал на инженерных курсах в США и других странах. Ему принадлежит авторство или соавторство десяти технических книг на русском и английском языках, множества статей, докладов и патентов. Большой общественный интерес вызвали две его книги басен на английском языке, одна из которых посвящена традиционным в басенном творчестве нравственным, общественным и социальным проблемам нашей жизни, а вторая – критике тенденций во внутренней и внешней политике и в международных отношениях.

Не будучи специалистом в этой области, на научно-технической деятельности доктора Анатолия Цалиовича я останавливаться не буду (а в сфере его интересов и такие важные темы на переднем крае науки как передача энергии на дальние расстояния с помощью беспроводной микроволновой техники, вопросы системного анализа в технике связи и электромагнитной совместимости, и другие сложнейшие проблемы). Лишь отмечу, что в Израиле он с присущей ему увлечённостью продолжает фундаментальные исследования, которые, в частности, могут иметь значение и для усиления обороноспособности нашей страны, печатается в научной литературе, выступает с докладами на международных конференциях, участвует в разработке

новых патентов и консультирует, щедро делясь своими знаниями и талантами.

А знакомство читателя с творчеством героя этого очерка начну с одного из его поэтических произведений, в некотором смысле олицетворяющего готовность страстно и самоотверженно защищать сионистские идеалы, горячую любовь к своему народу, боль от трагедии Холокоста и призыву «искать моральный памятник» в своей истории.

Моральный Памятник Бабьему Яру

Анатолий Цалиович

Посвящается Бабьему Яру и бесчисленному
множеству других мест мученичества
и геройства еврейского народа

*«Над Бабьим Яром памятников нет»,
Молчит обрыв, свидетель гибели евреев
От рук антисемитов и злодеев –
Так много лет назад писал поэт.*

*Но нет сейчас следов айнзатц-бригады:
Убийц-зверей давно настигла месть,
А памятников столько разных есть,
Что кажется, их больше там, чем надо!
И думалось, что время успокоит,
С печали снявши остроту потерь:
Был Судный День – что в прошлом жить
теперь.*

*Но почему ж всё так же сердце ноет?
Да это потому, чтоobelisks*

*Грех искупить не могут высотой:
Для миллионов жертв с трагической судьбой
Высоки камни – да морали низки!
Увы, убийцы жертвам не прощают
Своих грехов тяжёлый груз, и вот,
Ложь с демагогией пустивши в ход,
Израиль в Холокосте обвиняют.*

*Сегодня, отрицая Холокост,
В Париже — "Kristall Nacht", в Брюсселе —
геноцид,*

*А в Скандинавии на стенах пишут "ЖИД".
И крепнет юдофобии нарост,
И негодует пресса, что евреи
Убить себя шахидам не дают,
И кровь младенцев, мусульманских, пьют,
И Иудею называют ... Иудеей!*

*А Бабий Яр им поделом – хоть и враньё!
Зато Европа юдофобства не забыла,
А тут фашистов-исламистов сила
На пададь к гитлерам валит, как вороньё.
Но даже если не аборигены
Еврейские погромы замышляют
И не в яру евреев убивают –
Кому же легче от такой замены?*

*Еврейской крови алчущих зверей
Там монументами не ублажить,
Но сможешь своё племя защитить
На древней родине своей, еврей.
Здесь, почитая траурный гранит,
Молясь у обелисков из камней,*

*Моральный памятник ищи, еврей –
Такой ещё построить предстоит
На Обетованной Земле святой,
Где эти камни предков твоих знали,
Они тысячелетиями ждали,
Что, как хозяин, ты придёшь домой.
Нерукотворный этот монумент
Пусть в твоё в сердце теплом жертв стучится,
Как самый сионистский аргумент:
НЕТ, БАБИЙ ЯР НЕ ПОВТОРИТСЯ!*

*Я верю, что придёт счастливый час:
Такой моральный памятник воспрянет,
И ЧЕЛОВЕК быть зверем перестанет.
И помянут потомки с грустью нас.
Йом Кипур, 2016 г.*

Вот такой страстный призыв к человечности, к нравственности и одновременно, к сионизму и надежде!

К такому же призыву Анатолий возвращается неоднократно в своих проникновенных публицистических выступлениях. В частности, в этом плане нельзя не упомянуть его статью в защиту очерка Юрия Окунева «Нравственный Тест Бабьего Яра», где он обрушивается в присущей ему страстной манере на нечистоплотных, по большей мере, глупых или просто тёмных юдофобов, взявших на себя неблагодарную задачу «развенчать» теперь всем уже известную и неприглядную правду об этом позорнейшем факте новейшей истории человечества. Это его

произведение («Кому за державу обидно и почему?» (ноябрь, 2011 г.), опубликованное в «Заметках по еврейской истории» можно по праву назвать «Тест на порядочность», как являющееся не только одним из ярких мазков портрета героя этого очерка, но как бы и назиданием нынешнему и грядущим поколениям. Кстати, это мнение разделяет и Юрий Окунев, отметивший что сам Анатолий Цалиович этот тест выдержал!

Поэтому и предлагаю несколько выдержек из работы об очерке Юрия Окунева «Нравственный тест Бабьего Яра».

«... Опубликовал человек аргументированный и документированный очерк, со ссылками и цифрами, с фактами и цитатами, отличное литературное изложение – и словно змеиное гнездо разворошил: какая дискуссия разгорелась, какой шум и шипение вокруг. Какие только соображения ни выдвинули против нахального автора, какими эпитетами ни наградили, в чём только ни обвинили: он и соврал, и истину исказил, и поклёп на невинных возвёл, и православных оскорбил – ну чистый тебе антихрист! Да и необразованный невежда притом. Единственно чего не привели, так это каких-либо фактов и доказательств; да кого это волнует! А всё из-за каких-то «евреев». Подумаешь, шесть миллионов туда, шесть миллионов сюда – эка невидаль: да за прошлые 2000 лет кто их только ни бил и сколько ни перебили. Да вы хоть Тараса Бульбу почитайте, этого, что у великого русского писателя с украинскими корнями, Николая Васильевича Гоголя. А

какой весёлый еврейский погром он описал, учинённый славными Запорожскими казаками, да как занимательно. Смешно до коликов, умора, да и только!»

«... Во-первых, вспомните о чём идёт речь: всего и делов-то, что 33 тысячи этих, как их там культурно назвать, чтобы не засудили, в Киевский Яр брякнули, да и то 70 лет назад. Неужто так долго старое надо помнить – вот ему, злопамятному, и глаз вон.

Во-вторых, из 22 комментариев, которые я насчитал на момент прочтения очерка, больше 40% осуждают и обвиняют автора! Ведь если эти 40% да приложить к солидной державе, такой например как Украина (45,724,242 на 2011 год), то сколько это получится? Вот то-то, – дык не за себя, а за державу обидно этим людям – и пошли юродствовать.

В-третьих, подумайте, очерк-то о чём? Не о самом убийстве в Бабьем Яру – об этом достаточно много написано, а об эмоциональном пределе человеческой порядочности. А это за деньги не купишь, да и в университетах не очень-то научишься! Вот и надо разобраться и поставить точки над i.

В четвёртых, вряд ли сегодня найдётся здравомыслящий человек, который может сказать, что в XXI веке повторение такой трагедии, такого геноцида, невозможно. Здесь нет необходимости перечислять горячие точки планеты, где геноцид или происходит прямо на глазах, или вот-вот произойдёт – им несть числа. А кто и как может помочь, если глубокие корни человечества буквально отравлены

геноцидом? Лечить их надо, и один из первых шагов в этом направлении есть признание зла совершённого против еврейского народа и раскаяние тех, кто его совершил. Вот Окунев и пытается лечить, да видно глубоко болячка засела.

И в-пятых, а может быть, и в самых главных, это о нравственном очищении от зла. Ведь по большому счёту, очерк Окунева – это о злодействе большого количества людей, которым тысячелетиями промывали мозги и учили этому злу кому не лень – и жестокие правители, и церковь (ведь недаром ещё Дизраэли полушутя-полусерьёзно говорил что если бы не Церковь, никто бы не знал про евреев), и нацисты, и коммунисты (если сомневаетесь в этом последнем, то вспомните дело врачей и другие подобные "дела"). А результат – вот он: миллионы жертв, неисчислимые страдания, причинённые невинным массам еврейства, в основном бесправным и нищим, ведь таких-то всегда было большинство!

Но и погромики и убийцы, непосредственно принимавшие участие в этих преступлениях, сами являются жертвами. Ведь это антисемитизм превратил этих людей в толпу, "чернь", в безмозглую тёмную массу, жаждущую крови. Вспомните, как описал еврейский погром великий украинский писатель-гуманист Михайло Коцюбинский («Він Іде»). ... Короче, прочитайте, кто не читал, и перечитайте, кто читал, очерк Окунева и подумайте».

« ... Да много кой-чего наболтали: и не было этого, и это делали не мы, а другие (например, не "православные", а "униаты"), да и вообще эти евреи

сами во всём виноваты (и в юденратах служили, и Каганович ихний был) и теперь пытаются свалить всё на невинных (например, это 1200 невинных украинских полицейев, помогавших 150 эсэсовцам уничтожить 33000 евреев в Бабьем Яре всего за два дня - конечно, устали и намучались бедолаги; хорошо ещё многочисленные сознательные жители города Киева помогли – читайте у Окунева). А некоторые возмущаются: что же вы только "наших" антисемитов ругаете, ведь другие, может быть, похлеще были. Таких можно успокоить: а может быть и не "похлеще"? Как ответил Виктор Каган в своём комментарии этим борцам за "справедливую" долю чести в участии в Холокостовских преступлениях, очерк Окунева – не обо всех "местных энтузиастах", а только о Бабьем Яре. Но, в принципе, все гады есть гады: скользкие и гнусные!

А ещё другие критики с фамилиями, похожими на еврейские, так те вообще не рекомендуют огород городить: стоит ли гусей дразнить? А вдруг обозлятся! Таким можно напомнить слова из Торы: «Правды, правды ищи». Эти слова Авраам бросил в лицо не каким-то антисемитам проклятым, а самому Б-гу, считая, что Он поступает неподобающим образом (Берешит, 18:25; см. гл. 7). »

« ... А как же насчёт Святого Учения: «Возлюби соседа своего, как самого себя»? Я не знаю, повторял ли эту заповедь сосед, ведший моих предков на казнь в 1941 году, но результат, как говорят "налицо". Видно "слово Божье" оказалось слабее "слова человеческого". В результате все основные христианские деноминации

на Украине хоть открыто и не поощряли, но и не возражали против Холокоста. А жаль, последуй они примеру хоть того же митрополита Шептицкого, много невинных жизней было бы спасено.

Например, коль скоро разговор зашёл о бабушках, может быть, за мою прабабушку выпить пожелаете? Тогда позвольте, "под рюмочку", рассказать "смешную" историю, которая приключилась с моими прабабушкой и прадедушкой. Были они не миллионеры и миллиардеры, а простые колхозники, крестьяне (да, да, евреи тоже бывали колхозниками!). Не успели они сбежать от фашистов в благословенный Ташкент и там "жить припеваючи, пока за них другие народы проливали кровь" (опять тот же Первый секретарь). Так и погибли они "по месту жительства", в колхозе в Херсонской области от рук своих соседей – представителей "других народов СССР", местных украинских полицаев (не немцев!). Их, полурастрелянных-полуживых, закопали в землю, которая после этого ещё неделю шевелилась. А "заодно" ещё 17 членов моей родни в возрасте от нескольких месяцев до моих "пра".

Так что же вы вспоминать-то будете за бутылочкой, товарищи [sic] хорошие, за что выпить собираетесь? За убитых еврейских колхозников? А может быть, за группу голых еврейских женщин, которых ведёт на расстрел украинский полицай (и кто его знает, какой он веры)? А может быть, за храбрых женщин в национальных украинских одеждах, на параде шагающих под знамёнами со свастикой и лихо отдающих салют Фюреру? Если интересуетесь,

все эти документальные данные и фотографии можно предоставить, чтобы, глядя на них, и выпивать было веселее. Так что давайте называть вещи своими именами: не чистой ли воды этот антисемитизм, рядящийся в оскорблённые чувства обиженной праведности?»

« ... А сколько настрадался Евгений Евтушенко в 60-х из-за своей поэмы Бабий Яр (между прочим, очень рекомендую всем критикам очерка Окунева перечитать эту поэму)? . Вот уже и Папа Римский признал вину за двухтысячелетний еврейский геноцид и раскаялся, и Германский Канцлер на коленях молился о прощении, и Польский Президент принёс официальные извинения еврейским жертвам Едвабне, а правда о Бабьем Яре всё ещё замалчивается на Украине. И наконец, только в 2011 году, когда советской власти на Украине уже нет, наконец, идут серьёзные разговоры о строительстве мемориала. Остаётся пожелать им успеха, и как говорят на Украине: "Дай Бог нашему теляті тай вовка з'їсти".»

« ... И история – вам судья!»

С точки зрения теста на порядочность, эти же важнейшие проблемы современности обстоятельно и аргументированно поднимаются и анализируются и в других произведениях Анатолия Цалиовича, как например, в поэтическом комментарии к великолепной статье Виктории Вексельман «С кем вы, американские евреи?» (август, 2015 г.). Как это ни парадоксально, среди многочисленных врагов Еврейского государства не перевёлся ещё тип еврея-антисемита. Разоблачая

предательскую роль такого противника Израиля среди определённой категории евреев-ренегатов (рене«гадов?»), автор с присущей ему страстностью разоблачает его сущность:

*«Он – с врагами, за бойкот
Государства сионистов,
Он считает за почёт
Комплименты террористов».*

И завершает призывом к еврейскому народу «разобраться – кто есть кто»:

*«Чтобы мог Израиль жить –
Вам же – быть или не быть!»*

И уже только за это Анатолий Цалиович, безусловно, заслуживает право быть причисленным к когорте славных людей современности и называться пламенным борцом за то, чтобы «большинство людей разных взглядов и разных национальностей, верующих и неверующих, но всех – с божественной совестью в душе», были открыты для правды и добра и с честью прошли нравственный тест на порядочность. От исхода этой борьбы в значительной мере зависит будущее не только Израиля, не только отдельных стран и народов, а и цивилизации в целом!

Свою бурную (без преувеличения!) деятельность этот разносторонний эрудит продолжает и в Израиле. Наряду с научной деятельностью, он регулярно выступает в средствах массовой информации с

публикациями на общественно-политические и культурно-этические темы. Русскоязычные израильтяне с удовольствием и пользой читают его многочисленные очерки в таких источниках информации как журнал «Коль а-Шарон», газета «Вести», и другие, где он затрагивает самые разнообразные темы – под стать широте его интересов, знаний и интеллекта. Среди многих других здесь и материалы о знаменитом немецком певце на языке идиш Карстене Тройке («Музыкальный подарок из Берлина»), и серьёзный разговор на медицинские темы о докторе Гольдберге, лучшем в мире хирурге-специалисте по инвазивной коронарной интервенции – катетеризации сердца («Нетания-Сеул: награда д-ра Гольдберга»), и разговор о вечере французского шансона («Парижская весна приходит в Нетанию»).

Чета Цалиович активно участвует в работе Нетанийской гороской организации беженцев Катастрофы, членом правления которой является Анатолий.

Как правило, не обходятся без Анатолия и Нелли проводимые мероприятия ветеранских организаций и конечно же, различные творческие встречи. Они желанные гости многочисленных новых друзей. А в их гостеприимной квартире все праздники и семейные торжества не ограничиваются обильным застольем, а превращаются в импровизированные концерты (на них Анатолий поёт на разных языках, играет и аккомпанирует себе на нескольких музыкальных инструментах), творческие конкурсы,

встречи с интересными людьми и воспоминания о незабываемом.

При всех своих достоинствах, Анатолий Цалиович является личностью, которой «ничто человеческое не чуждо». После всего сказанного о нём вы будете безусловно удивлены некоторыми его увлечениями на досуге. Здесь и прыжки с парашютом, и ныряние с аквалангом, и даже такие экзотические эпизоды, как игра в футбол ... со слоном – недаром зарубежная пресса отмечала, что и для этого нужен талант.

Надеюсь, что очерк об этом неординарном, талантливейшем человеке будет воспринят каждым из читателей не просто как очередная встреча с замечательными и занимательными людьми, а вызовет интерес к поднимаемым им общественно-политическим и морально-этическим проблемам и желание сдать тест на порядочность, учиться, работать и жить как Анатолий.

Желанный гость и добрый друг каждой семьи

Есть в Нетании газета –
Наш родной «Коль-а-Шарон».
В ней – колонка санпросвета.
Автор Сандлер? – Точно. Он!

Автор знает всё на свете.
И конца советов несть:
О режиме, о диете,
Как нам пить, и что нам есть.

Он – пропагандист толковый –
Нас пленил давным-давно.
Если мы ещё здоровы,
То ему спасибо. Но...

Но не только в санпросвете
Он большой специалист.
Знают взрослые и дети:
Он – поэт и пародист.

Санпросвет и рядом... муза.
Цель одна у них. Я прав!
Нет прекраснее союза!
(Может подтвердить Минздрав!)

Улучшается здоровье.
Меньше на лице морщин.

Исчезает малокровье
И растёт гемоглобин.

«Сахар» – ниже. Тонус – выше...
Мы, «олим ве хаверим»,
Говорим: «Спасибо, Миша!
За добро благодарим!»

Этими стихами, а я бы посмел сказать «одой», профессора и поэта Бориса Брусиловского имеет смысл начать повествование о неординарном человеке, нетанийце Михаэле Сандлере.

По профессии, и, видимо, по призванию, он врач, но не обычный клинический врач, а превентолог (врач-профилактик), на иврите это называется «рефуа-монаат». Работает он в Отделе здравоохранения округа Шарон, выполняя функции врача-исследователя и популяризатора медицинских и гигиенических знаний. Ещё там, на «доисторической родине», он «прикипел» к профилактической работе, был одним из разработчиков кампании по массовой диспансеризации населения, создателем системы формирования здорового образа жизни, и даже защитил диссертацию по этой теме. И на родной земле он остаётся ярким сторонником концепции «будущее принадлежит медицине профилактической». И это вовсе не пропагандистский лозунг. Проводимые по его инициативе исследования помогают своевременно выявлять факторы риска возникающих вновь заболеваний и разрабатывать эффективную систему их профилактики, искать и находить способы

наращивания здоровья населения, лоббировать законы по профилактической медицине в Кнессете. За годы работы в израильском здравоохранении он успел создать принятую не только в нашей стране, но даже далеко за её пределами, методику профилактики ущербов от солнца, маркетинга различных продуктов питания, снижения детской смертности, создал Станцию планирования семьи «Доверие» и т.д. За это он был награждён Премией Министра здравоохранения Израиля и получил многочисленные награды Противоракового Общества, Общества планирования семьи и др.

Доктор Сандлер – популярный преподаватель курса «Валеологии» в Институтах усовершенствования врачей и учителей, ведущий практических занятий для студентов-диетологов, медицинских сестер, соавтор проектов, выполняемых в Иерусалимском университете, в музее «Человек и окружающая среда» (Петах-Тиква) и т. д. На его счету больше ста пятидесяти научных публикаций. Но то, что известно «широким слоям населения», то, что «на поверхности» – это его активная пропагандистская работа в печати, на радио, на телевидении и в Интернете, особенно, на русском языке.

Каждую неделю по пятницам доктор Михаэль Сандлер вместе с еженедельником «Коль а- Шарон» входит желанным гостем, добрым другом в сотни русскоязычных семей. В этом популярнейшем издании уже почти пятнадцать лет из номера в номер он доходчиво и убедительно пропагандирует элементы здорового образа жизни, дает практические советы по

укреплению здоровья и щедро дарит нам рецепты долголетия.

Его доброжелательное, улыбчивое лицо на фотографии, сопровождающей каждую его публикацию, словно чудодейственный бальзам, поднимает нам жизненный тонус, вызывает положительные эмоции и даёт установку на выполнение предлагаемых им «валеологических» рекомендаций. Для примера приведу лишь некоторые из них:

В статье «Любящие сердца и здоровье»» (№237, 14.02.08) он пишет:

«У горячо любящего человека в организме вырабатывается «гормон счастья» – эндорфин и разрушается гормон стресса – кортизон, человек наполняется чувством радости и восторга.

Любовь помогает легче переносить болезни, справляться с недугом и делает эффективными многие лекарственные препараты... А поцелуи расслабляют и уменьшают выработку организмом гистамина и существенно повышают количество антител, борющихся с аллергией. По данным учёных поцелуи помогают снизить артериальное давление и уровень холестерина крови, оказывают благотворное влияние на зубную эмаль, защищая её от кариеса. При поцелуе активизируется иммунная система и усиливается обмен веществ. Короче говоря, медицинские исследования последних лет показывают, что поцелуи полезны для здоровья. Вывод прост: любить нужно не только себя, но и окружающих. Любить, чтоб оставаться здоровым!»

Убедительно развенчивает доктор Сандлер заблуждение о том, что курение кальяна безвредно для здоровья. В статье «Нет! – курению кальяна» он пишет: *«Кальянный дым, даже пройдя через водяной фильтр, содержит значительные количества токсических веществ, смол, бензапирена, фенолов, ароматических углеводородов, солей тяжёлых металлов и других химических соединений, вызывающих хронические неспецифические заболевания лёгких, COPD и рак лёгких. А нахождение вблизи лиц, курящих кальян, равносильно пребыванию в помещении, где воздух загрязнён сигаретным дымом.*

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что кальян обычно курят в компании, а пользование одним и тем же мундштуком, который все берут в рот, может привести к заражению такими заболеваниями, как гепатит, герпес, туберкулез и др.»

В статье «За порядок в царстве Морфея» он даёт доступный совет читателям, которые не в ладах со сном: *«Чтобы добиться хорошего сна, нужно помнить, что он закладывается в период бодрствования. И, если соблюдать пять принципов гигиены сна, то можно с уверенностью рассчитывать, что сон будет хорошим. Первый принцип – следовать одному режиму, не пропускать привычное время сна, не перебарывать ход биологических часов. Второй принцип – правильное чередование труда и отдыха. Короткие периоды сна или дремота в период бодрствования могут оказаться роковыми для ночного сна. Третий принцип – ограниченное потребление психовозбуждающих*

средств (крепкого чая, кофе, тонизирующих напитков и др.). Четвертый принцип – предупреждение умственного переутомления, профилактика переедания перед сном. Пятый принцип – отказ от снотворных препаратов до тех пор, пока не испробованы все другие средства».

А в статье «Не в меру еда – болезнь и беда!» он подчёркивает, что «не только с точки зрения ощущений и удовольствия, но и пользы для здоровья, частота и качество приёма пищи являются не менее важными составляющими здорового образа жизни, чем то, «что» человек ест. К сожалению, огромное число людей гасят свои эмоциональные страдания едой. Для некоторых пристрастие к еде приобретает формы зависимости. В то же время переедание попросту срывает основной обмен организма... Отдельные лица превращают пищу в «дамоклов меч», который висит над желудочно-кишечным трактом, «дорогой жизни» человеческого организма. Они едят слишком горячую, слишком холодную, слишком пережаренную или острую пищу, злоупотребляют алкоголем, консервированными продуктами, часто едят фастфуд, кушают стоя или лёжа в кровати.

Между тем, питаться правильно – означает не только соблюдать рацион, принципы и гигиену питания, а ещё – и правила приёма пищи. Только так мы можем и сохранить, и улучшить наше здоровье»

Уже эти несколько примеров, взятых из газет за произвольно выбранный, небольшой промежуток времени, впечатляют. А ведь таких публикаций только в газете «Коль-а-Шарон» было уже более двухсот, и

почти столько же, но в большем объёме – в приложении «Здоровье» к газете «Вести», в популярных журналах «Оптима» и «Мама-инфо». Не в этом ли секрет популярности Михаэля Сандлера среди русскоязычных репатриантов?

Но доктор Сандлер обрёл известность не только как «журналист-популяризатор». Он – частый и желанный гость в молодёжных клубах, центрах абсорбции, в ульпанах иврита, хостелях, на «ярмарках» и «Днях здоровья», проводимых на городских площадях, в концертных залах, в Каньонах. Его советы звучат периодически в любимых нами передачах радиостанции «Река», на «Девятом русскоязычном канале» израильского телевидения. И всегда посеянные им «зёрна здоровья» прорастают добрыми всходами, способствуют совершенствованию образа жизни, улучшению физического и психического здоровья масс.

Его публикации, собранные в одном сборнике, могли бы стать не только прекраснейшим учебником по валеологии – науке о сохранении и наращивании здоровья, но и настольной книгой в каждой (и не только русскоязычной) семье, если, конечно, переведут их на иврит, английский, французский или амхарский языки. Ведь для репатриантов – это кладёзь идей здоровой абсорбции на Земле Обетованной.

Среди нетанийцев доктор Сандлер известен также как поэт-пародист и умелый ведущий творческих вечеров, концертов и юбилеев. Срабатывает его КВНовское прошлое и умение держаться на сцене. Написанные им с юмором стихи и песни отражают

«эпоху», «тяжкую долю» репатрианта, суету израильской жизни, помогают смотреть с улыбкой на трудности, преодолевать препятствия на пути и быстрее интегрироваться в новое общество. В качестве примера хочу привести текст его песни с припевом «Совсем неплохо на этой Земле, но очень плохо считаться «оле».

Если б я знал иврит
Как сосед-«абрек»,
Мне жена говорит:
«Был бы человек!»

Но сейчас и она
Набирает стаж...
Ощутил я сполна,
Что – «Оле хадаш»!

Припев:
Совсем неплохо на этой Земле,
Но очень плохо считаться «оле».

Если б я был богат
Сразу, не потом,
Я купить был бы рад
В Тель-Авиве дом.

Но машканта одна –
Мой бюджет «мамаш».
Ощутил я сполна,
Что – «Оле хадаш»!

Припев:

Если б я был «ватик»,
Иль Премьера сын,
Я бы русский язык
Сделал основным.

А пока что волна
Злости в адрес наш.
Ощутил я сполна,
Что – «Оле хадаш»!

Припев:

Или ещё один куплет из его старой песни «Бредут по дорогам олиммы»:

Мимо Сохнута круто,
Мимо лавок и баров,
Мимо банка «Идуда»,
Мимо шука – базара,

Счастья и денег мимо,
Мимо Купат Холима,
Солнцем и ветром палимы,
Бредут по дорогам олиммы...

Надо только видеть, как подхватывает зал припев его несложных песен и как вдохновенно «заявляют о себе русскоязычные репатрианты»:

Повернитесь лицом к алие,
Помогите ей только в жилье,
Дайте только работу и власть, –
Заживете и сами вы всласть.

Если кто-то из вас не привык,
То, что слышите русский язык,
Тот, кто против, старается зря –
Не стихает пока алия.

Алия, алия, алия...
Расцветает с тобою Земля!
Ты – надежда страны и моя
Алия, алия, алия!

А поэты с лёгким опасением ждут от доктора Сандлера пародий на свои стихи и остаются крайне довольными тем, что они не выглядят как насмешка над их творчеством, а лишь выражают симпатию к автору. Вот, например, поэтесса Светлана Киршнер-Шихман пишет:

«Я сегодня плакала и пела...
Ввысь рвалась, не ощущая тела,
Пестовала лень – вершила дело,
Прогуляла всё и всё успела».

А доктор Сандлер пародирует:

«Я сегодня плакала и пела
(Жизнь здесь в Израиле такова!):

В два часа – на кладбище успела,
В три – к подруге в Бейт-Авот пошла,
В пять уже бежала на Бар-Мицву,
В семь – уже спешила на Хупу,
К десяти смогла освободиться, –
Замочила на обед крупу.
Я сегодня плакала и пела...
Ввысь рвалась, не ощущая тело.
Жизнь меня звала с собой «на дело».
Прогуляла всё и всё успела!»

Или нетанийская поэтесса Раиса Хромова пишет:

«Нетанийское звонкое лето.
В кольцах золота рдеют закаты.
И рисуют чьи-то портреты
Облака, что плывут куда-то...»

А доктор Сандлер с улыбкой ей отвечает:

«Нетанийское жаркое лето.
Лица рдеют, как солнце в закате.
Пот ручьями. И лета примета –
Счёт большой за «мазганы» к оплате.

Что поделать? Для стихосложенья
Только Пушкин ждал осени где-то.
Нам же дарит всегда вдохновенье
Нетанийское жаркое лето.

О себе он говорит, что скучает без работы, когда наступают праздники и что в нашей стране соседствуют слишком много мнений. Евреи любят больше говорить, чем слушать, поэтому известная греческая поговорка звучит здесь в иной модификации: *«В здоровом теле – здоровый дух!... На самом деле – одно из двух!»*.

Он любит Израиль и верит в его Великое будущее. Он гордится Израилем и его достижениями, и жалеет о том, что не все репатрианты знакомы с успехами науки и культуры в этой стране. Просто потому, что не знают язык и не могут посещать израильские театры, выставки, бывать на научных конференциях и участвовать в работе научных обществ. Он уверен, что израильские стендописцы и юмористы на голову превосходят своих российских коллег, жалеет, что пожилые люди не смотрят передачи израильских каналов телевидения и часто живут интересами россиян. А их дети, к сожалению, в основном, оторвались от интереса к русской культуре, и этот факт тоже нельзя отнести к положительным явлениям. Поэтому он старается постоянно наводить мост к контакту «Гешер ле кешер»!

Он не считает себя поэтом, хотя с удовольствием ходит на заседания поэтических обществ и иногда соглашается прочесть свои стихи. С моей точки зрения, можно считать очень удачным его стихотворение «Раздумья у могилы Неизвестного солдата»:

«Погиб он и стал неизвестный солдат:

При нём не нашли ни фамилий, ни дат,

Ни номера части, ни писем детей...
Вполне вероятно, что был он еврей.
Погиб у границы, в начале войны,
В те страшные дни для великой страны,
Когда объявили: «Ни шагу назад!»,
Но в бой ...без ружья отправляли солдат.

Он пал за Отчизну, за СССР,
Солдатам другим подавая пример.
Оставил он дом, и родных, и друзей...
Вполне вероятно, что был он еврей.

Он был похоронен спустя много лет
С речами, с музыкой, но без «эполет».
И Вечный огонь вместо меди наград
Несёт на груди Неизвестный солдат.

Судьба не дала ему счастья пожить,
Обрадовать мать и детишек растить.
Зато, он прошёл мимо концлагерей,
И не был расстрелян в яру, как... еврей.

Зато, не попал он в какой-нибудь Лаг,
Не видел мученья и смерть бедолаг,
И не был наказан по Делу врачей,
В том случае, если и был он... еврей.

Судьба обошлась не по-доброму с ним:
Не видел он Арец, Иерусалим...
Погиб он и стал неизвестный солдат:
При нём не нашли ни фамилий, ни дат...»

Заслуживают (и это без всякого сомнения) отдельных очерков и отец Михаэля – Вольф Сандлер – участник Второй мировой войны и один из творцов Великой Победы над фашистской Германией, и его старший сын Гера.

Написать о неординарном человеке Вольфе Сандлере я лишён удовольствия, так. как меня опередил в этом Йосиф Рейтман, подготовивший о нём очерк для нашей совместной книги о русскоязычной творческой интеллигенции Нетании. А вот о Гере, хотя бы вкратце я должен рассказать. Ведь каждая встреча с ним – артистом Израильского театра «Идишпиль», приносит людям огромное удовольствие. Гера известен в русскоязычной среде и как ведущий радиопередач, и как популярный телеведущий, и как киноактёр. Израильский фильм «Медузы», в котором он сыграл главную роль, получил в 2007 году несколько призов на Международном Каннском кинофестивале, а Гера был выдвинут на конкурс «Люди алии, Человек года, Золотая Девятка – 2007» в номинации «Актёрское мастерство». Вот как описал фрагмент из его концертных выступлений в Нетании известный журналист и меломан Григорий Гомельский: *«Под мягкий свет софитов на сцену выходит Гера Сандлер. Артистический вид, уверенная поза, лёгкость в движениях и наперевес гитара – верный друг певца. Несколько аккордов и полилась знакомая всем мелодия вальса, где есть всё: и душевный разговор, и совет, и сердечная просьба. У Геры сильный, приятный голос, он свободно им владеет и с помощью гитары легко имитирует то*

зимнюю вьюгу, то весеннюю свирель. Куплет за куплетом подводят нас к оптимистическому выводу: сколько бы вьюге ни кружиться, всё равно наступит весна, а с нею – обновление природы и все радости жизни».

Так что Михаэль Сандлер может по праву гордиться своим сыном Герой, как и Гера – своим отцом, а оба они – славным патриархом своей семьи Вольфом Мойсеевичем!

Но уж коль мой очерк всё-таки посвящён Михаэлю, то завершить его уместно краткой оценкой героя. Думаю, что на вопрос, в чем причина его огромнейшего авторитета и популярности, он, не греша против истины, мог бы смело ответить в свойственной ему юмористической манере, словами известной песни *«просто я работаю...волшебником!»*

Так пожелаем же этому доброму волшебнику того же, что он желает каждому из нас: новых творческих и профессиональных взлётов, счастья и благоденствия в личной жизни!

Последний мазок в творческий портрет героя очерка я, с позволения автора – Феликса Мазура, нанесу опубликованной им в еженедельнике «Коль а-Шарон» 2.02.2017 г. информацией:

Он и доктор, и поэт...

В культурной жизни Нетании происходят неожиданные и приятные события. Я не имею в виду посещение нашего города известными театральными или эстрадными звёздами.

С неменьшим интересом проходят встречи с людьми, которых регулярно встречаешь на улице или в магазине, с которыми беседуешь и не подозреваешь об их талантах. Для многих посетителей Общинного дома в Нетании в январе настоящим открытием был творческий вечер известного в Израиле популяризатора здорового образа жизни доктора-превентолога Михаэля Сандлера. О его регулярных выступлениях на радио и в печати, в том числе в нашей газете известно всем. А с его поэтическим и музыкальным творчеством большинство из нас познакомилось именно на этой встрече

Вечер прошёл при поддержке отдела абсорбции муниципалитета Нетании, а свой выход к публике Михаэль Сандлер назвал: «Строки, прошедшие абсорбцию».

В вечере также приняли участие: Михаил Дикер – композитор, автор многих популярных песен, исполнявшихся на Украине в 70-х – 90-х годах, руководитель нетанийского ансамбля «Поющие сердца» (Елена Дикер, Татьяна Дувинская, Любовь Флягина, Яков Белоцерковский, Аркадий Беднарчик,

Давид Тепер и др.); композитор Давид Блюм – автор песен о героизме еврейского народа.

Михаэль читал стихи преимущественно шуточного содержания, вполне уместно включив некоторые перлы Игоря Губермана. Слушатели тепло принимали его ироничную поэзию.

Но когда он взял гитару и начал исполнять песни собственного сочинения, это для большинства было приятной неожиданностью.

Аплодисментами были награждены песни «Ментальность» («Ох, ментальность, ты ментальность, или проще: “Склад ума”. Что мне делать: как реальность, ты

от Бога мне дана...»), «Не огорчайся», «Обетованная земля», «Абсорбция в почёте», «С гипертонией своей» (о даме, возмущённой тем, что в стране не могут снизить ей артериальное давление).

На стихи Михаэля пишут музыку известные нетанийские композиторы Михаил Дикер и Давид Блюм. Несколько песен Дикера на стихи Сандлера прекрасно исполнили трио в составе Любви Флягиной, Татьяны Дувинской, и Елены Дикер, теплотой и нежностью повеяло от «Песни о Нетании» («На Кикар Ацмаут все дороги ведут, рестораны

взывают вас к ужину, и гирляндой огней восхищает гостей Средиземного моря жемчужина!»).

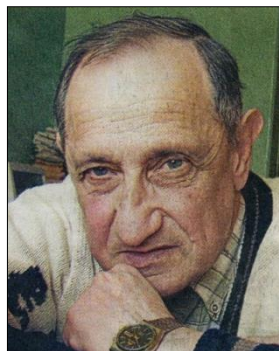
С восторгом слушателями были встречены песни «Нетанийское лето» (исп. Яков Белоцерковский), «Испепеляющий хамсин» (Валерий Штейнберг), «Лето Ближнего Востока» (Елена Дикер и Любовь Флягина), «Любимый хумус» и «Юные солдатики» (Аркадий Беднарчик), о дереве-красавце цеелоне (весной сплошь покрытым красными цветами), о Мёртвом море (Татьяна Двинская).

Торжественно и многозначительно прозвучала песня композитора Давида Блюма на стихи Михаэля Сандлера «Взметнулись крылья над Нетанией» – о Мемориале, посвящённом Красной Армии, сыгравшей решающую роль в победе над нацизмом. А затем прозвучали стихи о «Боевых друзьях», об Изе Пицкере, юмористические стихи из цикла «Бредут по дорогам *олим*ы», пародии на стихи известных нетанийских поэтов – Софии Бронштейн, Бориса Брусиловского, Светланы Киршнер и др. И, наконец, завершающая песня «Абсорбция, абсорбция – проблем большая порция».

Выступление доктора Сандлера представило лишь частицу его разнообразного творчества и, безусловно, позволяет надеяться на возможность дальнейших встреч с автором «Строк...»

Профессионал без профессии

Нонсенс, – подумает читатель, прочитав заголовок. Как сказать. Человек, о котором пойдёт речь в очерке, действительно не имел профессии, тогда как все, кому приходится с ним встречаться, убеждены, что Владислав Кац – досконально разбирается во многих сложных вещах. Его коллеги по дворцу культуры «Россия» поначалу удивлялись обилию и разнообразию посетителей, приходивших к Кацу. Ветераны войны, журналисты, работники музеев, военкоматов, офицеры и генералы, делегации из других городов и военных округов. Даже консул Федеративной республики Германии однажды счёл нужным заглянуть к нему, причём, не из праздного любопытства, а с просьбой о содействии.

Отдел краеведения и военной истории появился в ДК «Россия» вместе с Кацем.

Скорее всего, аналогов этому отделу в системе профсоюзных культучреждений страны не имелось. Отдел состоял из одного человека и громадного количества документов и информационного материала, в которых нуждались люди. Много лет Владислав восстанавливал сведения о военных формированиях на территории Саратовской области, об эвакогоспиталях, развёрнутых там в период войны, о воинских

захоронениях, об эвакуированных из других регионов военных училищах.

Собиратель, как правило, посвящает свою жизнь одной страсти, будь то живопись, филателия, нумизматика и так далее до бесконечности. Другое дело историк, журналист, исследователь. Взявшись за одну ниточку, он не упустит и другую, распутав один узелок, не оставит без внимания и другой. Ибо они – только часть узора жизни, чьих-то судеб, а в целом, истории страны.

Владислав Кац немало лет отдал исследованию военной истории XX века, судеб земляков, которые эту историю творили, создавали.

Компьютером его отдел не располагал. Вся информация хранилась на карточках, каждая из которых заполнялась от руки. Так, например, ему пришлось заполнить более пяти тысяч карточек на воинов, которые умерли в эвакогоспиталях от ран и болезней. Первая братская могила на Воскресенском кладбище появилась летом 1941 года. Крупный госпитальный центр в Саратове ещё только разворачивался, когда военно-санитарные поезда доставили сюда с фронта раненых воинов, а также тела тех, кто скончался в пути. С тех пор некогда заброшенный пустырь на северо-западной окраине кладбища стал последним приютом для тех, кто умер в госпиталях. Много лет спустя там соорудили мемориальный ансамбль.

Побывав однажды на Воскресенском кладбище, где в период с 1941 по 1947 годы хоронили воинов, Владислав обратил внимание на то, что многие

фамилии нанесены на могильные плиты с грубыми искажениями. Любопытная деталь. Мемориал существует десятки лет. И никто кроме Каца не разглядел столь позорного факта. Ни одна из газет, выходящих в Саратове, ни разу не заинтересовалась биографиями людей, которые были похоронены на центральном городском кладбище. Владислав сфотографировал те плиты, на которых можно было разобрать грузинские и армянские фамилии, после чего отправил фотоснимки в Тбилиси и Ереван. Исследователь надеялся, что после публикации снимков в местных молодёжных газетах, откликнутся родственники умерших воинов. Тогда можно будет узнать какие-то подробности о погибших воинах.

Воскресенское кладбище в Саратове

Вскоре пришли ответные письма. В них выражалась благодарность за память. Одновременно

из редакций сообщили, что «таких фамилий вообще не существует».

Первые попытки установить подлинные фамилии и получить дополнительную информацию не дали никаких результатов. Удалось лишь установить, что при создании Братского мемориала за основу были взяты списки умерших, находившиеся в похоронной конторе. Владислав связался с Ленинградским Военно-медицинским музеем. Там сконцентрированы документы всех эвакогоспиталей. Руководство музея готово было принять исследователей из Саратова, но без предоставления им гостиницы. К тому же требовалось финансирование для отправки людей в Ленинград. В конце концов Владиславу удалось отыскать группу энтузиастов и добиться необходимых средств. В итоге впервые, спустя 20 лет после открытия мемориала, были получены подлинные списки умерших в госпиталях воинов. Но то было лишь началом многолетней эпопеи. Вот как об этом вспоминает Владислав Кац:

«Мне приходилось не однажды выступать в печати, чтобы привлечь внимание общественности к состоянию братских захоронений в городе Саратове. Причём не только выступать, но и обивать пороги начальственных кабинетов в попытках добиться реконструкции заброшенных захоронений. Могу со всей ответственностью заявить, что государственным чиновникам, да и деятелям ветеранского движения забота о воинских могилах была, как принято выражаться, по барабану. Впрочем, не им одним.

В списках похороненных было немало татарских фамилий. Я по наивности решил обратиться к муфтию Саратовской области в надежде, что его возмутят факты искажения мусульманских фамилий. Ничего подобного. Реакция муфтия оказалась точно такой же, как и епископа, главы Саратовской епархии Русской православной церкви: дескать, да-да, надо бы, но...

Что касается руководства города и области, то оно, как некогда партийные лидеры, каждый год в День Победы выстраивалось у братских могил на Воскресенском кладбище. В праздники не до проблем. Традиционные речи и возложение цветов. И никому нет дела, что под некоторыми фамилиями, высеченными на гранитных плитах, а точнее, под диковинными абсурдными словосочетаниями, похоронены люди, которые этих имен никогда и не носили, не говоря уже о совершенной абракадабре, как например «Чесаньех, Вздои, Екишок, Нишибунга?» Кто, например, носил такую странную фамилию «Шфстобитов»? И до каких пор надругательство над покойниками будет продолжаться в столь изощрённой форме?

Позже до меня дошли известия, что деньги, которые планировалось направить на реконструкцию Братского мемориала, были потрачены на празднование 60-летия Победы, то есть – на банкеты, гуляния, изготовление памятных адресов, изготовление значков.

Просматривая списки, привезённые из архива, я обратил внимание на следующий факт: в числе

умерших на госпитальных койках попадались солдаты 1927 года рождения. Все они были родом из Волынской области. Каким образом они попали в саратовские эвакогоспитали? Когда освободили Волынь, им было по 17 лет. Мобилизации в армию они не подлежали. Так почему они оказались в саратовских госпиталях? Чем вызваны факты их массовой смерти? Как 150 хлопцев оказались в братской могиле?

Ответов на эти вопросы я не мог получить до тех пор, пока не отправил в Луцк, в редакцию выходящей там газеты «Советская Волынь», информацию относительно обнаруженного факта с просьбой откликнуться тех, кто был в курсе трагедии. Первым мне ответил Александр Багнюк, один из немногих оставшихся в живых хлопцев.

Оказывается, существовал секретный приказ, на основании которого местная военная администрация сразу же после освобождения Волыни провела мобилизацию в армию всех лиц мужского пола, начиная с семнадцатилетних. Сделано это было в целях «профилактики». На территории области действовали банды украинских националистов. И вот, чтобы лишить их возможности пополнять свои ряды за счёт местного населения, командование организовало мобилизацию юнцов.

Два эшелона с новобранцами отправили на Восток. На станции Татищево под Саратовом их разместили в лагерях. Вместо винтовок парни получили лопаты, кирки, ломы. Каждый день их гоняли копать траншеи.

Откуда было знать новобранцам о постановлении Государственного Комитета Оборона относительно строительства газопровода Саратов-Москва. Первый в стране магистральный газопровод, протяжённостью 747 километров должны были сдать в эксплуатацию в 1946 году. Траншеи под газовые трубы копали около пяти тысяч волинских пареньков и военнопленные немцы.

Стройка была беспощадной. Более 150 ребят не выдержали российских холодов. Их похоронили здесь, в братских могилах. Около 500 уже неизлечимо больных отправили назад – умирать на родине. Кормили плохо, а норму надо было выработать. Те, кто выжили, успели ещё и повоевать на Дальневосточном фронте.»

Здесь необходимо дополнить рассказанное Владиславом.

«По просьбе общественных организаций и ходатайству руководящих партийных и советских организаций города Москвы» сданному в эксплуатацию газопроводу Саратов — Москва было присвоено имя Сталина. Строительство велось силами строительных колонн ГУАС и заключенных ГУЛАГа. Эти факты общеизвестны. То, о чём узнал и написал Владислав Кац, оказалось открытием и для журналистов, и для историков.

Установив переписку с жившими на Волыни строителями газопровода, Владислав поставил об этом в известность руководство Саратовского ОАО Югтрансгаз. По предложению Каца и председателя

профкома управления Морозовой волынцы были признаны ветеранами ОАО.

С тех пор установлена связь между ними и Саратовом. Каждый год газовики принимают гостей с Волыни на высочайшем уровне, создают им условия для отдыха на Волге. В свою очередь и волынцы не раз приглашали к себе газовиков из Саратова. До отъезда в Израиль Владислав Кац также посещал своих новых друзей в Луцке.

Со временем в ДК «Россия» при отделе краеведения и военной истории был открыт музей. Владиславу и раньше хотелось, чтобы молодёжь получила возможность знать о героях войны, живущих по соседству, в заводском посёлке. Он также мечтал устроить под крышей Дворца культуры выставку образцов оружия Второй мировой войны. Коллекция постепенно пополнялась. За неимением места для экспозиции, противотанковую 45-мм пушку некоторое время держали за сценой театрального зала. Партком и профком завода, к которому относился дворец культуры, инициативу Каца не одобрили. Пришлось ему передать в дом офицеров и пушку, и пулемёты, и миномёты и много чего ещё.

Время от времени Владислав проводил экскурсии по музею для школьников и гостей. Однажды после очередной такой экскурсии, в ходе которой он рассказывал о трагедии воинов 63-го стрелкового корпуса летом 1941 года, к нему обратилась Нина Ивановна Куликова, работавшая уборщицей во Дворце. Она мыла пол в фойе и ей хорошо было

слышно всё, о чём Владислав рассказывал посетителям.

Куликова рассказала ему, что она также служила в 63-м корпусе, попала в окружение на территории Гомельской области. Тем не менее, райвоенкомат её не признаёт участницей Великой Отечественной войны, что отражается на её материальном положении. Получить справку из архива она не может, так как не помнит номер санитарного батальона, в котором она служила полвека назад.

Ситуация, казалось бы, безысходная. Но Владислав стал расспрашивать Куликову обо всём, что она помнит, попросил назвать фамилии врачей батальона. История 63-го корпуса, которым командовал генерал Петровский, Владиславу была знакома не понаслышке. Он долго собирал свидетельства о боевых действиях соединения, которое летом 1941 года освободило от немецких захватчиков города Жлобин и Рогачёв в Белоруссии. Все корпусные части перед войной дислоцировались в Саратове и области, а пополнялись из числа местных жителей.

Через месяц после описанного эпизода Нина Ивановна Куликова делилась с работниками Дворца культуры своей радостью – она получила удостоверение участника Великой Отечественной войны.

Как же удалось «человеку без профессии» добиться того, что было не под силу сотрудникам военкомата? Об этом я попросил рассказать Владислава Каца.

«Случай действительно удивительный. И я, наверное, не сумел бы помочь Нине Ивановне, если бы ещё в начале 70-х годов не познакомился с участниками обороны Брестской крепости. Их было в Саратове четверо, причём, все - офицеры, все были в плену. Один из них, капитан Нерезов, оказался в одном из концлагерей в Норвегии. По его утверждению, в лагере действовала подпольная группа. Её руководителем был саратовец, врач Николай Садовников. Он выжил, вернулся после войны в Союз.

Меня очень заинтересовало это сообщение. Но, к сожалению, Михаил Степанович не знал, в каком городе поселился Садовников. Он посоветовал мне написать в Каменск-Уральский, где живёт Соскин, помощник Садовникова по руководству подпольной группой. Он должен знать адрес доктора.

В конце концов доктора Садовникова удалось разыскать в городе Джизак, в Туркмении. Он работал там хирургом высшей категории. Завязалась переписка. Николай Васильевич писал, что тоскует по Волге, по родным местам.

Как ему помочь? Я записался на приём к начальнику областного управления здравоохранения. Рассказал ему о Садовникове. Признаюсь, не очень надеялся на положительный ответ. К моему удивлению начальник сказал, что обязательно подберёт Садовникову подходящую работу и условия.

В итоге доктор Садовников переехал в один из замечательных городов на Волге – Хвалынский. Стал там главным хирургом городской больницы.

Так вот, когда я попросил Куликову назвать, кого она помнит из медсанбата, то в числе других она назвала Садовникова, уточнив при этом, что он прибыл в часть после окончания Саратовского мединститута.

Остальное уже было просто. Поскольку Садовников был офицером, то в облвоенкомате мне помогли найти его личное дело, из которого я выписал номер медсанбата. Далее – письмо в архив Минобороны, оттуда в ответ прислали справку, подтверждающую участие Н.И. Куликовой в действующей армии».

Случай с Куликовой не единичный. При содействии Владислава многие бывшие фронтовики получили боевые награды. Он же организовал и мероприятия по их торжественному вручению на сцене Дворца культуры.

Небезынтересно отметить одну важную деталь. Всё, чем интересуется Владислав, все исследования так или иначе между собой взаимосвязаны. Взять историю того же 63-го стрелкового корпуса. Родственники умершего офицера А.Я. Дзяковича предоставили возможность исследователю ознакомиться с дневником, который Анатолий Яковлевич вёл в партизанском отряде, куда он попал, вырвавшись из окружения. На одной из страниц внимание Владислава привлекло сообщение о похоронах погибшего в бою лётчика штурмовой авиации Виктора Воловикова. К партизанам лётчик попал благодаря парашюту, с которым он выпрыгнул из горящего самолёта.

Владислав решил проверить какими сведениями о Воловикове располагает главное управление кадров Минобороны. Сделал запрос. Оказалось, что капитан Воловиков числится пропавшим без вести. Ещё некоторое время исследователь потратил на поиски боевых товарищей и жены лётчика. Завершилась же поисковая операция торжественным открытием памятника на могиле Виктора Воловикова в деревне Борщёвка на Гомельщине. На церемонии присутствовали местные жители, жена лётчика Валентина и ветераны 59-го гвардейского штурмового авиаполка.

В мае 2004 года Владислав Кац стал героем очерка «Чтобы помнили». Московская газета «Русский Курьер» познакомила своих читателей с человеком из Саратова. Журналист С. Казовский писал, что по представлению В.И. Каца в Саратове установлены мемориальные доски на зданиях, в которых действовали эвакогоспитали и на домах, где жили Герои Советского Союза П.М. Фурс, В.Ф. Стенин, С.И. Сафронов, В.Ф. Яковлев, на предприятиях, на которых работали Дважды Герой Советского Союза С.А. Ковпак и Герой Советского Союза А.Ф. Плеханов.

Многолетние поиски сведений о лётчиках, улетавших в действующую армию на полученных в Саратове самолётах, завершились открытием мемориальной доски на здании, в котором когда-то находился штаб 3-й Краснознамённой запасной истребительной авиабригады.

Поразительное явление. В крупном областном центре, где полным-полно учреждений вроде Общества по охране памятников, Управления культуры, Совета ветеранов войны и труда, где, в конце концов, есть облвоенкомат, несколько высших военных учебных заведений и государственный университет, где действуют Союзы офицеров запаса, об открытии мемориальных досок в память о героях Великой Отечественной войны хлопочут не они, а работник Дворца культуры. Не депутат, не советник губернатора. Ведь, положа руку на сердце, надо признать: если мужчина работает в клубе или Дворце культуры, то серьёзной такую работу мало кто считает. Ни хороших заработков, ни высокого положения в обществе такая работа не даёт. Так какой смысл бегать в этот Дворец, торчать там целыми днями и по вечерам, да ещё и в выходные дни?

Если охарактеризовать одним словом всё, чем занимается Владислав Кац, то наиболее точным будет выражение «хлопочет». Каждая мемориальная доска стоила немалых усилий и становилась поражением бюрократии, которая любит поговорить о том, что «никто не забыт», но пальцем о палец не ударит, чтобы реализовать эти прекрасные слова.

Из-за этого Владиславу удалось решить не всё, что было задумано. Чиновники остались равнодушны ко многим найденным им документам и фактам. Даже справка о том, что в Саратове начиналась военная служба дважды Героя Советского Союза генерала А. Родимцева не вдохновила их на то, чтобы увековечить память о герое Сталинградских боёв.

То же самое произошло и с предложением Каца установить мемориальную доску на здании, в котором жил великий писатель Михаил Булгаков. Между прочим, исследователю удалось выяснить, что Булгаков некоторое время участвовал в оказании медицинской помощи раненым, жертвам первой мировой войны. Очерк Владислава Каца «Лазарет в Казённой палате» явился открытием для саратовцев и вошёл в сборник «Годы и люди».

Саратовских чиновников не вдохновило также предложение Каца отметить мемориальной доской дом, в котором учился Кирюша Симонов, будущий выдающийся поэт, писатель и общественный деятель. Между тем Владислав опубликовал в местной печати серию материалов, из которых читатели впервые узнали о пребывании Симонова в Саратове. Кроме того исследователь обнаружил в числе героев фронтовых очерков Симонова бывших жителей Саратовской области. Позже материал о Симонове и его героях был опубликован в очередном выпуске сборника «Годы и люди».

Кому-то может показаться непонятным многообразие интересов Владислава, разнообразие тем его исследований и очерков. Сам Владислав считает, что всё понятно и взаимосвязано:

«Никогда, например, не думал писать о космонавтах. Лучшие журналисты страны создали о них сотни очерков и книг. Я стараюсь изучать только то, о чём, в силу разных причин, люди не знают. И вот, заболел-таки «космической лихорадкой». Расскажу как всё произошло.

В 1962 году я вернулся в Саратов, отслужив три года в ВДВ. С тех пор на всю оставшуюся жизнь равнодушен к ВДВ и к десантникам. Начал разыскивать в Саратове участников воздушно-десантных операций. Установил переписку с бывшими десантниками: кинорежиссёром Григорием Чухраем, писателями Виктором Тельпуговым и Борисом Васильевым.

Приехал как-то в Энгельс, к Михаилу Ильичу Максимова. Он в составе 4-го ВДК участвовал в Вяземской десантной операции. Посидели, как водится, поговорили о службе, об однополчанах Максимова. Затем он говорит мне: «А ты знаешь, что сидишь за историческим столом?».

Я начал было разглядывать обычный стол в его маленькой квартире. А он смеётся: «За этим столом сидели все космонавты». Увидев недоумение на моём лице, Ильич достаёт тяжёлый альбом собственного изготовления и принимается его листать. На каждой странице по два фотоснимка. Объектив зафиксировал тренировки в парашютном городке. Причём, тренажёры прямо-таки убогие. А вот лица парашютистов с другими не спутаешь – Гагарин, Титов, Попович, Леонов. В общем, весь первый отряд космонавтов.

Тогда я впервые узнал от Максимова, что весной 1960 года в обстановке глубокой секретности будущие космонавты осваивали в Энгельсе парашютную науку. Одним из тренеров у них был Максимов. Он служил в НИИ ВВС имени Чкалова. По вечерам все собирались в его квартире.

Фотографировать подопечных было запрещено, но Максимов для истории отщёлкнул 10 катушек плёнки.

Тогда-то и я заболел космонавтикой. Несколько лет собирал редкие фотоснимки, документы, факты.

Первый отряд космонавтов

Всё, что писал, было напечатано в газетах «Советская Культура», «Красная Звезда», «Труд», в журналах «Огонёк», «Советии Геймланд». В издательствах «Известия» и «Советская Россия» вышли два «космических» сборника с моим участием. В конце концов написал документальную повесть «Именно с Саратовом». Получил на неё хорошие отзывы от Ярослава Голованова и лётчика-космонавта, дважды Героя Советского Союза Г. Берегового.

Другой космонавт, также дважды Герой, Николай Рукавишников, привлёк меня к участию в

работе Федерации Космонавтики, членом президиума которой я был до 2002 года.

Так в музее появился новый самостоятельный раздел, посвящённый космонавтике. А начинался музей с экспонатов, рассказывающих о Воздушно-десантных войсках. Признаюсь, я редко когда пройду мимо человека, если у него на груди знак «Ветеран ВДВ». Так удалось расширить круг знакомств с бывшими десантниками.

Почти во всех книгах, посвящённых применению воздушных десантов в Великой Отечественной войне, упоминался командир батальона Андрей Кобец.

О послевоенной судьбе комбата сведения отсутствовали. Однажды я увидел на ступенях нашего Дворца культуры невысокого пожилого человека. Моё внимание он привлёк орденскими планками. Рядом с ленточкой ордена Ленина – ленточка ордена Суворова. Я буквально рот разинул. Подошёл к нему и спрашиваю: «Папаша, вы на войне полком командовали?». Он говорит, мол, да, командовал и полком. Ну, разговорились. Выяснилось, что он и есть тот самый Андрей Кобец. К тому же живёт он в Саратове и работает слесарем на том самом заводе, к которому относится наш Дворец культуры.

Развивая дальше десантную тему, установил, что несколько воздушно-десантных бригад формировались в саратовском Заволжье. Неподальку от Саратова находилась единственная в стране планерная школа ВДВ. Интереснейшие люди, по сути, забытые, сразу же потянулись в наш Дворец

культуры после моих выступлений в печати и на телевидении. Совет ветеранов ВДВ с тех пор располагался в моём служебном кабинете. Коллектив Дворца культуры взял шефство над личным составом 76-й гвардейской Черниговской Краснознамённой дивизии. Не раз ездили в гости к десантникам в Псков. И с концертами, и с подарками. Довелось мне попасть на приём и к знаменитому человеку, командовавшему ВДВ, генерал-полковнику В.Т. Маргелову. Между прочим, аббревиатуру ВДВ десантники читали следующим образом: «Войска Дяди Васи».

Всё, чем занимался Владислав Кац на протяжении почти трёх десятилетий, стало возможным благодаря многолетней и постоянной поддержке со стороны его самого верного помощника, друга, жены Галины. Заслуженный работник культуры РСФСР Галина Кац работала директором Дворца культуры «Россия». Являясь одним из крупнейших в стране специалистов в области культурно-массовой работы, она, как никто другой, понимала важность того, чем занимается её супруг. И каждый раз, когда требовалось направить концертную группу в подшефную воинскую часть, она находила для этого средства и возможности. На кораблях Черноморского флота, в погранотрядах, у воинов Приволжско-Уральского Военного Округа – где только ни побывали артисты из ДК «Россия» с шефскими концертами. Галина и Владислав знали, как дороги для солдат и матросов эти минуты встречи с песней, музыкой и танцами. И не только для них. «Россияне» постоянно выступали с концертами на

встречах ветеранов войны, а ветераны Службы Внешней Разведки пригласили их к себе на 80-летие Службы. Вёл тот концерт, конечно же, Владислав Кац.

Владислав Кац и его верный помощник – жена
Галина

Знакомство с разведчиками имело давние связи. Вот что Владислав рассказал о них.

«Третий раздел нашего музея, в котором представлены материалы, раскрывающие связи с Саратовской областью корифеев ГРУ и Внешней разведки, вообще по-своему уникален. Я раньше представить не мог, что мне удастся увидеть живого разведчика. И вот увидел, да не одного. Первым оказался генерал М.И Иванов. Когда-то он был связным у Рихарда Зорге. Я же на связь с Ивановым вышел следующим образом.

Перед театром оперы и балета в Саратове находился небольшой сквер. На его территории комсомольцы организовали пост № 1 у Вечного Огня рядом с памятником Борцам революции 1905 года. По графику на посту несли службу учащиеся всех городских школ. Я решил взять шефство над этим постом. Каждую субботу приезжал к памятнику и свободным от дежурства ребятам рассказывал о героях-земляках. Тема неисчерпаемая – одних только Героев Советского Союза, в разные годы живших на саратовской земле, по моему учёту значилось более трёхсот человек.

В очередную субботу спешу на пост. От дома, где я жил, добраться туда городским транспортом можно было минут за сорок. Меня встречает начальник штаба. Была такая штатная должность. Занимала её какая-то женщина. Вижу по лицу – она растерянна. Говорит, что позвонили из горкома партии. Через несколько минут на пост придёт гость из Москвы, генерал. Нужно организовать для него аудиторию.

Генерал Иванов рассказал ребятам о Рихарде Зорге и радисте Клаузене. После встречи я проводил его до гостиницы. Потом написал ему письмо. Он мне ответил. Так и было положено начало новой теме. Капитально я занялся ею после знакомства с другим генералом разведки, Ю.И. Дроздовым.

Когда началась война, Дроздов был курсантом 1-го Ленинградского артиллерийского училища. Его вскоре эвакуировали в город Энгельс. Военными училищами я также интересовался. В Саратовском

пехотном, к примеру, учился Василь Быков. На мой взгляд, писателей, равных ему, нет среди тех, кто писал о войне. Так вот, дошли мои руки и до 1-го ЛАУ. Выясняется, что в Москве живёт бывший курсант Дроздов. Во время очередной поездки в Москву на пленум Федерации Космонавтики, я с ним встретился. Оказалось, что бывший артиллерист Дроздов хорошо знал легендарного разведчика Абеля-Фишера. И не одного его, так как генерал Дроздов, до ухода в запас, возглавлял всю нелегальную разведку ПГУ КГБ СССР, был организатором и участником многих исторических операций. Лично руководил штурмом дворца Амина в Кабуле.

Следствием встреч с разведчиками и явилась книга очерков «Над пропастью всю жизнь».

Герои всех очерков, вошедших в книгу, так или иначе были связаны с Саратовской областью. В том числе и Вильям Фишер. В музее и сейчас представлены копии документов, подтверждающих это.

Дворец «Россия» получил известность как центр военно-патриотического воспитания молодёжи и как центр поддержки ветеранов. Видимо поэтому потянулись сюда из других районов города и области ликвидаторы-чернобыльцы, а позже и бывшие воины-афганцы. В небольшом служебном кабинете у Владислава Каца обсуждались вопросы оказания социальной помощи раненым и облучённым. Это было в те годы, когда ещё не были приняты соответствующие законы.

И первый на территории области обелиск в память о саратовцах, погибших в Афганистане,

установили без чьей-либо помощи, в двадцати метрах от Дворца культуры.

Выступления Владислава на страницах газет – статья особая. Наряду с очерками о прошлом, о героях войны и судьбах простых солдат, он писал статьи, в которых разоблачал разного рода прихвостней, обласканных губернатором и мэром. Так один из них, бывший полковник, выдавал себя за сына полка. Владислав разоблачил его. Другой, кстати также в полковничьем звании, трубил повсюду, что состоял в первом отряде космонавтов. И его на чистую воду вывел Владислав, да ещё фельетон написал.

Однажды в больницу для инвалидов войны обратился человек с Золотой Звездой Героя Советского Союза. Для него выделили палату-люкс, создали комфортные условия, о чём с гордостью писалось в областной газете. Владислав без труда определил, что звезда – фальшивая и «Герой» тот обыкновенный прохиндей.

Приехав в Израиль, Владислав Кац остался верен своим устремлениям. И здесь беспокойное сердце подвижника не позволяет ему оставаться не у дел. Он продолжает исследовательскую работу, публикует очерки теперь уже в израильских газетах, общается с ветеранами, выступает с лекциями. Каждая его публикация, каждое выступление поражают глубиной раскрытия темы, её значимостью и актуальностью, достоверностью изложенных фактов, филигранностью речи, глубокой эрудицией автора.

Так, например, в одном из своих первых публицистических выступлений в Израиле «Люди

высокого долга?» (газета «Вести») он убедительно развенчивает лицемерную позицию Кремля по отношению к молодому еврейскому государству, подлые козни и происки его недругов против нашего многострадального народа.

Таков он, профессионал без профессии, исследователь и следопыт высочайшего класса, непревзойдённый асс журналистики, Человек высокого долга и верный друг.

Если бы такими подвижниками была хотя бы часть израильских профессионалов, то наше Государство уже достигло бы в своём развитии заоблачных высот. Думаю, что с этим трудно не согласиться.

И у Галины хватает забот. Как-никак, в Нетании у них два сына, четверо внучат. Младший появился на свет в августе 2016 года.

Песни, зовущие на подвиг

Недавняя публикация в еженедельнике «Время новостей» «Израиль, мы с тобой» о митинге в поддержку нашей страны в одной из школ российского города Самары вызвала у меня глубокие раздумья.

На нём эмоционально звучали в исполнении старшеклассников стихи, иронически высмеивающие антиизраильскую позицию ООН и некоторых европейских правительств, демонстрировались видеосюжеты израильских новостей и репортажей с митингов в поддержку израильтян, борющихся против арабского террора, во многих странах мира.

«Набатом, зовущим на бой с террором, – говорится в публикации, – стала песня израильского композитора и поэта, певца еврейского героизма, автора многих песен, прославляющих воинскую доблесть евреев, Давида Блюма «Террору – бой!».

Подобные публикации не редкость в средствах массовой информации и других стран.

Считаю своим долгом познакомить массового читателя с этим замечательным человеком, самозабвенно воспевающим героизм наших соплеменников, славную многовековую историю своего народа, страстно призывающим к борьбе с террором.

Давид Блюм родом из Молдавии. Его деды Давид и Исаак в начале прошлого века побывали как волонтеры-

халущим в подмандатной Палестине и обрабатывали первые клочки земли, выкупленные у арабов еврейским патриотом бароном Ротшильдом. Они и мать заложили прочные основы еврейского самосознания ребёнка.

Закончив специальную музыкальную школу, а затем Кишинёвскую государственную консерваторию, Давид работал преподавателем в музыкальных школах и в музыкально-педагогическом училище. Был артистом эстрадного оркестра Молдавской филармонии и одновременно начал сочинять музыку.

В 1974 году Давид Блюм становится лауреатом республиканского телевизионного конкурса, посвящённого 600-летию Кишинёва. Его песня «Город моей мечты» получила 2-ю премию. Вскоре она прозвучала в Москве на Центральном Телевидении в передаче «Голубой огонёк».

В 1990 году вместе с семьёй Давид Блюм репатриировался в Израиль. Поселился в городе Нетания и начал вести большую общественную и творческую работу.

Творческая деятельность Давида Блюма отмечена званиями Лауреата Всеизраильского конкурса «Шир олим» (2000 год), Дипломанта Первого международного конкурса-фестиваля еврейской песни «Золотая ханукия» (Берлин, 2003 год) и дважды – Лауреата конкурса на лучшее историко-литературное произведение о воинском подвиге в годы Второй мировой войны, а также юбилейными медалями Израиля и Российской Федерации.

Председатель Союза воинов и партизан-инвалидов войны с нацистами генерал Роман Ягель отметил, что *«главная ценность песен Давида Блюма заключается в их благотворном влиянии на молодёжь».*

«Песни Давида Блюма учат любить нашу Родину!» - добавил Р. Ягель.

Творчество и исполнительская деятельность Давида Блюма получила высокую оценку во многих странах, в частности – в еврейских общинах Канады, России, Молдовы и на просторах бывшего Советского Союза. А американский журнал «Ветеран» посвятил автору и талантливому исполнителю страницу.

«Ветераны в своей оценке творчества поэта и композитора, – говорится в ней, – солидарны с российским историком-искусствоведом Владимиром Куропатовым, что песни Давида Блюма пробуждают гордость за свой народ, народ Торы, народ-труженик, народ большого мужества».

В полученном Давидом недавно сообщении из Белоруссии сказано, что там, в городе Гродно, состоялась презентация его книги и решается вопрос о её тиражировании.

Давид Блюм первым в Израиле из деятелей искусства был награждён российской медалью «65 лет Победы», и он её, как и израильские юбилейные медали,

вполне заслужил, так как его музыкально-литературное творчество и исполнительское мастерство не только воспевают героизм и славу еврейского народа, но и способствуют патриотическому воспитанию граждан нашей страны, что в значительной мере способствует её обороноспособности.

Особую значимость в связи с усилением активности арабских экстремистов и разгулом исламского фанатизма во всём мире получила подготовленная Давидом Блюмом в рамках патриотического проекта «Еврейский бал» специальная музыкальная программа «Террору – бой!».

Свою творческую деятельность Давид Блюм (кстати, отметивший недавно свой 75-летний юбилей) рассматривает как героико-патриотический проект «История еврейского народа в песне».

«Ещё древние греки называли песни самым мощным оружием, потому что они своим ритмом и гармонией проникают в самые сокровенные глубины человеческой души.

Полная драматизма героическая история еврейского народа находит своё отражение в литературе и искусстве – духовных источниках великого народа. Вместе с тем она долгие годы оставалась недостижимой для многих евреев диаспоры в силу проводимой правительствами этих стран антисемитской политики, направленной на искоренение из памяти народа его славного героического прошлого.

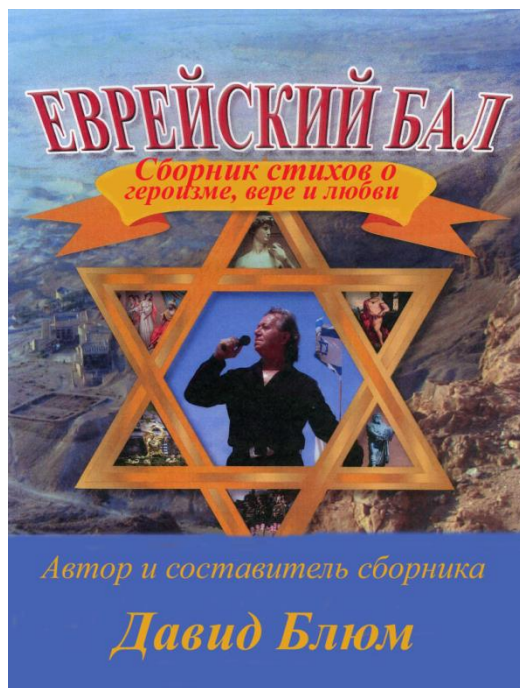
Мой проект, – говорит его автор, – это история еврейского народа в песне, это знаменательные даты и великие имена, переложенные на музыку, это более 50 песен, записанные на 8-и дисках.

Цель проекта – поднятие духа и гордости за свой народ, за его уникальную, неповторимую многовековую историю.

В проекте раскрывается тема героизма, мужества и славы еврейского народа, переложенная на песню, тема, которой посвящена вся моя жизнь.

Ничто не заменит песню, как инструмент объединения и духовного подъёма. Воспевая героическое прошлое и настоящее еврейского народа, мы способствуем объединению и солидарности евреев всего мира в это трудное для нас время».

Выполнить поставленную перед собой благородную цель Давиду Блюму удалось с огромным успехом. В канун 65-летнего юбилея Великой Победы под эгидой Министерства абсорбции и муниципалитета города Нетании Давид Блюм издал посвящённый этой знаменательной дате сборник стихов о героизме, вере и любви «Еврейский бал».

Эта книга, являющаяся результатом 20-летнего подвижнического труда выдающегося певца героизма и славы еврейского народа, состоит из 81 стихотворения (текстов песен) о многовековой, многострадальной, но, в то же время, героической судьбе нашего народа, абсолютное большинство из которых положены на музыку и регулярно с огромным успехом исполняются автором на многочисленных концертах, фестивалях, торжественных заседаниях и разнообразных встречах.

Нельзя не отметить и то, что эту замечательную книгу предваряют высокие оценки и слова искренней благодарности её автору министра абсорбции Софы Ландвер и мэра города Нетания Мирьям Файерберг-Икар.

И это вполне закономерно. Ведь «Еврейский бал» – это сборник стихов проекта «История еврейского народа в песне», книга-шедевр, рассказывающая читателю великую историю евреев и наглядно демонстрирующая сказанное мастерски подобранными иллюстрациями.

К тому же книга укомплектована двумя музыкальными аудиодисками на русском языке и на иврите с мелодиями героизма, веры и любви, что даёт возможность сразу услышать прочитанное и увиденное в талантливом исполнении автора.

Вряд ли кому из нас до этого встречался подобный творческий конгломерат!

Изданная Давидом Блюмом к 70-летию Великой Победы над нацизмом дополненная и переработанная книга стихов и песен о героизме, вере и любви «Еврейский бал» заслужила высокую оценку читателей и общественности. Став результатом 25-летнего подвижнического труда, она включает в себя 123 стихотворения о многовековой славной истории нашего народа. Многие из них положены автором на музыку и с

большим успехом исполняются им во многих городах Израиля на различных многолюдных встречах, концертах и фестивалях.

Я не меломан. Однако о творчестве и исполнительском мастерстве Давида Блюма был наслышан чуть ли не с первых дней репатриации на нашу историческую родину.

Доводилось слышать его в передачах радиостанции РЭКА, видеть его выступления на телеэкране, с истинным наслаждением слушать его содержательные, героико-исторические песни на концертах в Нетании и других городах страны.

Но в полной мере величие этого певца героизма и славы еврейского народа я познал, когда во время празднования 60-летия Великой Победы во Второй мировой войне в Хайфском дворце Конгрессов, увешанные множеством фронтовых наград, евреи-ветераны внесли боевые знамена всех армий стран антигитлеровской коалиции и Государства Израиль под звуки героического марша Давида Блюма «И встал солдат...».

Встав в едином порыве, многотысячный зал затаил дыхание, вспоминая не только о своей грозовой молодости, прожитом и пережитом за долгую жизнь; о кровавых боях и боевых товарищах, навечно оставшихся лежать в братских могилах на полях сражений; о родных и близких, сгоревших в огненном смерче Холокоста; но и о древней истории нашего многострадального, весь мир терпением удивившего, народа.

У многих блеснули на глазах и катились по щекам слёзы. Уверен, что в тот момент не только у меня подступил комок к горлу.

Выступление Давида Блюма на фестивале «Фронтовики, наденьте ордена» в Хайфе, 2007 год

Считаю (и ничуть не сомневаюсь), что это не только моё личное мнение, а что так же думают и все, кто знаком с творчеством этого выдающегося поэта, композитора, певца, общественного деятеля, истинного патриота страны, что Давид Блюм, как никто другой в Нетании, заслуживает звания «Почётный гражданин города». Решение этого вопроса, как и выдвижение его проекта на государственную премию ко всему прочему, будет наглядным, убедительным свидетельством отношения муниципалитета к русскоязычной алии и её культуре

Творчество Давида Блюма – мощное оружие в борьбе с терроризмом и антисемитизмом в мире. Его голос должен звучать в полную силу на всей планете. Ведь он ещё знаменосец и трубач в стране пламенных борцов за счастливое будущее нашего многострадального народа.

Хочется надеяться, что обращение Института интеграции и профессиональной адаптации учёных к руководителям еврейских организаций и общин, а также Сохнута с просьбой «рассмотреть возможность организации выступлений композитора и певца Давида Блюма, творчество которого направлено на объединение и солидарность евреев Израиля и всего мира, и оказать содействие в реализации музыкального проекта **«Террору – бой!»**, а также в тиражировании его книги **«Еврейский бал»** не останется «гласом вопиющего в пустыне», а получит действенную поддержку.

Жизнь полна чудес

Так озаглавил свои воспоминания герой этого повествования, и одним из таких чудес явилось моё знакомство с этим неординарным человеком.

Ещё со школьной скамьи я как юный корреспондент активно сотрудничал со средствами массовой информации, а накануне репатриации издал широко известную книгу о Холокосте «Забвению не подлежит». И на своей исторической Родине я продолжил журналистскую и литературную деятельность.

Подготовив со своим соавтором Иосифом Рейтманом (да будет благословенна его память!) материалы для очередной книги («Судьбы и думы “русских” израильтян»), я обратился за помощью о финансировании её издания к одному из наших соплеменников-олигархов. Он, рвущийся в то время в мэры «града столичного», источал вокруг себя беспрецедентную благотворительность, и мы не сомневались в поддержке им нашего богоугодного дела.

Однако через несколько дней из адресованного мне конверта я извлёк вместо чека лишь «мудрый» совет: «Молитесь, молитесь, молитесь утром, днём и вечером, и Б-г вам поможет!». (Кстати, этим советом он, очевидно, пользуется теперь сам, находясь за свои

«благодаяния» на длительном «отдыхе» в одной из заграничных «каталажек».

При повторном прочтении ответа олигарха, я обнаружил, что адресовано оно вообще-то не мне, а некоему Аркадию Пугачу. И тогда из «углов памяти» всплыло, что эта фамилия стоит под полученным мной приглашением посетить место гибели моего отца и мемориал воинам-освободителям, на котором высечена его фамилия, в Комаринском (ныне Брагинский) районе Полесской (ныне Гомельская) области Белоруссии.

Познакомившись с адресатом письма, передав ему послание «Благодетеля» и выяснив, что он выходец из той местности, где покоится «у незнакомого посёлка, на безымянной высоте» мой отец, я показал своему новому знакомому приглашение из Белоруссии. Глянув на подпись под ним, он воскликнул: «Так это же прислал его Вам мой брат!».

Воистину, мир тесен, пути Господни неисповедимы и жизнь полна чудес. А зажимистый олигарх, сам не ведая того, всё же помог нам в издании книги «Судьбы и думы “русских” израильтян»: мой новый знакомый Аркадий (Авраам) Пугач оплатил типографские расходы.

Так станет ли кто-нибудь отрицать, что эта удивительная история не что иное, как настоящее чудо?

Надеюсь, что читатели с большим интересом ознакомятся с воспоминаниями Аркадия Пугача и воспримут их как встречу с интереснейшим

Человеком, названного в упоминаемой книге «Пламенным борцом за права человека».

На этом передаю ему слово.

«Начну свой рассказ несколько издалека, вернусь ко временам первого строительства микве в Душанбе, историю которой так живописно рассказал Бецалель Шиф в статье «Университеты семьи Мулакандовых».

Итак, я появился на свет 7 октября 1948 года. Как я любил писать в автобиографии, родился в семье офицера. Мой отец, Исаак Ирмович Пугач, был кадровым офицером Красной армии и первым принял бой с гитлеровцами на границе с Румынией. От отдельного батальона войск НКВД численностью 600 штыков в живых осталось несколько десятков красноармейцев, которых отец вывел из окружения. Помнится один из рассказов моего отца, который я передаю своими словами:

В 1942 году Красная армия попала в окружение под Харьковом, последними защитниками города были красноармейцы подразделения, которым командовал мой отец.. Горел город, отец собрал оставшихся в живых солдат, погрузил их на 50 грузовиков и стал выводить из горящего города, надо было прорвать окружение. В это время выскакивает советский полковник с солдатом-автоматчиком, и тот стреляет прямо по головной машине. Отец выпрыгнул из машины и докладывает: «Товарищ полковник, вы стреляете по своим!». Полковник начал кричать: «Какие вы свои? Вы – мародёры, вы увели мою машину! Оказалось, что в конце колонны один из солдат увидел брошенную легковую машину «Опель-

капитан», сел за руль и поехал сзади колонны грузовиков, наполненных красноармейцами. Отец машину с солдатом не видел, так как ехал во главе колонны. Военное время, трибунал на месте, приговор – расстрелять. Отец сказал: «Товарищ полковник, если мы его расстреляем в городе, то оставшиеся

жители скажут, что советские своих же советских расстреливают. Давайте я выведу красноармейцев в степь, и там приведём приговор в исполнение». – «Капитан Пугач, действуйте!» - отдал команду полковник и укатил на своём «Опеле». Отец вывел подразделение в степь, выстроил всех солдат, зачитал приговор трибунала, порвал его перед всеми солдатами и отдал приказ:

«Рядовой Кузнецов, встать в строй!». Рядовой Кузнецов закончил войну в Берлине и всю жизнь писал отцу благодарственные письма за спасённую ему жизнь. Написано, что спасший одну жизнь спасает целый мир.

Ещё один рассказ запомнился мне. Отец находился на перроне вокзала в Минеральных Водах. С вокзала уходил последний эшелон с беженцами. Из одного заполненного вагона выбросили старого еврея и ещё смеялись, бедный старый еврей плакал: он знал,

что гитлеровцы его убьют. Тогда отец выстрелил из револьвера вверх, негодяи отскочили в вагон теплушки, отец схватил еврея и втолкнул его внутрь, закрыл дверь и приказал машинисту трогать – и ещё один мир был спасён.

Секретное обрезание в Советской армии

После моего рождения над полковником Исааком Пугачем состоялся суд офицерской чести, поводом для вынесения приговора стал обряд обрезания, который произвели мне в воинской части. Брит-мила была проведена мозлем, доставленным за сто километров – из Свердловска, процедура проходила тайно, за закрытыми дверями и окнами. Потом пришли жёны офицеров поздравить мою маму Брониславу Абрамовну Пугач, урождённую Сару-Блюму Шехтман, с рождением сына Авраама, названного в честь дедушки меламеда Авраама, расстрелянного гитлеровскими ублюдками вместе с бабушкой Идой и пятилетним моим братом Ирмой. Из рассказа соседа-белоруса уже после войны: «Была запряжена повозка лошадьми, и, кажется, можно было бежать, но ваш отец, Блюма, реб Авраам сказал: «Я субботу портить не буду, в субботу не поеду». И ещё он сказал: «От Бога не спрячешься».

И вот эти незваные гости, пока мама возилась на кухне, распеленали меня и обнаружили у меня святой знак брит-милы. Был донос в МГБ. В дальнейшем отца вызвали в Москву, в Главный военный трибунал. Он приехал, пришёл в трибунал. По ходу заседания в

трибунале объявили перерыв. Во время перерыва подошёл к полковнику Пугачу один из чинов КГБ. Он взял отца под руку, отвёл подальше от президиума и сказал: «Исаак, ты меня не знаешь, а я твой двоюродный брат, тоже Пугач. Я ещё был у тебя на обрезании, твоя мама угощала меня сладостями. Так вот, у тебя есть 15 минут. Не надо тебе здесь быть, тут серьёзные дела начинаются, может быть про твоё и забудут. Возвращайся тихо в свою воинскую часть в Челябинск, а я вопрос с твоим вызовом замну. Поторпись».

Родители Аркадия Пугача

Мой отец был умный человек, он понял, что он ничего не докажет в свою пользу, взял чемодан и уехал. Ещё год послужил начальником штаба. Все офицерские жёны просили извинения у моей матери за

донос, оправдываясь, что они как коммунисты должны были донести. Видать боялись, что полковник Пугач припомнит их мужьям.

Но мой отец уже больше не хотел служить Советской власти. Отслужил 23 года в Красной армии, прошёл всю войну, награждён орденами и медалями, он никогда не забывал, чему его учили в йешиве, в которой он провёл все свои юные годы. И когда Никита Сергеевич Хрущёв лично предложил ему восстановиться в коммунистической партии, он сказал «нет».

Прошло много лет, я пошёл по стопам отца – окончил юридический факультет ТГУ имени Ленина, по приказу Генерального прокурора СССР Р. Руденко был назначен прокурором-криминалистом прокуратуры Таджикской ССР, потом призвали в армию, где я служил старшим военным следователем в военной прокуратуре Среднеазиатского военного округа (САВО).

Однажды я был с прокурорской проверкой в одной из частей, базирующейся на территории округа, и увидел, как офицер, старший лейтенант Крупинский, издевается над солдатами, двумя бухарскими евреями. Он кричал: «А вы, жида, нашего бога замучили, вот я вам покажу! Три тонны угля за ночь загрузите в топильный котёл!». Казахстан, зима, минус 30. Я

скомандовал: «Старший лейтенант Крупинский, ко мне!» – приказал ему снять ремень, сдать оружие и объявил ему трое суток ареста на гауптвахте. А солдат забрал с собой в штаб. На следующий день возбудил уголовное дело против офицера Крупинского за издевательство над солдатами. Ещё через день ко мне приехал командир полка полковник Золотарёв и просил меня: «Аркадий Исаакович, закройте, пожалуйста, уголовное дело на моего офицера, а то нас лишат из-за него Красного Знамени передовой воинской части». В ответ я сказал, что закрою дело в обмен на двух солдат, которые будут нести службу при мне в военной прокуратуре. Так капитан юстиции Пугач с полковником Золотарёвым пришли к компромиссному решению: он забрал из тюрьмы своего офицера, а я забрал к себе на службу двух еврейских солдат. После отдыха у меня на службе они возле военной прокуратуры с моего разрешения открыли сапожную мастерскую и вели достойный образ жизни.

Ещё одно крупное уголовное дело я вёл против взвода узбеков и таджиков. Дело было открыто военной прокуратурой за подрыв дисциплины в армии – неисполнение приказа есть свинину. Я это дело закрыл, узбеков и таджиков спас от службы в дисциплинарном батальоне, а зачинщиков – от тюрьмы. Это было последнее дело, которое я вёл в военной прокуратуре Советской армии. Затем состоялся суд офицерской чести, и меня, как и моего отца в своё время, исключили из партии. Зато узбеки и таджики меня очень уважали. Они пришли

проводить меня на перрон, выстроились, и их главный командовал отдать честь «адмиралу Пугачу», так они меня величали, после того, как я их защитил. Все поднесли руки к пилоткам, а у русских офицеров от ярости и зависти аж лица перекосились.

Я демобилизовался и уехал жить на Украину, в Днепропетровск. В городе Днепропетровске была одна-единственная синагога, при том, что четверть населения города были евреями, а это около 250 тысяч.

Мои родители возглавляли еврейскую общину и старались помочь евреям, чем только могли. Мы были обеспеченной семьёй, отец после службы в Советской армии возглавлял мебельную фабрику имени 9 Мая, из 500 работников на фабрике 450 были евреями, в народе она так и называлась «фабрика Пугача». Все евреи города знали, куда обращаться за помощью. Зимой бедным отправлялись машины с углем и дровами. Если кто-то хотел поступить в институт – все ректоры были хорошими знакомыми отца. А если кому-то понадобится врач, так надо обратиться к Исааку Ирмовичу, всю профессию он знает, да и сами профессора обращаются к нему: кому – кожаный диван, кому – буфет, а кому – и целый гарнитур. Вся мебель для большой хоральной синагоги была сделана на «фабрике Пугача». Мама Сара Блюма, в девичестве Шехтман, была преподавательницей, учила женщин ивриту, молиться, читала им Хумаи и учила исполнять мицвот. В нашем доме при закрытых дверях и окнах под руководством моих родителей выпекалась маца для евреев города на праздник Песах.

Однажды мама сказала мне: «Сын мой, пришло время тебе жениться, в Днепропетровске нет мозля, и мы поедem в тот город, где он есть».

В 1980 году мы переехали в Душанбе, а в 1981-м я уже стоял под хупой со своей невестой Барно Маргаритой Мулакандовой. Полностью был исполнен еврейский религиозный обряд под хупой, с ктубой и свадьбой.

Первенкой у нас родилась Юдит, вторым родился сын, которого при обрезании назвали Рафаэль – в честь его деда, каббалиста из города Термез. Обрезание было открытым, мозлем был известный в Душанбе раввин Илья Абдурахманов, сандаком был отец жены Яков Мулакандов Хакоен, музыкантами был ансамбль Миши Толмасова. Я купил живого барана 40 килограммов веса, было более ста гостей – пели, танцевали, веселились до полуночи.

Такова предыстория строительства микве в Душанбе. А вот и сама история.

Я получил отказ на выезд в Израиль. Жене с детьми и всему семейству Мулакандовых дали разрешение, а мне КГБ приполнил, что я – бывший прокурор и знаю многие тайны советской власти и дали отказ. Так все мы и остались на долгих девять лет в Душанбе. В 1973 году в Днепропетровске умер мой отец Исаак Пугач, а в 1987 году в Душанбе умерла моя мама Сара Блюма Пугач.

Чудеса, произошедшие при строительстве микве

В 1987 году в Душанбе появились первые шлихим Любавичского ребе Ена Шор и Менди Блох. В то время я был председателем ашкеназской общины в Душанбе. Они пришли на шахарит в субботу прямо ко мне в синагогу. Мы вместе молились, а потом я привёл их домой. Когда подходили к двери дома, один из них сказал: «Даже в Душанбе есть бейт-ХАБАД!»

Они пробыли у меня в гостях несколько дней, я им всё рассказал о евреях, живущих в Душанбе, и они всё сфотографировали.

А они мне рассказали про Любавичского ребе. Иногда мне кажется, что это мама моя попросила Всевышнего прислать молодых хабадников, чтобы они продолжили меня учить хасидизму, которому она меня учила на протяжении всей её жизни. И прибыли они в тот же год, когда она ушла в лучший мир.

Спустя несколько дней они уехали. Через месяц прибыли другие хабадники прямо ко мне домой. Они уже знали, где я живу, и многое знали о жизни еврейских общин – как бухарской, так и ашкеназийской. Шлихим привезли мне доллар, благословлённый ребе, вручили мне его и сказали, что ребе поручил мне строить микве в Душанбе. Тогда я сказал, что у меня к ним есть три вопроса. Вопрос первый: кто разрешит строительство религиозного объекта на территории советского коммунистического Таджикистана? (Ведь советская власть разрушала всё, что связано с религией). Второй вопрос: кто заплатит за строительство? И

третий вопрос: где взять строителей, которые хотя бы понимали, о чём идёт речь? На второй вопрос они привели мне довод: если в городе есть синагога, и в ней есть всего один свиток Торы, но нет денег на строительство микве, то надо продать свиток Торы и на вырученные деньги построить микве. И ещё сказали илихим: «Реб Авраам, ты получил благословение Любавичского ребе – так начинай строить». Они улетели в Америку к Ребе, а я улетел в Москву, где в йешиве в Марьиной Роще в течение двух месяцев изучал Галаху, а в синагоге на улице Архипова фотографировал первую микву, построенную в СССР.

Вернулся домой в Душанбе. И в один прекрасный день приезжает ко мне гость из Московской религиозной еврейской общины Давид, и вручает мне целый чемодан с деньгами, которые Ребе прислал на строительство микве в Душанбе. Это и был первый ответ на один из трёх поставленных вопросов. Потом я начал поиск тех инженеров и рабочих, которые могли бы построить микву на основании галахических законов. К сожалению, таких среди евреев не нашлось, многие говорили, что микве сейчас не нужна, у всех есть ванны. Другие не понимали, как строить бассейн с двойным дном, да ещё с трубой и баком для сбора дождевой воды. Короче говоря, таких строителей в Душанбе не нашлось.

Однажды в субботу мы молимся шахарит, и к нам присоединились двое молодых евреев, которых я не знал. После молитвы я стал расспрашивать, кто они, откуда приехали, но они мне не ответили, и я понял, что они не знают русского языка. Тогда я начал

говорить на идише, они меня поняли и ответили по-немецки – я их тоже понял: они приехали из столицы Чехословакии города Праги, они оба – строители, один инженер, второй – архитектор. Пригласил их Совет министров Таджикской ССР для строительства 12-этажного здания на территории ВДНХ, они оба – евреи, мать архитектора чудом осталась живой в Освенциме, а дед второго инженера – знаменитый чешский писатель Кафка, с ними приехали ещё 30 чехов – рабочих. «Так вы, наверное, приехали построить микве? – воскликнул я, – Любавичский ребе дал мне браху на строительство микве, а те, кто участвует в этом строительстве, на них тоже распространяется браха Ребе». Они тут же сказали: «И построим».

Вот такое чудо произошло: приехали евреи – специалисты по строительству откуда-то из Европы за десять тысяч километров, никогда за мою бытность в Душанбе из Праги никто не приезжал. В течение восьми месяцев микве была построена. Разрешения на строительство я ни у кого не брал, да никто из советских властей и не дал бы. Рядом с синагогой жил грамотный религиозный еврей по имени Шломо (Сулик). Он и выделил участок земли, примыкающий к его дому и к синагоге. Когда миква была уже готова, появился представитель советской власти из КГБ и стал расспрашивать местных евреев, что проживали рядом с синагогой и микве, кто построил баню с бассейном. Евреи сказали, что Пугач построил.

Чудо-микве строили в самом центре города восемь месяцев. Как могло случиться, что никто из властей не видел этого? А могло такое случиться только потому, что власти разбирались с гражданской войной между мусульманами, которая в то время уже назрела. Браха Ребе напустила на их глаза темноту египетскую, что они у себя под носом не видели строящееся здание микве.

Через несколько дней меня вызвали в Совет Министров, в управление по делам религии. Я явился по повестке. Начальника управления полковника КГБ Тесёлкина интересовал только один вопрос: «Аркадий Исаакович, меня не интересует, что вы построили и когда вы построили, меня интересует, где вы взяли деньги.» – «Вы же знаете, что я работал прокурором-криминалистом и получал хорошую заработную плату». – «Знаю, сказал он, – но на такую зарплату такое строение не построишь, мне родители оставили наследство, я знаю сколько они зарабатывали, но это не те деньги». Я сказал, что мне больше нечего сказать. Хорошо, что полковник Тесёлкин когда-то работал вместе со мной в следственном отделе прокуратуры и МВД. Он подписал мне пропуск на выход, и я вышел из здания Совета Министров. Пришёл домой и сказал жене: «Рита, второй повестки я ждать не буду. Собирай детей, чемоданы – мы летим в Москву, а оттуда – в Израиль».

Восемь месяцев, как у нас уже была виза. Теперь, когда микве построена, и я выполнил данное Ребе поручение, мы вылетели в Израиль. Мы с женой, с

двумя детьми, с двумя чемоданами и Торой в руках пересекли три границы и приземлились в Израиле. Через неделю после моего отъезда ко мне домой в Душанбе явилась группа захвата из КГБ и была очень удивлена, увидев вместо меня мою сестру Иду, которой я оставил свою квартиру. Они сделали целый переворот, искали в шкафу, под кроватью, сказали, что даже муха у них не улетит. КГБ только не знал про Любавичского ребе и его благословение, которое он мне дал на строительство микве в Душанбе.

В 1989 году мы приехали в Нетанию, уже в 1990 году я получил работу в колледже-йешиве «Цви-Ситрин», где был равом и механехом (Рам) китот олим хадашим с 8-го по 12-й классы. В 1992 году ездил в служебную командировку в Нью-Йорк, был у Любавичского ребе и получил от него благословение открыть в Израиле синагогу для олим хадашим из Душанбе и других городов бывшего Советского Союза. С тех пор в Нетании функционирует синагога Душанбе.

Своеобразным чудом Аркадий Пугач считает и спасение синагоги в Душанбе. Было это в 2006 году. Тогда участок земли, на котором находилась старая синагога понадобился властям. Там хотели построить ещё один дворец для президента. Сначала синагогу пытались поджечь, потом разрушили. Аркадий Пугач в то время уже жил в Израиле, но когда земляки обратились к нему, тутже откликнулся и вчинил властям Таджикистана иск на 4 миллиона долларов.

Получив иск адвоката Пугача, власти не стали тянуть и возместили общине разрушение синагоги, подарив общине совершенно новое шикарное здание.

Своеобразным чудом Аркадий считает и проведённую при его содействии секретную операцию Израиля по спасению двадцатитысячной еврейской общины Таджикистана.

В 1991-92 гг. в Таджикистане разгорелась гражданская война между таджиками. В эпицентре боевых действий оказалась еврейская община возглавляемая мною в Душанбе, стали поступать сведения о многочисленных убитых. Я встретился с президентом «Маген Давид адом» профессором Хариэлем, рассказал о войне в Таджикистане и о необходимости в срочном порядке спасти еврейскую общину, находящуюся в эпицентре военных действий, иначе, не приведи господь, могут быть большие жертвы. Профессор Хариэль организовал нам встречу с премьер-министром Израиля Ицхаком Шамиром и на встрече я снова повторил рассказ и объяснил о смертельной опасности, грозившей еврейской общине

г. Душанбе, и потребовал срочной эвакуации общины, находившейся между воюющими сунитами и шиитами. Премьер министр Израиля Ицхак Шамир принял во внимание мои разъяснения о возникшей смертельной опасности для евреев тутже организовал рейсы Эль-Аль в Душанбе. Каждую неделю из аэропорта Бен Гурион вылетали боинги в аэропорт Душанбе и забирали тысячи беженцев. Так в течение нескольких месяцев была осуществлена секретная операция по спасению двадцатитысячной еврейской общины Таджикистана.

В заключение расскажу ещё об одном чуде, косвенно связанным с героем очерка. Узнав о моём затруднении с изданием этой книги, он любезно согласился мне помочь, но, по непредвиденным обстоятельствам, значительно задержался с этим. А ложка, как известно, дорога к обеду. Тем более, что некоторым из моих персонажей вот-вот будет впору отмечать свой 100-летний юбилей и мне очень хотелось порадовать их к очередному Дню Победы подарком с описанием их жизненной одиссеи.

И вдруг, неожиданно-негаданно, как раз на Хануку (а этот праздник обычно без чудес не обходится), мне из-за границы позвонил совершенно незнакомый человек, случайно ознакомившийся в Интернете с восхищёнными отзывами на мои предыдущие произведения, и предложил свою финансовую поддержку в издании не только моей новой работы, но и воспоминаний кого-то из ветеранов.

Благодаря этому чуду была решена моя проблема, а на титульной странице этой и прекрасной книги

одинокого инвалида из Дома престарелых Эммануила Шустера («Вторая еврейская рапсодия») появилась благодарность нашему так кстати появившемуся благодетелю и подключившейся к этому благородному поступку его сотрудницы.

А адвокат Аркадий Пугач, выиграв в суде очередное сложное дело (но это уже не чудо, а его обычная профессиональная деятельность) и получив за это соответствующий гонорар, выполнил своё обещание (и это тоже не чудо) и внёс свою лепту в издание этой книги.

Накануне Дня Победы этот пламенный борец за законные права израильтян в своей, опубликованной в прессе, рекламе, с чувством исполненного долга поздравил со всенародным праздником своих сограждан и в том числе и героев очерков этой книги.

АДВОКАТСКИЙ ОФИС №1
АДВОКАТ АРКАДИЙ ПУГАЧ

Опыт работы в Израиле 20 лет

- Завещания, наследство, семейное право - разводы
- Уголовное право ● МВД - гражданство
- Договор на куплю-продажу квартир ● Компенсации за ДТП
- Компенсации за ущерб, нанесенный здоровью

Поздравляем ветеранов войны и всех жителей Израиля с Праздником Победы над фашистской Германией

Президент русскоязычной еврейской общины Израиля, адвокат Аркадий Пугач

ПОТОМСТВЕННЫЙ ЮРИСТ АРКАДИЙ ПУГАЧ
ПОМОЖЕТ ВАМ ЗАЩИТИТЬ ВАШИ ПРАВА

Капитан Исаак Пугач, командир бессмертного батальона НКВД

Нетания, ул. Штампер, 14, 1 этаж (рядом с магазином "Мааданей Мания")
т: 077-4023-770, 050-8752077 Мэйл: ab.pugach@gmail.com Сайт: www.advpuagach.com

Пусть же чудеса сопутствуют Аркадию Пугачу до 120 лет!

Щедро дарящая людям добро

Героиня этого очерка – Шуламит Пеер хорошо известна очень многим репатриантам в Нетании и глубоко уважаема ими. И представить её читателю мне предстоит в нескольких ипостасях. Однако своё повествование я начну с того, о чём в её интервью даже не было упоминания.

Многие годы она систематически собирала в своей гостеприимной квартире на многолюдные «Поэтические вечера» маститых и начинающих поэтов, прозаиков и просто любителей и ценителей литературного творчества. Их восхищение и благодарность за теплоту встреч, непринуждённую обстановку за чашечкой кофе, за плодотворные знакомства, за новые творческие планы образно выразил ещё в прошлом десятилетии в своём поэтическом сборнике «Прочь старость!» поэт и учёный, «Выдающийся деятель планеты XX столетия» профессор Борис Брусиловский, назвав их организаторов «наши родители».

Праздник поэзии в этой обители,
Дом люди знают и слава гремит.
Нам десять лет. Рядом наши родители:
Зина Гальперина и Шуламит.

Переменчиво море житейское:
Нежно ласкает, То грозно штормит.
А у причала родное, еврейское
Наше убежище – дом Шуламит.

Каждый раз дарим нашим ценителям
Наши сердца, алых роз миллион.
Ну а сегодня любимыми родителями
Эти стихи и низжайший поклон!

Уже только за это героиня очерка, вполне
выполнившая завещание посвятившего ей послание
поэта:

В свершеньях не тлейте, а ярко горите.
Добро щедро миру дарите, дарите!...

заслуживает глубокого уважения.

(Кстати, поэзия еврейской души продолжает
звучать на «Поэтических вечерах» до сих пор, но в
последнее время на квартире у соратницы Шуламит
Зины Гальпериной).

Не менее впечатлительны и многие другие
благодетеля Шуламит.

После этой преамбулы перехожу к краткому
освещению этапов большого и содержательного
жизненного пути замечательной женщины, щедро
дарящей миру добро.

Родилась Шуламит в еврейском местечке Камаяй
на северо-западе Литвы в бедной, но благополучной
семье, соблюдающей национальные традиции. Будучи
младшим ребёнком, она не была обделена любовью и
лаской родных.

Старших членов семьи в ту пору не столько удручало их незавидное материальное положение, сколько постоянные антисемитские выходки сельчан-литовцев.

«Не единожды литовские хулиганы, проходя мимо нашего дома, проявляли своё отношение к нам, детям и взрослым, не только словесно, но и бросали камни в окна, — вспоминает Шуламит. — Помню, что как-то отцу пришла в голову мудрая идея: накануне праздника Ханука задрапировать окна трехцветным флагом республики в надежде предотвратить попадание брошенных камней в горящие свечи. Уловка удалась: ни один хулиган не отважился швырнуть камень в государственный символ».

Проявление антисемитизма, конечно, не могло не осквернять жизнь. Однако всем остальным семья была полностью удовлетворена. И Шуламит считает своё детство относительно счастливым и беззаботным, но лишь до начала Великой Отечественной войны. Уже на второй день стало понятно, что необходимо немедленно бежать, так как враг молниеносно продвигался в глубь страны и вскоре будет на подходе к их местечку. А это не сулит евреям ничего хорошего. Да и многие литовцы даже не скрывали, что с нетерпением ожидают возможности расправиться с ненавистными им иноверцами.

Спешно погрузив на имеющуюся в хозяйстве одноконную повозку самое необходимое, семья двинулась в многодневный тяжёлый и опасный путь в неизвестность, преследуемая войсками вермахта,

обстрелами местных коллаборационистов и бомбардировками фашистских стервятников. Во время одного из налётов конь, испугавшись, понёс, после чего семья недосчиталась части находившегося на подводе самого необходимого имущества.

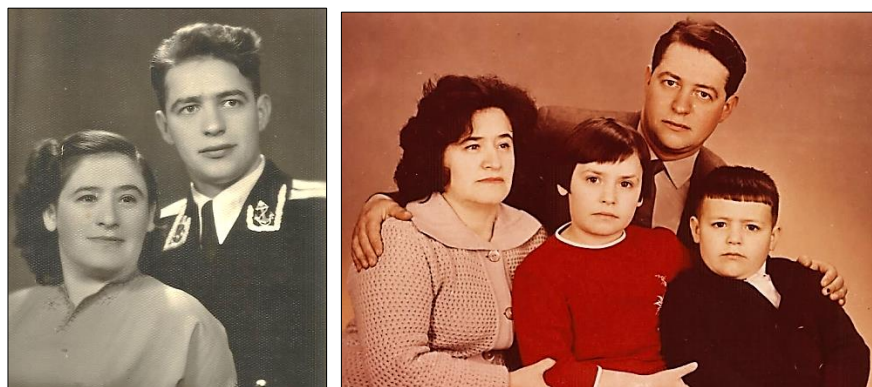
Сдав на одном из привокзальных эвакупунктов лошадь и телегу и получив место в «теплушке», семья через месяц лишений и мытарств добралась до Марийской автономной республики. Но вскоре голод и холод заставили беженцев искать другое пристанище. И кочевать с места на место им пришлось шесть раз, в частности поработать в трёх колхозах Узбекистана.

В 1944 году главу семьи направили на восстановление народного хозяйства Украины. И Шуламит пришлось военное лихолетье испытать ещё в двух городах этой республики. Лишь в 1946 году семья Шуламит возвратилась в Литву и обосновалась в Вильнюсе, так как в их родное местечко, большинство в котором раньше составляли евреи, после войны не возвратился ни один из них.

В 1951 году после успешного окончания средней школы Шуламит попыталась поступить в Ленинграде в престижный электротехнический институт имени Бонч-Бруевича. Но, как и следовало ожидать, получила «от ворот поворот» (была «срезана» на последнем экзамене).

Возвратившись, «не солоно хлебавши», в Литву, Шуламит поступила в Каунасский политехнический институт на электротехнический факультет. В 1956 году она получила диплом инженера-электромеханика. После этого ей пришлось пройти ещё одно испытание

на выносливость. В 1953 году она вышла замуж за друга со школьной скамьи. После окончания военно-морского училища он получил назначение на Северный флот в должности штурмана. И Шуламит с дочерью-младенцем последовала за ним в Мурманск. Там, в Заполярье, она четыре года в очень тяжёлых условиях растила своих детей (дочь, а затем и сына) и считала себя самыми счастливым человеком на свете.

Из семейного альбома

Но неожиданно судьба сделала крутой поворот. Когда в 1959 году их родные выехали в Польшу с намерением репатриироваться в Израиль и об этом стало известно командованию, мужу предложили в течение 24 часов подать рапорт об увольнении.

И в апреле 1960 года Шуламит с мужем и детьми возвратилась в Вильнюс. Вскоре им была предоставлена квартира. А выходное пособие мужа помогло ему получить гражданскую специальность. Жизнь вошла в нормальное русло.

Шуламит приступила к работе по специальности и за два года от рядового инженера «выросла» до ведущего специалиста центрального конструкторского бюро института по проектированию микромашин для бытовой техники.

В 1967 году Шуламит удалось получить визу на краткосрочное посещение Израиля. Почти трёхмесячное пребывание здесь со своим восьмилетним сыном настолько впечатлило их, что ребёнок за это время стал подлинным сионистом.

Шестидневная война и разрыв Советским Союзом и рядом стран Европы дипломатических отношений с Израилем заставили Шуламит возвратиться домой со значительной задержкой. Напутствуя Шуламит перед выездом за границу, сотрудник органов государственной безопасности посоветовал ей держать там «язык за зубами». По возвращении тот же кагебист пытался выведать у неё кое-какие сведения об Израиле. Но не на того он «напал». Она с сарказмом ответила, что прекрасно помнит его напутствие и будет следовать ему и в данном случае. Между тем антисемитизм продолжал опутывать семью, как и остальных соплеменников, плотной пеленой. И это не было секретом ни для кого, даже для подростков. Так, при получении дочерью паспорта по достижению 16-летнего возраста её лучшая подруга (не-еврейка) посоветовала во избежание многих неприятностей в жизни записаться в нём русской.

Многие возмущавшие паренька вопросы возникли и у сына.

И для дорожащей своим достоинством семьи, обеспокоенной будущим своих детей, и самое главное - сионистские убеждения явились толчком к принятию решения о репатриации.

Но прежде, чем это осуществить, Шуламит пришлось получить четыре отказа, участвовать в многих акциях под лозунгом «Отпусти народ мой!», в двух голодовках, перенести арест и вместе с членами семьи всевозможные унижения.

В октябре 1971 года, когда руководитель Советского государства Л.И. Брежнев должен был участвовать во Всемирной конференции в Париже, Шуламит в числе 24-х представителей Литвы, пикетировала у здания Центрального Комитета коммунистической партии в Москве. Всех 98 евреев – участников акции, прибывших из разных регионов страны, силовики затолкали в три автобуса и отвезли в ... вытрезвитель. Продержав там некоторое время, Шуламит и её соратников в сопровождении сотрудников правоохранительных органов и госбезопасности автобусом доставили на перрон железнодорожного вокзала прямо к дверям вагона, находящегося в плотном оцеплении, и отправили восвояси.

Вильнюсские евреи встретили пикетчиков как победителей. На этот раз их усилия не пропали даром. Через месяц семья получила разрешение на репатриацию.

28 января 1972 года для Шуламит и её семьи началась израильская эпопея. Шуламит удалось сразу

устроиться на работу в школу преподавателем электротехники. Там она первое время ощущала недружелюбное отношение со стороны коллег-старожилов. Но, невзирая на это, она трудилась самозабвенно, заслужив авторитет и уважение в коллективе, у учеников и их родителей. В школе она проработала 20 лет до выхода на пенсию.

Мужу же пришлось пять раз поменять место работы. Лишь в 1977 году он прочно обосновался на работе в авиационной промышленности. И лишь тогда для семьи настала нормальная жизнь.

Ещё в стране исхода Шуламит принимала активное участие в художественной самодеятельности. И сразу же по прибытии на свою историческую родину она стояла у истоков ставшего в скором времени знаменитым ансамбля «Анахну кан!» («Мы здесь!»), созданного на базе коллективов художественной самодеятельности из Советского Союза.

В составе хора Шуламит пять раз гастролировала в США и Канаде, дважды в Мексике. С огромным успехом прошли и гастролы в Гонконге и в Австралии. Участникам ансамбля рукоплескали в Брюсселе, Париже, Берлине и Риме. И, конечно же, почти во всех городах Израиля зрители с восхищением воспринимали выступление этого прославленного коллектива, которому Шуламит самоотверженно отдала 25 лет жизни.

С выходом на пенсию эта неугомонная женщина с головой окунулась в общественную работу. Как председатель Совета Сионистского форума и как волонтер в информационном центре она оказывала неоценимую помощь новым репатриантам в абсорбции.

В 1991 году Шуламит взяла опеку над тремя девочками, прибывшими на постоянное место жительства в Израиль по программе «Наале» («без родителей»). Три года она любезно приглашала к себе домой на выходные и праздники ставших ей родными подопечных, регулярно посещала родительские собрания. После окончания девочками школы пламенная патриотка достойно проводила их на службу в Армию Оборона Израиля, продолжая поддерживать связь с ними, как с родными, до сих пор.

Почти двадцать лет Шуламит совместно с адвокатом в благотворительной организации «Яд Рива» проводит юридические консультации для пожилых людей.

В качестве переводчика и распространителя она активно сотрудничает с редколлегией журнала

«Шишим плюс» («Шестьдесят с плюсом») с момента его основания. При этом за помощью в переводе к ней обращаются со всего Израиля.

А сколько душевных сил и какую сердечную боль пришлось перенести этой самозабвенной женщине интервьюируя 134-х узников концлагерей и гетто, жертв и беженцев Холокоста для соответствующих экспозиций Мемориального комплекса «Яд ва-Шем», дано понять не каждому. Но Шуламит осуществила и это в назидание не только нынешнему поколению, но и потомкам, чтобы не была забыта человеконенавистническая суть фашизма, и чтобы нигде и никогда не повторилось подобное.

В беседе со мной у Шуламит проскользнула мысль, будто ей кажется, что она прожила не одну, а несколько жизней. Повествование о ней подтверждает, что она в этом абсолютно права, ведь за одну жизнь совершить столько благодеяний дано не каждому.

Часть вторая

Яркий след в жизни

Международный человек

«Международный человек 2000 года». Этому званию удостоили профессора, доктора технических наук

Брусиловского Бориса Аркадьевича американский и английский Центры биографических исследований за выдающиеся работы в области физики металлов и металловедения.

По совокупности печатных работ, их огромной значимости для науки и производства Борис Брусиловский в 1995 году был избран действительным членом Нью-Йоркской академии наук. По оценкам американских специалистов его дважды избирали «Человеком года Америки». А в 1999 он был включён в список «Выдающиеся деятели XX столетия» (Кембридж, Англия).

В 2000 году Борис Брусиловский вышел на пенсию и репатриировался из Украины в Израиль.

В своей еврейской стране заслуги учёного признания не получили. *«В Израиле, – с горечью констатирует учёный, – я получил документы,*

подтверждающие мою третью степень. На письма, отправленные в разные научные центры, не получил ни одного ответа. Я понял, что здесь моя учёная квалификация никого не интересует».

Оставшись не у дел в Израиле, которому ученый мечтал передать свой большой научный опыт и высокие профессиональные знания, Борис Брусиловский, чтобы реализовать творческий потенциал и заполнить духовную нишу, сосредоточил усилия на поэзии, которой увлекался ещё в Украине. Там он издал пять сборников стихотворений, печатал стихи в киевской газете «Еврейские вести», за что был удостоен литературной премии имени Леонида Вышеславского.

Профессиональным поэтом Борис себя не считал. Писал стихи для самых близких людей, для друзей. Никто из коллег о его поэтических увлечениях не знал. В 90-х годах Борис неожиданно «засветился», написав приветствие для команды КВН института. К стихам (не только КВН-овским!) проявили интерес местные газеты и напечатали несколько стихотворений. Они понравились читателям. Ректорат института финансировал издание поэтических сборников.

Более пяти лет Борис посещал литературное объединение «Поэтические вечера в Нетании» (руководитель – поэтесса Зинаида Гальперина). Его стихи знакомы читателям украинских и американских газет, а также читателям израильских русскоязычных газет «Вести», «Новости недели», «Коль а-Шарон», «Новый мир», журналов «Русское эхо», «Мысль»,

«Галилея». Недавно международный украинский журнал «Соборність», издаваемый в Израиле, опубликовал подборку его стихов.

Борис Брусиловский часто выступал перед читательскими аудиториями: ветеранами войны, представителями разных землячеств, волонтерами «Хэсэда», перед русскоязычными школьниками города Нетания, проявляющими большой интерес к его творчеству.

В Израиле Борис издал два сборника стихотворений: «Оле хадаш», в котором он описал свои первые впечатления о встрече с еврейской землёй, «Бабушка Хава», в котором проникновенные и трогательные воспоминания о жизни довоенного еврейского местечка Наровля на Гомельщине (Белоруссия) и высокохудожественный поэтический сборник «Прочь, старость!». Он являлся членом украинской секции Союза писателей Израйля.

Борис Брусиловский родился в 1928 году в Киеве в скромной семье служащих. Большая часть детства прошла в живописных приднепровских парках и у бабушки Хавы в Наровле. На время летних каникул Борис уплывал на пароходе к бабушке Хаве в Наровлю. Позднее об этом Борис напишет в стихотворении «Плывёт пароход»:

Ах, память... В ней скрыта волшебная сила.

События детства она воскресила.

Тридцатые годы. Да сбудется это!

Я к бабушке еду на целое лето.

Бабуля в Наровле, в еврейском местечке.
Плывёт пароход к ней по Припяти-речке.
Шумят механизмы и шлёпают плицы.
Я книги волшебной листаю страницы.
Чарует река. До чего же красивы
Песчаные отмели, томные ивы!
Вот пристань Чернобыль с причалом дощатым.
Кто ведал в те годы, что слово есть «атом»?
Плывёт пароход, исполин величавый,
В безоблачный мир милой бабушки Хавы.
Бегут буруны, за кормой замирая.
Простор первозданный от края до края...
Плывёт пароход мой из памяти к свету.
К прекрасной эпохе, которой уж нету...
Любимые люди, далёкие тени...
Пред ними готов я упасть на колени!

Неуёмную детскую энергию дворовых ребятишек направлял в увлекательное русло один из соседей, профессиональный художник дядя Лёва (Лев Моисеевич Пергаментщик, который в сентябре 41-го погиб в Бабьем Яру). Под руководством этого энтузиаста и друга детей выпускалась сатирическая стенная газета «Кухонный Крокодил».

«Художник рисовал замечательные карикатуры на обитателей коммунальных квартир, – вспоминает Борис, – а мы, дети, писали стихотворные шаржи под карикатурами. К этому периоду относится моя первая проба пера на поэтическом поприще».

До войны Борис окончил пять классов киевской школы №79.

В августе сорок первого года фашистские орды подступили к Киеву. Пришлось покинуть родной дом на Институтской улице, который был известен в городе как «дом Гинзбурга», и эвакуироваться в город Чкалов (Оренбург).

Этому смутному времени Борис позднее посвятил строки:

Мне казалось в это лето
В путь пустилась вся планета.
В неизвестность на восток
Бесконечный плыл поток...
А на запад шли составы
Сразу в бой священный, правый.

Борис, как и многие его ровесники, 13-14-летние мальчишки, трудился на военном авиационном заводе. Работали днём и ночью, по 12 часов у токарного станка.

Без нас – труба! Расклад таков:
Мы – труженики тыла.
Подручные фронтовиков.
Герои!.. Это было...

Спецовка. Кепка набекрень.
С мозолями ладошки.
Военный поясной ремень...
И дым от «козьей ножки»...

В 1945 году завод, на котором работал Борис во время войны, реэвакуировался в Ригу. Там Борис с медалью закончил среднюю школу.

В 1947 году он поступил в Киевский государственный университет на физический факультет. С лёгкой грустью вспоминает он совсем непростую жизнь в студенческом общежитии на скудную стипендию.

Мы – студенты. Та эпоха,
Опалённая войной.
Голодали. Жили плохо
Вместе с нищею страной.

В 1952 году в разгар борьбы с «безродными космополитами» Борис окончил университет по специальности «металлофизика, рентгеноструктурный анализ металлов». Специальность по тем временам академическая, со слабо выраженным прикладным направлением.

Однако «безродных» велено было в науку «не пущать». Поэтому в то время как товарищи Бориса по выпуску были распределены по киевским институтам, он получил назначение на Ново-Краматорский машиностроительный завод в город Краматорск Донецкой области.

Сокурсники, друзья и знакомые сочувственно предрекали направленному в «дыру» молодому специалисту гибель научной карьеры...

На заводе Борису повезло. Он попал под начало многоопытного металловеда и, что не менее важно,

порядочного человека Фёдора Ивановича Иванова, сразу обратившего внимание на творческую жилку, глубокие академические знания и трудолюбие молодого специалиста. Фёдор Иванович оказал бесценную помощь вчерашнему студенту в адаптации к заводским условиям, помог в приобретении специального современного оборудования, помог найти «место под солнцем».

Мне, журналисту, не владеющему даже элементарными знаниями в области рентгеноструктурного анализа, трудно в этом очерке описать научную значимость работ Бориса. Да я и не ставлю перед собой такой задачи. Ясно только, что в своей научной работе он был новатором и первопроходцем.

Он изобрёл специальные приборы (рентгеновские камеры) и способы проведения анализа на этих приборах, защитил новации авторскими свидетельствами и широко описал их в научно-технической литературе. По сути, он приспособил научный академический рентгеноструктурный анализ для решения производственных задач.

Много лет на специально организованном участке в одном из цехов завода, используя свои изобретения, Борис изучал структуру крупноразмерных изделий (в частности, многотонных прокатных валков) по ходу их термической обработки. Анализ выполнялся непосредственно на объектах без нарушения их целостности.

Результаты были впечатляющими. Появилась возможность намного сократить технологические циклы производства и заметно повысить качество продукции. Новшества были зарегистрированы в качестве изобретений, внедрены не только на Ново-Краматорском, но и на других заводах бывшего Советского Союза.

За 15 лет работы на заводе у Бориса было немало побед на поприще применения рентгеноструктурного анализа для решения производственных задач. Это – изобретение новых технологий, новых марок сталей, новых приборов и способов проведения анализа. Не случайно Госкомитет по делам изобретений бывшего Союза присвоил ему звание «Изобретатель СССР».

Однако далеко не все изобретения встречались в коллективе на «ура». Приходилось выдерживать ожесточённое сопротивление со стороны старых специалистов, считавших Бориса выскочкой, со стороны титулованных специалистов московских институтов, со стороны просто завистников, занимавших высокие начальственные посты. Чтобы пробить дорогу новым технологическим процессам, приходилось долго «воевать с ветряными мельницами». Возмущало и то, что в список соавторов приходилось включать лиц, которые к новациям не имели никакого отношения, и, более того, в некоторых случаях выступали против них.

По материалам работ, выполненных на заводе, в 1966 году Борис Брусиловский защитил диссертацию

на соискание учёной степени кандидата технических наук.

В 1967 году молодой учёный был приглашён на работу в качестве штатного преподавателя в Краматорский индустриальный институт (нынче Донбасская государственная машиностроительная академия). До этого он работал в институте как внештатный преподаватель.

В течение многих лет Борис Брусиловский читал лекции и вёл лабораторные занятия по курсам «Материаловедение», «Рентгенография металлов», «Кристаллография и минералогия», руководил производственной практикой студентов и научной работой аспирантов. Во вновь созданной лаборатории рентгеноструктурного анализа металлов основные усилия были сосредоточены на академическом исследовании строения закалённых сталей. Здесь была получена информация, представляющая большой научный интерес.

Результаты исследований широко освещались в московских журналах, разных изданиях Академии Наук СССР. Борис не знал, что статьи журналов переводятся на иностранные языки и имеют широкое распространение за рубежом. Работы учёного были хорошо известны в Америке, Японии, европейских странах. Многие заграничные специалисты пытались установить с ним контакт. Однако письма к нему не доходили. Краматорск был закрытым городом, а Борис считался «невъездным». Ему не разрешали вести переписку с иностранными учёными.

Борис не знал, что среди специалистов его работы получили всеобщее признание и высокую оценку. Поэтому первое известие об избрании действительным членом Нью-Йоркской Академии Наук он воспринял с радостным недоумением.

В 1995 Борис Аркадьевич Брусиловский защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора технических наук.

Перестал существовать Советский Союз, и в Краматорск одно за другим стали поступать поздравительные письма из-за рубежа на имя учёного...

Вот что писал президент Американского Института Биографических Исследований Ж.М. Эванс: *«Дорогой профессор, доктор Брусиловский! Я очень рад известить Вас о том, что Вы избраны номинантом на престижное звание Человека 1999 года.*

Международный отдел Американского Института Биографических исследований выбрал Вас номинантом благодаря всеобъемлющим достижениям и вкладу в науку... Нам было очень трудно выбрать ограниченное число людей для присвоения звания Человека 1999 года. Мы поздравляем Вас с тем, что Вы являетесь номинантом»

А вот другое письмо генерального директора Международного Биографического Центра в Кембридже (Англия) Николаса Слоу:

«Международный Биографический Центр (МБЦ) в Кембридже, Англия, рад сообщить о подтверждении Вашей кандидатуры на Международного Человека

Года 2000 / 2001. Эта престижная награда присуждается только нескольким выдающимся людям. Десятки тысяч биографий изучаются каждый год.

Примите мои поздравления по случаю включения Вас в число номинантов».

Следом пришло ещё одно письмо Николас Слоу:

«Уважаемый господин Брусиловский! Вы названы в числе 2000 лучших людей планеты 20-го столетия. Эксперты нашего Совета включили Вас в это число после тщательного исследования биографий многих претендентов. Примите наши поздравления!»

Борис все годы был неравнодушен к судьбе маленькой и независимой еврейской страны. В Израиле жили многочисленные друзья. И как только представилась возможность, пенсионер оформил документы на выезд.

В Израиле Международный Человек посвятил себя поэзии. Оптимизма ему было не занимать.

Спасибо, Всевышний! Проснулся и рад.

Настроился сразу на праздничный лад.

Какое везение! Жив я. Живу!

Не в мире загробном, а здесь, наяву!

Всё сущее в мире – моё. Это я!

По крупному счёту – стихия моя.

И солнце, и море, проблем острії...

Живу я. А значит всё это моё!

Любимые предки! Подумал с утра:
Живу я Сегодня за ваше Вчера.
Что вы недобрали – хочу я добрать,
Что вы недодали – хочу миру дать!

Борис Брусиловский не похож на учёного-сухаря. Конечно, он и физик, и лирик. Борис в недалёком прошлом неизменный участник КВН-овских встреч в академии, огородник и заядлый турист.

В субботние дни в течение многих лет он с друзьями-единомышленниками часто отправлялся в живописные места на берегах Северского Донца. Этим вылазкам он посвятил цикл туристских стихотворений. Вот некоторые строки:

Пещерный дух неистребим,
Туги мы на подъём.
В коробках каменных сидим
Землетрясения ждём...

Свою персону не жалеи!
Пусть где-то даже гром.
Вперёд! Себя преодолей!
Будь лёгок на подъём!

Тёплые слова адресует он своим самым близким и родным людям.

«Немалую роль в моём становлении и воспитании сыграла мама и незабвенная тётя Фира, сестра мамы. Да будет светла о них память!»

Совсем недавно я посетил могилку мамы на Украине.

Полвека рядом со мной любимый друг и верный спутник, моя дорогая Тамара, – продолжает Борис. – Без неё я бы не состоялся. Все годы она создаёт для меня режим максимального благоприятствования. Я всегда это помню и ценю.

Недавно мы отметили наш золотой юбилей. У меня сын, трое внуков и одна внучка. Старший внук в настоящее время служит в боевых частях армии ЦАХАЛ. Сын с семьёй живёт в Киеве. Там часть моего сердца».

Жене Борис посвятил замечательные строчки:

Прочь груз годов и прочь седины!
Тебя люблю (нет, не шучу!)
Ты говоришь: «Смотри, морщины!»
Но я их видеть не хочу.
Уверен: нет других видений.
И хоть закатная пора,
Ты божество, ты тихий гений,
Подруга, мама и сестра.

В 2004 году Борис ездил на Украину. Гостил у сына и внуков в Киеве. Посетил академию в Краматорске. Коллеги, сотрудники, бывшие аспиранты настоятельно предлагали возвратиться. Ректор обещал создать все условия для возобновления преподавательской и научной работы. На улицах

города профессора то и дело останавливали и приветствовали бывшие студенты.

Зовут коллеги: «Возвратись!

Ты нужен здесь. Ты наш!

Одумайся и не сердись!

Ты кто? Оле хадаш!

Полвека стаж. Авторитет.

Профессор. Дэ Тэ эН.

А там в Израиле-пустоцвет.

Что получил взамен?»

У профессора твёрдая позиция. Однажды приняв решение, он его уже не меняет, продолжая оставаться верным тем мотивам, которые побудили его приехать в эту страну. Его знания могли бы оказаться полезными, например, в оборонной промышленности при разработке качественной танковой брони, при создании боевых вертолётов и в других случаях. Его не замечают...

Жил среди нас в Нетании Международный Человек, выдающийся деятель XX столетия, на съёмной, очень скромной квартирке, вдали от центра города. Живёт лишь на пособие... Писал стихи. Печатался в газетах и журналах. Выступал перед читательскими коллективами. Из всех сил стремился быть полезным своему народу, до конца оправдать высокое звание Международного Человека.

Подготовил к изданию два новых сборника. Но не располагал денежными средствами для их издания...

Вскоре после выхода этой книги Борис Брусиловский отметил свой 80-летний юбилей. О себе самом, готовясь к юбилею, он написал стихи:

«Прожить – не поле перейти»,
Порой пирог не сладок.
Шесть станций было на пути.
Шесть важных пересадок...
 «Война»... Та станция, как сон.
 О, Киев! Память сердца!
 Вагон. Последний эшелон.
 И хлоп – закрылось детство!..
Бездомье, голод, стужа, зной
На станции «Учёба».
Ученье пополам с войной
Запомнится до гроба.
 Предать бы принципы свои
 И стать на четвереньки.
 Но не свернул я с колеи,
 Не прыгнул со ступеньки.
Вдруг вспыхнула моя звезда,
Как яркий свет пульсара.
Ах, как мелькали поезда
На станции «Тамара»!
 Не тот! Не тот! Неужто, тот?
 Подумай хорошенько!
 Но поезд набирает ход –
 Я прыгнул на ступеньку...
Навстречу прыгнул я судьбе.
Ведь риск был: либо-либо.
Судьба! Я говорю тебе
«Огромное спасибо!»

Что было дальше? А потом
Забрезжил лучик света
На перекрёстке узловом
С названием «Эстафета».
Вот сын. Бог внял моей мольбе.
Со мной был солидарен.
Ему, а, может быть, судьбе
Премного благодарен...
Горит зелёный свет. И вот...
Опять судьба-плутовка!
«Наш паровоз летит вперёд»
В «Израиле» остановка!
Еврейский благодатный край.
Но со слезой террора,
Где по соседству ад и рай,
Компьютеры и Тора.
Мой юбилей. Пока в строю.
И торжество на диво.
Теперь на станции стою
С названием «Перспектива».
Гори, гори, моя звезда.
Одна звезда на свете.
Уходят снова поезда.
В них внучка, внуки, дети...
Пусть будут счастливы сполна.
Пусть будет путь их гладок!
Без страшной станции «Война»,
Без трудных пересадок.

Этого воистину замечательного Человека нет
среди нас уже почти 10 лет. Но его великолепные

поэтические произведения ещё долго не потеряют актуальность. Поэтому они постоянно звучат не только на поэтических вечерах, но и на различных форумах, митингах, торжественных собраниях, в песнях известного певца героизма и славы еврейского народа Давида Блюма и даже на семейных торжествах. Не единожды они использованы и в этой книге.

Так что Светлая Память о нём в полном смысле благословенна!

Воин, учёный, писатель

Иосиф Рейтман родился в г. Житомире (Украина) и там же за несколько дней до начала Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. с отличием окончил среднюю школу. Война обрушилась на него уже с первого дня ее начала – 22 июня 1941 года интенсивными бомбардировками жителей

вражескими самолетами, летевшими на низкой высоте. Следуя примеру своих одноклассников, Иосиф решил добровольно пойти в армию. Его направили в военное училище в г. Старая Русса под Ленинградом, но доехал он только до Киева, так как железная дорога уже была в Белоруссии перерезана фашистами, и он вынужден был возвратиться в Житомир. Здесь он застал свой дом с заколоченными окнами и во дворе дома мать с сестренкой, готовых бежать из города и прихвативших с собой только некоторые документы и немного еды. Отец в это время лечился в Кисловодске. Иосиф присоединился к своим родным, и они втроем отправились на железнодорожный вокзал в надежде попасть на какой-либо поезд, отправляющийся на восток. Несколько дней они пролежали на территории вокзала под непрекращающимися обстрелами с воздуха фашистскими самолетами. Наконец, 6 июля 1941 года, за три дня до захвата Житомира фашистами, им удалось попасть на железнодорожный состав с

открытыми платформами, следовавший на восток, в Сталинград, подвергавшийся в пути бомбардировкам и обстрелам с воздуха.

В Сталинграде Иосиф обратился в Кировский райвоенкомат с просьбой взять его в армию. В августе 1941 года его направили в Сталинградское военное училище связи. После девятимесячного обучения большей частью в нелегких полевых условиях (пронизывающие сталинградские ветры, частые ночные тревоги, бомбежки, недоедание, недосыпания) Иосифа направили на фронт в район г. Ливны на Орловщине в 829-й артиллерийский полк 211-й стрелковой дивизии. Туда он прибыл на должность начальника связи артиллерийского дивизиона, которую еще за несколько дней до его прибытия занимал уже убитый товарищ Иосифа по военному училищу. В трудных условиях боевой обстановки Иосиф Рейтман обеспечивал непрерывную проволочную связь командного пункта дивизиона с артиллерийскими батареями. Под обстрелами фашистской артиллерии связь нередко прерывалась, и приходилось связистам ползком добираться к местам порыва для восстановления связи.

Однажды в опасный момент боя связь прекратилась, и несколько связистов, один за другим посланных на ее восстановление, не вернулись. Тогда Иосифу пришлось самому ползти и искать место порыва, где он и нашел убитых связистов и восстановил связь. Бой артиллерийского дивизиона продолжился.

В составе своего артиллерийского полка довелось Иосифу вести подготовку и затем участвовать в жестокой битве на Курской дуге, где наша артиллерия сыграла немалую роль сначала в обороне, а затем и в наступлении наших войск.

Родители и супруга Иосифа

Немало опасных ситуаций наступило для Иосифа, когда он был назначен на должность офицера связи оперативного отдела штаба 13-й армии. В его обязанности входила доставка в передовые части пакетов, содержание которых нельзя было из-за строгой секретности передавать по радио или кабельной связью. В случае опасности офицер связи обязан был уничтожить пакет, но не допустить попадания его к врагу. А был у Иосифа случай, когда темной ночью он, не сориентировавшись, прошел передовую линию обороны, но, к счастью, был задержан боевым охранением и благополучно доставил пакет по назначению. Очевидно, назначая Иосифа Рейтмана офицером связи, командование понимало, что он, как еврей, в плен фашистам не сдастся.

Был в фронтовой жизни Иосифа и эпизод, о котором он не любил вспоминать. Однажды, в бытность Иосифа командиром взвода связи, вслед за освобождением от фашистов Смоленска в районе этого города разместился штаб противовоздушной обороны, а на другом берегу Днепра – полевые госпитали с большим количеством раненых солдат и офицеров Красной армии, и тут же зенитно-артиллерийские батареи для защиты госпиталей от непрерывных налетов вражеской авиации. Однако связи между штабом и артбатареями через Днепр еще не было. Иосифа вызвали в штаб и дали задание срочно проложить через Днепр связь, а ширина его в этих местах была не менее 100 м. В штабе пообещали, что если задание будет выполнено, все связисты будут награждены правительственными наградами.

При непрекращающихся бомбардировках и обстрелах с воздуха Иосиф со своим взводом сумели быстро проложить связь через Днепр между штабом и артбатареями и этим спасли от гибели сотни раненых солдат и офицеров, но обещанных наград не получили, а только устную благодарность. Награды достались штабистам, сидевшим в укрытиях.

Известно, что благодаря самоотверженной работе медицинского персонала Красной армии за время войны удалось избежать эпидемий опасных болезней на фронте и в тылу. Тем не менее, однажды при наступлении наших войск на центральном участке фронта, часть освобожденной от фашистов территории оказалась зараженной сыпным тифом. В нескольких деревнях, где не было жителей, в прифронтовой

полосе разместили заболевших тифом солдат и офицеров, и среди них и Иосифа. В хате с земляным полом, на подстилке из соломы, в шинели и сапогах, с высокой температурой, в беспмятстве, без медицинской помощи пролежал он, пока не очнулся. Тогда находившиеся в другой хате с деревянным полом выздоравливающие офицеры забрали его к себе. Болезнь длилась несколько недель, и все это время больных кормили только гороховым супом. Находчивые офицеры подкармливали Иосифа супами из крапивы, и это во многом помогло ему встать на ноги.

После выздоровления Иосифа Рейтмана направили в 65-й отдельный батальон связи вначале на должность командира взвода, а затем и роты связи. В задачу роты связи входило восстановление и прокладка стратегических линий связи штабов фронтов и армий, обеспечивая надежную связь. Иосиф Рейтман участвовал в освобождении Белоруссии, Литвы и Латвии. После освобождения Белоруссии он был свидетелем грандиозного парада белорусских партизан в Минске. В состав роты он тогда получил значительное пополнение белорусских партизан.

На завершающем этапе войны Иосиф Рейтман в качестве командира роты связи 38-го отдельного батальона связи войск Западного фронта ПВО участвовал в разгроме немецко-фашистских войск в Прибалтике и в Восточной Пруссии. При прокладке линий связи связистам роты не раз приходилось вступать в вооруженные стычки в Белоруссии с группами фашистов, оказавшимися в тылу наших

наступавших войск (при операции "Багратион"), а в Прибалтике – с вооруженными группами литовских и латвийских националистов. И тут выручала партизанская выучка пополнения роты. Однако и днем и ночью всегда надо было быть начеку, не допуская беспечности, которая в условиях обособленных действий роты могла стоить не только жизни связистов, но и невыполнения ответственных боевых задач. Задействованных в работе по прокладке линий связи связистов роты необходимо было охранять от нападений, в особенности в лесистой местности Белоруссии и Прибалтики.

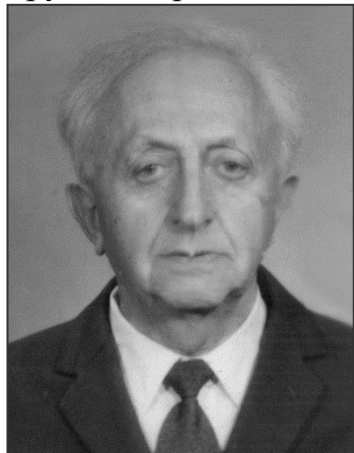
В числе первых рота Иосифа Рейтмана вошла в Восточную Пруссию, на границе с которой наши передовые части водрузили черно-белый пограничный столб с надписью на большой доске: "Вот она проклятая Германия!".

Когда рота вошла в г. Аленштайн (Восточная Пруссия), в нем не оказалось ни одного жителя, которые в страхе грядущего возмездия поспешно бежали из него, одурманенные фашистской пропагандой. Затем, когда наши войска совершили обход, жителям пришлось возвращаться. Связисты роты по пути на запад встречали их, уныло бредущих назад со своим скарбом в детских колясках. Некоторые солдаты роты, рассказывает Иосиф Рейтман, не могли не вспомнить свое положение беженцев 1941 года и не могли удержаться, выкрикивая немцам : "Дранг нах остен!" ("Вперед, на восток!"), как в 1941 году провозглашали солдаты вермахта, нагло вторгшиеся в Советский Союз.

В 1947 году, демобилизовавшись из армии, Иосиф Рейтман поступил в Киевский технологический институт пищевой промышленности (ныне Украинский национальный университет пищевых технологий). Окончив его, он до 1960 года трудился инженером-технологом в сахарной и других отраслях пищевой промышленности. Затем была работа старшего научного сотрудника, заведующего лабораторией и начальника отдела Научно-исследовательского института хмелеводства СССР, а после образования СНГ – Украины. В 1971 году Иосиф защитил диссертацию на степень кандидата технических наук. Он занимался проблемами обработки, переработки, хранения и использования хмеля в народном хозяйстве и стал ведущим специалистом и координатором работ в этой области, а вскоре руководителем работ в СССР, а затем в Украине по разработке государственных общесоюзных, отраслевых и республиканских стандартов, связанных с хмелем и его использованием в народном хозяйстве.

Под руководством И.Рейтмана разработаны 4 общегосударственных и 2 отраслевых стандарта СССР, действовавших до 2003 года, а также 7 национальных стандартов Украины, введенных в действие с 2003 года, в одном из которых стандартизированы все разработки Рейтмана в части технологии послеуборочной обработки хмеля и таким образом стали обязательными для использования.

Рейтман – автор высокоэффективной технологии послеуборочной обработки хмеля, превосходящей применяемые в США, Германии, Великобритании и в других странах, где выращивают эту культуру. Им

разработана также новая технология консервирования несущеного хмеля, позволяющая почти без потерь сохранять все его ценные вещества, в том числе необходимые для лечебных целей.

Результаты научных исследований Рейтмана изложены им в 162 научных работах. Он автор 15 изобретений. В одной из четырех его книг -монографий "Хмель в медицине, быту и народном хозяйстве" в числе других сведений Рейтман указал пути создания новых высокоэффективных препаратов для лечения многих заболеваний человека и животных. В другой книге излагается полуторатысячилетняя история история хмелеводства в Украине и история мирового пивоварения. Подобных книг в мире пока нет.

Научная работа Иосифа Рейтмана отмечена двумя медалями Выставки достижений народного хозяйства СССР, многими почетными грамотами министерств и ведомств и получила международное признание. В 1993 году за большой вклад в науку он первым среди ученых Украины был удостоен почетного ордена Всемирного сообщества производителей и

переработчиков хмеля с вручением грамоты о том, что он является кавалером этого ордена (г. Страсбург, Франция. Орден учрежден в 1370 году).

В качестве руководителя и консультанта Иосиф Рейтман подготовил десять кандидатов технических и сельскохозяйственных наук. Он кавалер 16 правительственных наград, отмечен знаком «Изобретатель СССР».

В Израиле Иосиф Рейтман с 1998 года. И с этого времени он так же самозабвенно, как и ранее наукой, занимался общественной деятельностью, читал увлекательные лекции по истории еврейского народа, опубликовал на страницах ведущих израильских газет более 60 очерков о боях-пожарищах, о друзьях-товарищах - ветеранах 2-й мировой войны, около 4-х лет был пресс-секретарем ветеранской организации г. Нетания, руководил лекторской группой в одном из городских общественных клубов г. Нетании.

В Израиле в соавторстве с Гарри Фельдманом написал и опубликовал книги:

«Поведай о том детям и внукам своим», изд-во «Эльброн», Израиль, 2007 г.,

«Судьбы и думы “русских” израильтян», изд-во «Компас», Израиль, 2008 г.,

«Во имя исторической правды», изд-во «Компас», Израиль, 2010 г.,

«Нетания – история и современность», Израиль, 2010г.,

«В грозном зареве войны», изд-во «Компас», 2011 г.

Кроме того И. Рейтман написал и издал:

. «Некоторые актуальные вопросы еврейства», изд-во «Компас», Израиль, 2008 г.

«Поиск и судьба десяти потерянных колен Израилевых и затерянных еврейских общин», изд-во «Компас», Израиль, 2009 г.

В 2008 году Иосиф Рейтман был удостоен Диплома и званий Лауреата Израильского конкурса на лучшее историко-литературное произведение о воинском подвиге в годы 2-й мировой войны и Лауреата премии фонда увековечивания воинского героизма имени Ицхака Зандмана.

В 2012 году он был удостоен этого звания вторично

В Израиле награждён медалью «Борец против нацизма», несколькими юбилейными медалями и почётными грамотами

Уже в доме престарелых ему были вручены Почётная грамота Нетанийского горсовета, Диплом об избрании его Действительным членом Российской академии русской словесности, медаль в честь 70-летия Победы над фашистской Германией, а до этого – и свидетельство о присвоении ему звания «Почётный член Союза ветеранов Второй мировой войны».

Летописец партизанской славы

К знаменитому памятнику «Партизанская шапка», что стоит у кромки леса по дороге Симферополь – Алушта уже многие десятилетия возлагаются цветы седовласыми ветеранами, бывшими отважными народными мстителями, их детьми, внуками и правнуками. В день свадьбы к нему приезжают

молодожёны, чтобы отдать дань уважения отважным и мужественным защитникам Родины, которые 900 дней и ночей вели ожесточённую борьбу в тылу врага и победили. При этом, к сожалению, всё реже вспоминается, что автор этого мемориала – активный участник тех героических событий прославленный партизанский пулемётчик, комиссар 21-го

отряда Северного соединения, бывший симферополец, а после репатриации – нетанец Эммануил Грабовецкий.

Этот памятник воспроизведён на открытках. Он стал символом героического прошлого народа-победителя. Ему посвящены стихотворения и песни, например, вдохновенные строки известной поэтессы Риммы Казаковой:

*«У каменной папахи
Стою, как зверь больной.
И камни тут пропахли
Далёкою войной.
Как страшен тихий камень,
Когда такой незлой,
Он пахнет не веками,
А кровью и золой.
И нет тоски и праха,
Горит роса в траве.
И мне носить, папаха,
Тебя на голове».*

Перед вероломным нападением гитлеровских полчищ на Советский Союз Эммануил прошёл срочную службу в армии и был полон творческих планов. Но недолго длились его трудовые будни. Уже в начале войны, 23 июля 1941 года, он стал командиром танка Т-40 и вскоре в составе 51-ой армии принимал участие в кровопролитных сражениях в Крыму. После тяжелейших боёв с немецко-фашистскими захватчиками под Алуштой 4-5 ноября и отступления на Севастополь ему пришлось взорвать свою подбитую боевую машину и вместе с группой попавших в окружение однополчан уйти в лес к партизанам.

Вскоре он зарекомендовал себя отважным пулемётчиком и был назначен политруком. Ему

пришлось таскать за собой не только пулемёт, но и портативный типографский станок, на котором при его активном участии было выпущено несколько номеров партизанской газеты «За Советский Крым» и множество листовок. В немногие свободные минуты он доставал свой блокнот и делал зарисовки, ставшие впоследствии картинами, экспонировавшимися на международных выставках во многих странах мира («Коммунисты, вперед!», «Партизанский аэродром», «Крымские партизаны» и многие другие).

Во время многочисленных «прочёсов», когда всё ту же сжималось окружение отряда значительно превосходящими силами карателей и звучала команда «Ни шагу назад!», под аккомпанемент метких пулемётных очередей звучал его властный призыв: «Коммунисты, вперёд!». И это часто решало успешный исход сражения.

«1-го августа 1942 года, в критический момент боя, пулемётчик Грабовецкий проявил исключительную выдержку, мужество и стойкость, чем обеспечил прикрытие и спасение более ста человек партизан, выходявших из окружения» – записано в одной из его характеристик.

В другой отмечается, что в феврале 1943 года во время одного из боёв Эммануил был ранен, но не ушёл с поля боя, а продолжал сражаться с врагом.

Известный советский писатель Илья Вергасов в книге «В горах Таврии» (издательство художественной литературы «Днипро», Киев, 1969год) так характеризует Грабовецкого: *«Художник. Человек*

интеллигентный, обходительный, но лучшие свои картины он написал за ручным пулемётом..., на машинах влетал в гуцу фашистов и расстреливал их с ходу».

В другом своём произведении «Крымские тетради» (издательство «Советский писатель», Москва, 1969 год) писатель подчёркивает чрезвычайную скромность героя.

«На выставке, где он демонстрировал свои полотна, волновался, как первоклассник, и никто не догадывался, что на груди этого человека, бывшего комиссара партизанского отряда, горит боевой орден «Красного знамени».

В марте сорок четвёртого после тяжёлого ранения Грабовецкий был эвакуирован из отряда.

Его подвиги отмечены орденами Красного Знамени, Отечественной войны первой степени, орденом Украины «За мужність» (за мужество), медалями «Партизану Великой Отечественной войны», «За освобождение Севастополя», «За победу в Великой Отечественной войне» и другими.

Когда отгремели залпы войны и победного салюта, отважный воин всецело отдался любимому творчеству. Ещё до войны им были сделаны первые шаги в книжной графике. Работая в «Крымском комсомольце», он оформлял газетные полосы, готовил рисунки к праздничным номерам, проиллюстрировал ряд книг. Однако его талант во всём величии раскрылся лишь в послевоенный период. Об изданном в то время романе Е. Поповкина «Семья Рубанюк» С.Н. Сергеев-Ценский писал: *«Книга издана очень*

культурно, а Грабовецкий (не знаю, крымский он художник или московский) очень талантливо её проиллюстрировал».

Вернувшись в Симферополь после его освобождения, Эммануил Грабовецкий 35 лет работал художником в газетах, в том числе в «Крымской правде», не забывая при этом и партизанскую тематику, о чём свидетельствуют его гравюры «Не спится только ветерану», «Привал на Бурульче», «Рельсовая война» и ряд других. Им создана целая галерея портретов известных военных. А его очерки о них, например, о Герое Советского Союза, депутате Верховного Совета СССР Басане Городовикове «Чудобогатырь калмыцкого народа» (газета «Комсомолец Калмыкии», 15 ноября 1990 года) раскрывают Эммануила и как незаурядного журналиста. Им оформлено около двухсот книг, среди них «В горах Таврии» Вергасова, «Пламя над Крымом» Македонского, произведения Щипачёва и многих других.

Однако художник не замкнулся на книжной графике. Посетители его периодических выставок, любуясь его чудесными акварелями, имеют возможность убедиться в широте творческого диапазона их создателя, а экслибрисы Грабовецкого с успехом экспонировались на международных выставках в Италии, Югославии, Чехословакии, Польше, Румынии, Венгрии, Германии и Дании.

В 1944 году, после освобождения Крыма от немецко-фашистских захватчиков, состоялась первая выставка крымских художников. На ней, как и на всех

последующих выставках крымчан, работы Эммануила Грабовецкого пользовались большим успехом.

Накануне Дня Победы в 1988 году персональная выставка работ художника состоялась под эгидой еврейского общества «Яд Эзра» в республиканском краеведческом музее.

Ещё задолго до его репатриации в 2001 году, о нем проникновенно рассказывалось в очерке «Художники на войне» в израильском журнале «Слово инвалида войны» (1995 г., N 11-12).

А в 19-ом номере этого издания (2005 год), приуроченному к 60-летию Великой Победы, отважному воину и прославленному художнику посвящён очерк «Почёт и уважение старейшинам».

Еженедельник «Коль а-Шарон» (№ 73 от 10.12.2004 г.) в очерке «Летописец партизанской славы» рассказал читателям о боевом и творческом пути Эммануила Грабовецкого. Об этом поведала своим радиослушателям накануне 60-летнего юбилея Победы и радиостанция «РЭКА».

Неоднократно уделяла внимание отважному партизанскому пулемётчику, прославленному деятелю искусств, члену Союза художников СССР и газета «Новости недели». А в её приложении «Еврейский камертон» за 3 августа 2006 года ему посвящён целый разворот «Художник и воин» (автор очерка доктор искусствоведения Михаил Пекаровский).

В помещении же Крымской организации Союза художников Украины на стенде, посвящённом ветеранам войны «Они сражались за Родину», достойное место занимает и Эммануил Грабовецкий,

искусство которого и поныне в строю. Оно продолжает жить нестынувшей болью о павших товарищах, воспекает их подвиги, взывает к миру во всем мире. К 60-летию победы в Великой Отечественной войне Крымское отделение национального Союза художников Украины организовало выставку произведений изобразительного искусства. В пяти залах и вестибюле, на двух этажах выставочного комплекса разместились сотни замечательных полотен прославленных крымских мастеров кисти. В их числе три графические работы Эммануила Грабовецкого, а также картина известного художника Н.Ф. Бортникова «Комиссар партизанского отряда Э. М. Грабовецкий».

Триптих (линогравюры)
«Не спится только ветерану»

О жизненном, боевом и творческом пути Эммануила Марковича проникновенно рассказано в очерке «Дорогие мои аиды...» в рубрике «Жизнь замечательных людей» газеты Крымского еврейского общества «Хаверим» (№ 97(4), май 2007 г.).

В последние годы неутомимый труженик с упоением писал восхитительные пейзажи исторической родины и, в частности, нашей прекрасной Нетании.

До последних дней своей яркой жизни талантливый мастер кисти продолжал радовать окружающих своим искусством.

Написанная им незадолго до смерти замечательная жизнеутверждающая миниатюра «Маки» как бы завещает нам и грядущим поколениям цветущее и радостное будущее.

А его творение – шедевр увековечило его память и на Святой Земле: согласно предсмертному желанию на его могиле в Нетании установлен памятник в виде уменьшенной копии «Партизанской шапки».

Творческое долголетие ветерана стало возможным, кроме всего прочего, ещё и благодаря постоянной поддержке его дружной семьи, всех её поколений. Немаловажную роль в этом сыграла верная, преданная спутница жизни Эммануила –

жена Нина Абрамовна, с которой они прожили в любви и согласии 60 счастливых лет. Дочь Виктория с огромной любовью и профессионализмом систематизировала его богатейший архив. Внучка Валя обеспечивала дедушку необходимыми для работы

материалами. Правнучка Нина подсказывала темы для новых произведений. К тому же она преподнесла прадедушке прекрасный подарок, став победительницей Международной Олимпиады по русскому языку в Москве. Радовали и младшая дочь Мария, ещё одна внучка Валя, и правнук Илюша, каждый год навещавшие Эммануила.

А сколько стараний, тепла и любви вложили все поколения дружной семьи Эммануила Марковича в подготовку посмертной выставки его талантливых произведений, дав многочисленным (более 150) посетителям их гостеприимной квартиры возможность ещё раз насладиться Высоким искусством.

На ней в различных экспозициях представлено 363 картины, 79 (из более 100) художественно оформленных им книг и брошюр, множество экслибрисов и других творческих работ. Эмоциональные же пояснения членов семьи к каждому экспонату как бы оживляли его.

«Оставаться равнодушным во время просмотра было просто невозможно. Ведь каждая картина вызывала не только восхищение, но и навевала нежные воспоминания, приятные ассоциации, глубокие раздумья, а порой и лёгкую грусть. Это ли не верный признак Высокого Искусства?!» - говорится в одном из многочисленных восторженных отзывов.

В другом читаем:

«Уважаемые родные Эммануила Грабовецкого!

Нетанийское отделение Союза воинов и партизан – инвалидов войны с нацистами выражает вам огромную благодарность за организацию прекрасной

выставки, увековечивающей светлую память бесстрашного комиссара, летописца партизанской славы, талантливого художника и замечательного Человека, нашего боевого побратима – Грабовецкого Эммануила Марковича.

Такие люди, как вы, не на словах, а на деле воплощают в жизни принцип «Никто не забыт, ничто не забыто!»

Радуемся большому успеху выставки. Гордимся вами!

Председатель отделения Михаил Богуславский.

(Кстати, Михаил – профессиональный художник. Поэтому его отзыв особенно дорог семье.)

А дважды землячка прославленного мастера кисти, ветеран Второй мировой войны Инесса Беднарчик так выразила свои чувства:

«За выставку эту спасибо вам!

Папе Вашему – память вечная...

Его жизнь и талант – пример всем нам.

А вашей семье – благодарность сердечная!»

Своё восхищение выставкой и её организаторами высказала и учительница английского языка Лина Щелкова:

«Имеет ли право дилетант судить об искусстве? А если слёзы наворачиваются? Я не часто бываю на выставках, но всегда задаю себе вопрос: хотела бы я повесить это у себя на стене? Очень даже! Картины притягивают, не оторваться! Нежные, точные, до мельчайших деталей воссоздающие пейзаж, и в то же время не копии, а рисунки, сделанные в определённом стиле, том, что в литературе называют «Larger than life», как бы говорящем: «Посмотрите, как здорово!»

За картинами скрывается необыкновенная личность художника, умевшего увидеть и передать красоту окружающего мира.

Огромное спасибо родным, которые в непростых условиях репатриации, смогли сохранить наследие этого талантливого человека».

– Элиза Серман, радиожурналист, вдова известного крымского поэта Бориса Сермана, друга детства Эммануила Грабовецкого:

На картинах мастера – Южный берег Крыма

«Казалось, я вернулась в Крым, в свою молодость. Я смотрела на картины и вновь видела улицы, по которым так часто ходила. На меня глядело знакомое небо с чуть разорвавшими его голубизну плывущими облаками. Кажется, можно было дышать горным и морским воздухом Крыма.

Опять и опять пики гор, удаляющийся по морской глади корабль, деревья, цветы, старинные замки Алупки».

– Атаевы, Рабинович, Беер Шева.

«Поражены плодovitостью художника, умением работать во множестве жанров с большим успехом. Чудные южные пейзажи, особенно хороши гравюры и книжная графика, миниатюры.

Выставка очень познавательна и хорошо организована. Работы создают настроения радости, счастья и желание творить».

Прекрасно подытоживает всё высказанное на выставке, ставшей знаменательным событием не только в Нетании, стихотворение члена Союза писателей, профессора Бориса Брусиловского «Большая правда о войне».

Эти стихотворные строки как бы накладывают последние мазки на портрет мастера кисти – летописца партизанской славы, воспевающего своим творчеством безгранично любимый им Крым и волшебную красоту Израиля. Борис Брусиловский

Большая правда о войне

*Круг очевидцев той войны
Становится всё уже.
О той эпохе реже сны,
А с памятью всё хуже...*

*О тех боях, о той весне
Не всё потомок знает.
Большая правда о войне
Порою в дымке тает.*

*Но вдруг сердца разбередит
Великой правды сила!
Она на выставке глядит
С картин Эммануила.*

*Глядит и трогает сердца
Без фальши, без изъяна.
Глазами страстного бойца,
Глазами партизана...*

*Тылы врага атаковал.
Броски, как сход лавины.
А на привалах рисовал
Эскизы и картины.*

*Талант признание нашёл
В послевоенном мире.
Он по-особому расцвёл:
Стал ярче, глубже, шире.*

*Вот «Шапка». Партизанский дар.
Цветы у пьедестала.
Он, легендарный комиссар –
Творец мемориала.*

*Заслуг в Крыму не перечесть.
В советском, постсоветском.
Сегодня я сочту за честь
Писать о Грабовецком.*

*Сегодня выставка картин
Святые чувства будит...
Художник, воин, патриот,
Он жил, живёт, жить будет!*

Однако природа берёт своё и этого прекрасного талантливейшего человека уже нет среди нас. Но светлую память Эммануила Марковича Грабовецкого олицетворяют не только множество его прекрасных художественных полотен, экслибрисов, оформленных им книг и сооружённый по его завещанию на могиле памятник в виде уменьшенной копии спроектированного им монумента «Партизанская шапка», но и многочисленные мероприятия и выставки к его 100-летию в Израиле и в Крыму, подготовка к достойному ознаменованию 105-й годовщины со дня его рождения, а также этот очерк о нём.

Пусть же этот очерк будет данью светлой памяти редкой скромности и огромного таланта Человеку, сделавшему очень много для того, чтобы вечно помнили бессмертный подвиг его народа.

Яркий след в жизни

В одной из статей израильской газеты «Новости недели» я встретил утверждение: *«история человечества – это история биографий людей»*. Трудно не согласиться с этим утверждением. Известно, что недобросовестные политики и историки нередко переписывают историю в соответствии со своими взглядами и политической конъюнктурой. Но невозможно переписать биографии непосредственных очевидцев и участников исторических событий, подтверждённых подлинными документами, выданными в разгар событий. Такими биографиями, в частности, являются биографии с воспоминаниями ветеранов Второй мировой войны. Несомненно, они будут использованы при написании подлинной истории XX века, насыщенного, как никогда до него, многими трагическими событиями в жизни человечества в целом, и особенно – в жизни еврейского народа. Надеемся, что и наш рассказ об инвалиде Второй мировой войны Семёне (Шломо) Фишмане заинтересует будущих историков, поскольку его биография – это, в сущности, биография тысяч его сверстников и представляет собой целый пласт истории российских евреев в XX веке.

Начало XX века. В небольшом еврейском местечке Старая Ушица на берегу Днестра, недалеко от украинского города Каменец-Подольский мирно жила многодетная еврейская семья Мордки и Сары Фишман. Чтобы как-то содержать себя и десятерых детей, родители трудились в поте лица своего – отец Мордке был переплётчиком книг, а Сара занималась крашением тканей и одежды для жителей местечка. Трудные это были годы в России, где жила эта семья. В целом ряде мест произошли еврейские погромы, затем революция 1905 г., Первая мировая война, Гражданская война, Февральская и Октябрьская революции. И все эти события сопровождались голодом. В этих непростых условиях родителям Фишман надо было кормить, одевать и воспитывать детей, выдать замуж дочерей. Дети подрастали, создавали свои семьи, разъезжались по белу свету. А когда отцу стукнуло 52 года, а матери 47 лет, в мае 1922 года у них родился одиннадцатый ребёнок – сын Семён (Шломо). Так назвали его, очевидно, чтобы он обладал мудростью прославленного древнееврейского царя Соломона (Шломо). Быть может, что имя, данное человеку при рождении, влияет на его судьбу. И в самом деле, Семён рос умным, способным и активным мальчиком. Ещё до шестилетнего возраста он уже начал обучаться в еврейской религиозной школе для мальчиков (в хедере). А затем его сестра Рахель, учительница младших классов еврейской средней школы, отдала Семёна в 1-й класс этой школы.

Даже сейчас, на склоне лет, Семён с огромной благодарностью вспоминает свою сестру Рахель. Она

не только помогала ему в учёбе, но и заложила, как он утверждает, основные черты его характера, в том числе любовь и уважение к окружающим его людям, умение размышлять и анализировать события. Быть может, это в немалой степени помогло Семёну выжить в последующих трагических событиях начала войны 1941-1945 гг. В ещё большей степени указанные черты характера Семёна сказались на его дальнейшей судьбе и помогли ему заслужить авторитет и уважение окружающих его людей.

В предвоенный период в Советском Союзе большое внимание уделялось воспитанию у молодёжи чувства патриотизма и преданности Родине. Неудивительно поэтому, что школа, в которой учился Семён, привила ему эти качества. Она же выявила у него хорошие организаторские способности.

Сталинская национальная политика в довоенный период была направлена на создание у населения мировоззрения дружбы народов. Антисемитизм на государственном уровне тогда рассматривался, чуть ли не как преступление. Хотя на бытовом уровне его проявления нередко случались.

Понятно, что в такой ситуации Семён, 18-летний юноша, смог стать депутатом своего поселкового совета, исполняя обязанности секретаря, а также начальника военно-учётного стола. А через некоторое время в связи с болезнью председателя поселкового совета он стал выполнять и его обязанности.

Накануне войны Семён окончил среднюю школу с отличным аттестатом.

Но вот грянула война. 22 июня 1941 года немецко-фашистские войска без объявления войны вероломно вторглись в Советский Союз. Окрылённые победами над странами Западной Европы, пользуясь внезапностью нападения и сосредоточив большие силы войск и военной техники, они чёрной тучей быстро продвигались вглубь территории СССР. Вскоре опасность нависла над районом, где располагалась Старая Ушица. В этих условиях на плечи Семёна легла вся тяжесть административного руководства его местным советом. Как исполняющий обязанности председателя совета он в одночасье должен был изыскивать транспортные средства для эвакуации организаций, помогать появившимся здесь беженцам из Бессарабии, предоставлять им жильё, эвакуировать местных жителей, пожелавших уехать, выделять людей на строительство оборонительных рубежей вдоль берега Днестра, заниматься массой других дел в экстремальных условиях.

В этой непростой и неожиданной ситуации Семён Фишман, его товарищи и многие жители не сразу поняли, как довольно быстро они оказались в тылу наступавших немецко-фашистских войск. Вышее Советское руководство страны ни до начала войны, ни в начальный её период не предупреждало еврейское население о зверствах фашистов по отношению к евреям в захваченных ими восточных областях Польши. Поэтому много евреев не эвакуировалось, так как жили воспоминаниями о добропорядочности немцев по отношению к евреям в 1918 г. в Украине. Однако было известно о преследованиях фашистами

комсомольцев, коммунистов и советских активистов. Поэтому, по заданию Советских властей, всему местному активу, в том числе и Семёну Фишману, предложили временно эвакуироваться. Тогда ещё надеялись, что части Красной Армии на рубеже Днестра остановят фашистов. Актив Старой Ушицы ушёл из местечка. Но на следующий день на заседании райкома партии Семёну дали задание вернуться в Старую Ушицу для того, чтобы уничтожить находившийся там районный архив, а также раздать населению товары со складов, которые не успели вывезти. Рискуя жизнью, Семён выполнил задание и только после этого двинулся в тяжёлый путь отступления на восток, чтобы не попасть в руки фашистов.

Пришлось Семёну в пути перенести бомбёжки и обстрелы, недоедания, столкнуться с немалыми опасностями, которые могли стоить ему жизни. Он взял с собой ряд документов, которые свидетельствовали, что он еврей и советский активист: паспорт, военный и комсомольский билеты, депутатское удостоверение.

Наличие вышеперечисленных документов у Семёна во вражеском окружении свидетельствует о том, что он готов был идти на риск, чтобы доказать свою преданность Родине.

Он вышел из Старой Ушицы 11 июля 1941 года. Шёл день за днём, оставляя вместе с отступающими Советскими войсками города и другие населённые пункты – Летичев, Литин, Винницу, Немиров, Гайсин, Гайворон, Умань. В пути он пытался найти какой-

нибудь военкомат, чтобы его зачислили в Красную Армию, но все они уже эвакуировались.

В этом рассказе автор использовал многие факты биографии Семёна Фишмана из его книги воспоминаний «Страницы жизни», написанной хорошим русским языком, талантливо, что свидетельствует о литературных способностях Семёна Фишмана. Книга отмечена дипломом лауреата конкурса на лучшее историко-литературное произведение о воинском подвиге в годы 2-й Мировой войны фонда Союза воинов и партизан – инвалидов войны против нацизма.

Автор настоящего рассказа сопровождает многие факты военной биографии нашего героя комментариями, в определённой степени обобщающими события того времени и дающими оценку характера и поведения Семёна Фишмана в экстремальных условиях войны.

Кратко отметим, какой была общая картина начала войны в 1941 году на пути следования Семёна Фишмана. Немецко-фашистские войска стремительно наступали, не встречая на своём пути сколько-нибудь организованного отпора Красной Армии. Были отдельные контратаки, перестрелки, небольшие артиллерийские дуэли, но в целом на пути следования Семёна на восток отступление нашей армии было хаотичным.

Еврейское население указанных мест было в растерянности. Многие еврейские жители оставались на своих местах, не желая бросать своих престарелых и больных родственников и насиженные места, не ведая

о смертельной опасности, которая их ждёт с приходом фашистов. Другие следовали призыву немцев возвращаться в свои родные места. Много евреев могли бы спастись, если бы вовремя были приняты эффективные меры к их спасению. Семен Фишман вместе с другими, бежавшими с ним, не раз попадали по дороге на восток под бомбёжки вражеских самолётов, под обстрелы вражеской артиллерии и танков. Измученные, голодные они добрались до городка Александровка, где вместе с отступающими военнослужащими погрузились в товарные вагоны и доехали до города Крюково на Днепре. Но мост через Днепр был уже разрушен, и Семён с военнослужащими вынужден был переправляться на левый берег Днепра, где стояли части Красной Армии, на плотках под интенсивным обстрелом фашистской артиллерии. Один из снарядов разорвался около плота, на котором был Семён, и он вместе со всеми находившимися на плоту оказался в воде. Сбросив отяжелевшую одежду и обувь, Семён плыл к левому берегу. Выбравшись на берег, Семен вместе с группой молодых людей направился к станции Лозовая, а оттуда поездом до Краснодара на Кубани, а затем их направили к станции Удобная. Здесь Семёну удалось попасть в военкомат, и он обратился с просьбой зачислить его добровольцем в ряды Красной Армии. 18 октября 1941 г. Семён Фишман стал солдатом Красной Армии.

Первоначально его как имеющего среднее образование направили в Челябинское военное училище. Но оно оказалось укомплектованным. Тогда

его взяли в формировавшийся там 605-й артиллерийский полк для действующей армии. В этом полку Семён получил хорошую подготовку в качестве топографа-вычислителя. Этому способствовали его среднее образование и незаурядные способности к познанию точных наук. Знание топографии не раз выручало Семёна в дальнейшем, когда ему приходилось ориентироваться в сложных условиях боевой обстановки.

В июле 1942 года Семён вновь оказался в окружении врага. Если в 1941 году это произошло с ним, как с гражданским лицом, то летом 1942 г. уже в качестве солдата 162-й стрелковой дивизии Красной Армии. А было это так. В 1942 году Советское командование решило провести наступательную операцию в районе гор. Харьков, захваченного фашистами. 12 мая 1942 года войска Юго-Западного фронта, в состав которого входил 605-й артиллерийский полк 162-й стрелковой дивизии, перешли в наступление. На первом этапе операция развивалась успешно. До Харькова оставалось 20 километров. Но в самый ответственный момент командование фронта промедлило с вводом в сражение танковых соединений. А когда танки были введены в бой, стрелковые части уже истощили свои силы. Немцы тем временем подтянули мощные свежие силы своих войск и нанесли контрудар по частям нашего Юго-Западного фронта. 29 мая 1942 года операция закончилась серьёзным поражением и окружением наших войск.

По сводкам германского командования, советские войска, попав в окружение, потеряли 240 тысяч человек пленными, 2026 орудий и 1249 танков.

Тогда под Харьковом из окружения выбралось лишь несколько частей Красной Армии. Немцы к концу июля продвинулись на 150 – 400 км, заняли весь Донбасс, овладели Воронежем и 25 июля 1942 г. захватили Ростов.

Семён на себе испытал последствия контрудара немцев. *«Вместе с бомбами, – вспоминает он, – фашистские самолёты сбрасывали железные бочки с дырками, издававшие при падении жуткий шум и рёв. Вокруг был настоящий ад: свист пуль и снарядов, разрывы бомб, крики людей соединялись в жуткую какофонию».*

Артдивизион, в котором был Семён, отходя, вёл артиллерийский огонь по врагу прямой наводкой. В ходе боёв Семён участвовал в доставке боеприпасов из замаскированных складов в свой артдивизион. Он же был в составе охраны этих складов. Вскоре, в связи с отступлением наших войск, эти склады были взорваны с участием Семёна. И после уничтожения складов немцы, полагая, что в их расположении много советских войск, усиленно бомбили эти места. А наши войска отступали на восток. Солдаты разрозненными группами, в одной из которых был Семён, отступали, прячась в дневное время и продвигаясь на восток по ночам. Однажды Семён оказался среди группы немецких солдат, естественно, без оружия и знаков отличия. Ему удалось не привлечь к себе внимания, и

его приняли за местного жителя. Был он и в кратковременном плену у румынских солдат. Грязные, в оборванных одеждах наши солдаты не вызывали особых подозрений у наступавших вражеских войск. Местное население сочувственно относилось к отступавшим солдатам и не раз помогало им едой и ночлегом. Семёну же как еврею всякий раз угрожала смертельная опасность, но каким-то чудом ему удавалось спастись. Сейчас, по прошествии многих лет, он рассказывает обо всём со свойственным ему спокойствием. Но стоит подумать, чего это стоило ему, когда он был в гуще врагов, которым ничего не стоило его в любой момент запросто расстрелять. Так шёл он, преодолевая страх и опасные для жизни ситуации, шёл к реке Дон, на левом берегу которого стояли наши войска. Вдоль правого берега уже были сооружены немецкие траншеи. Очень непросто было пробраться к своим. Несколько дней, укрываясь, пролежал Семён, наблюдая за немцами в траншеях. Однажды ночью он выбрал удобный момент и, убив имевшимся у него штыком стоявшего у него на дороге немца, добрался до берега Дона. Умея хорошо плавать, Семён бросился в реку. Он долго плыл. То ныряя под воду, когда немецкие ракеты освещали поверхность реки, то всплывая на поверхность воды. Наконец он добрался до камышей у левого берега Дона. Его задержали красноармейцы и несколько километров вели к начальнику СМЕРШа. Вот тут-то спасли Семёна сохранившиеся у него документы. Не будь их, посчитали бы его предателем с вытекающими от этого тяжёлыми последствиями.

Не счесть числа советских солдат и офицеров, которые не по своей воле попадали в окружение или в плен к врагу. Они часто вынуждены были ликвидировать свои документы, сумели возвратиться к своим, преодолевая на пути смертельные опасности, а их считали предателями и отправляли в специальные лагеря для проверки. Семёну повезло. После проверки документов его провели в штаб воинской части, где высшие офицеры тщательно расспросили его обо всём им увиденном на пути следования к Дону. Все эти ценные сведения были потом использованы войсковым командованием.

Семёну выдали новое обмундирование и направили его в 196-й армейский (запасной) полк, которым командовал полковник Бурштейн. Командир полка после продолжительной беседы с Семёном, убедился, что перед ним грамотный и толковый солдат. Узнав, что Семён хорошо подготовлен в качестве военного топографа-вычислителя, командир полка назначил его на должность командира топовычислительного отделения артиллерийского дивизиона. Семёну было поручено вести подготовку топографов-вычислителей для воинских частей, действовавших в Сталинградском сражении.

До декабря 1942 года Семён успешно подготовил несколько групп топографов-вычислителей для фронта. После этого, в конце 1942 года, дивизион, в котором служил Семён, был направлен для участия непосредственно в Сталинградском сражении.

Семён в составе небольшой группы красноармейцев получил назначение в 75-й отдельный

батальон связи 1-го Гвардейского механизированного корпуса, которым командовал генерал-лейтенант Иван Никитич Руссиянов. Там Семёна назначили связистом на центральную телефонную станцию батальона, которая обеспечивала связью генеральский наблюдательный пункт. В задачу Семёна входило обеспечение бесперебойной связью наблюдательного пункта генерала. В случае разрывов на линии связи Семён был обязан немедленно их устранять. Не раз приходилось ему под обстрелом с вражеских позиций ползком добираться до мест разрывов проводной связи, устранять их и докладывать по переносному телефону о выполнении заданий. Генерал Руссиянов отмечал хорошую работу связистов не только за бесперебойную связь, но и за неоднократное участие в боях по уничтожению фашистов, которые связистам приходилось вести с мелкими и более крупными их группами в Сталинградском сражении.

После завершения Сталинградской битвы наступил перелом не только в истории Отечественной войны 1941-1945 гг., но и в военной биографии Семёна Фишмана. Закончился у него период отступления на восток вместе с частями Красной Армии до реки Волги, и началось, хотя и с тяжёлыми боями, героическое наступление вперёд, на запад до полного разгрома коричневой чумы – фашистской Германии.

В качестве связиста Семён принимал непосредственное участие в освобождении Донбасса. Он вспоминает о бесконечных разрывах кабеля, о свисте пуль и осколков снарядов и мин при устранении разрывов с целью обеспечения связи командования

корпуса с его передовыми частями. Он вспоминает, как ему, рядовому солдату, приходилось переползать из воронки в воронку, прячась между убитыми и обжигая пальцы раскалёнными осколками снарядов.

Он с гордостью показывает бережно сохраняемое им удостоверение «Участнику боёв за освобождение Донбасса от немецких захватчиков» с благодарностью Верховного Главнокомандующего, подписанное самим прославленным командиром корпуса генералом Руссияновым, начальником политотдела корпуса Ильяшкиным и начальником штаба Марковым. В этих боях сам Руссиянов прикрепил к гимнастёрке С. Фишмана его первую и самую дорогую для него награду – гвардейский знак.

На последнем этапе войны Семён Фишман оказался во 2-й пулемётной роте 2-го батальона 325-го гвардейского полка 129-й гвардейской стрелковой дивизии. Здесь он служил до сентября 1945 года. Таким образом, за время своих боевых действий Семён овладел третьей после топографа и связиста военной специальностью – пулемётчика.

Пулемётчик всегда впереди наступающих войск. Ему первому достаются пули снайперов и мины врагов. В качестве пулемётчика Семён участвовал в боях за освобождение Карпат и вместе со своим полком первым в армии вышел на границу с Чехословакией.

В последующем, уже на земле Чехословакии, Семён Фишман был избран парторгом пулемётной роты, которой командовал молодой и мужественный старший лейтенант Владимир Перелыгин. Выполняя

нелёгкие в боевой обстановке обязанности парторга, Семён выпускал также «Боевые листки» и «Молнии», которые пользовались успехом не только у личного состава роты, но материалы из них публиковались в дивизионной газете «Гвардейский удар» и даже в армейской газете «За нашу Родину». Вот тогда проявились литературные способности Семёна Фишмана.

Генерал-лейтенант
Герой Советского Союза
И.Н. Руссиянов

Семён Фишман со своими
братьями – участниками 2-й
Мировой войны.

Слева направо:
Яков, Абрам, Семён

В марте 1945 года Семён участвовал в Моравско-Оставской наступательной операции своего гвардейского корпуса в качестве пулемётчика. Это был последний, самый трудный и решительный бой нашего

героя за время войны. Немецко-фашистские войска расположились в мощной, долговременной линии обороны, построенной в Чехословакии ещё до начала Второй мировой войны. Фашисты защищали здесь важнейший район военной индустрии Чехословакии, необходимый им для продолжения войны. Части 1-й Гвардейской армии, где служил Семён, овладевшие немалым боевым опытом, проявляя мужество и отвагу, сумели в ходе боёв сломать оборону врага, форсировать реку Висла, а затем и реку Одер, захватить Моравско-Оставу и спасти от уничтожения не только этот город, но и военные заводы, а затем устремились к Праге. Семёну в ходе боёв пришлось переплыть Вислу в зимних условиях, в полной боевой выкладке и участвовать в захвате плацдарма на вражеском берегу Вислы.

В этих боях Семён был контужен, временно оглох и потерял сознание. По опубликованным в печати воспоминаниям гвардии капитана В. Перелыгина, бывшего командира роты, в которой служил Семён, и свидетельским показаниям его командира батальона гвардии капитана М.А. Каменского, когда Семён после контузии пришёл в себя, его решили отправить в медсанбат на излечение, но он категорически отказался. Свой отказ Семён мотивировал тем, что накануне он получил сообщение о зверской расправе фашистов с его родителями и сёстрами, и поэтому у него нет морального права отправиться в госпиталь, не отомстив за совершённые злодеяния. Вся рота, воодушевлённая поступком Семёна, решила отомстить фашистам за гибель родных своего парторга и боевого

товарища. Это ли не яркое свидетельство авторитета Семёна в роте и высокого боевого духа, и взаимовыручки первогвардейцев.

Семён продолжал воевать, и за бои под Моравско-Островой был удостоен высшей солдатской награды – ордена Славы 3-й степени. Этим орденом награждали солдат за выдающиеся самоотверженные подвиги в боях.

Семён участвовал в боях до самого последнего дня войны, познал горечь окружений и отступления Красной Армии на первом этапе войны, участвовал в самом кровопролитном и переломном в ходе войны Сталинградском сражении. Он проявил личное мужество и героизм в ходе наступательных боёв в составе прославленной 1-й гвардейской армии. В ноябре 1945 года его демобилизовали. Он нигде и никогда не посрамил звание представителя еврейского народа, доказал, что евреи умеют сражаться не хуже других, завоевал уважение и авторитет у своих боевых товарищей- первогвардейцев и даже у прославленного командующего гвардейским корпусом генерал-лейтенанта Руссиянова. А это дорогого стоит для солдата Семёна Фишмана.

Победа в войне досталась Семёну Фишману дорогой ценой. Он потерял своих расстрелянных фашистами родных, самых близких ему людей. Из 13 человек его семьи в живых остался он и два его брата – участники войны. Он потерял всех жителей своего еврейского местечка Старая Ушица. В живых там чудом осталась только одна его одноклассница Хана (Анна) Бирман. Он потерял многих сражавшихся

рядом с ним своих боевых товарищей. С великой скорбью он вспоминает о них и никогда их не забывает.

Обо всём, что произошло и досталось человечеству в XX веке, особенно еврейскому народу, и таким, как Семён Фишман, надо не только знать. Но и всегда помнить молодому поколению еврейского народа. Потому, что *«кто не помнит своего прошлого, обречён прожить его снова»*. (Джордж Сантаяна, 1863-1952гг., американский философ).

Помнить обо всём этом надо не только из уважения к подвигу ветеранов 2-й Мировой войны, но и потому, что в мире возрождается неонацизм, возникли всякого рода антиеврейские и антиизраильские террористические организации, готовые уничтожить нашу страну, находящуюся в окружении враждебно настроенных к ней государств.

А уж тем, кто отвергает или предаёт забвению героическое прошлое борцов против нацизма, следует знать, говоря военным языком: *«Кто стреляет из пистолета по прошлому, получит удар из пушки»*.

После войны Семён Фишман учился, работал главным бухгалтером ряда предприятий и организаций, заочно занимался и окончил Одесский инженерно-строительный институт, трудился на строительстве целого ряда объектов в сельском хозяйстве и в промышленности в Молдавии, занимался проектированием в институте «Молдкоммунпроект».

В 1950 году он женился на замечательной девушке Саре, награждённой медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». В 1952 году у

них родился сын Герш. Он женат, его жена врач-терапевт. Сын Герш много лет работал главным инженером больниц «Ланиадо» в Нетании, «Меир» в Кфар-Сабе и Центрального района больничной кассы «Клалит». Как депутат нетанийского горсовета он возглавляет постоянную комиссию по алие и абсорбции, уделяет значительное внимание ветеранским и другим общественным организациям. Большую работу Герш Фишман проводит и как ответственный за инженерную службу города, за разработку и внедрение перспективного плана развития Нетании. На это направлена и работа созданной и возглавляемой им фирмы. Свой огромный опыт и научные знания он передаёт будущим специалистам как преподаватель колледжа в Нетании.

Герш Фишман пользуется авторитетом у нетанийцев и как руководитель местного отделения партии НДИ и созданного им независимого движения «Римоним».

У Семёна талантливый внук Алик, уже женатый, работает электронщиком в американской фирме.

Будущее семьи Фишман

Семён с женой Сарой репатриировался в Израиль в 1990 году. Здесь он много лет являлся секретарём, а затем председателем Нетанийского отделения Союза воинов и партизан – инвалидов войны против нацизма. Он нередко публиковал свои статьи в израильской прессе и издал свою вторую книгу об израильском периоде своей жизни, за которую был удостоен звания Лауреата конкурса на историко-литературное произведение о воинском подвиге в годы Второй мировой войны. И в мирной жизни Семён Фишман продолжал проявлять себя как активная творческая личность.

До последнего своего вздоха он настойчиво добивался создания в Нетании музея бессмертного подвига Красной Армии и реформирования системы образования и воспитания в Израиле. Он был не только кавалером Ордена Славы, славной была вся его жизнь.

Заслуженное уважение

Очерк об этой женщине – любимой воспитанниками, их родителями, бабушками и дедушками в стране исхода педагоге, уважаемом на своей исторической родине активном общественном деятеле Евгении Флейтман был подготовлен мной более десяти лет тому назад. Он предназначался для включения в книгу «Судьбы и думы “русских” израильтян».

Но к моменту сдачи книги в печать мне пришлось писать о героине некролог.

Поэтому от помещения этого очерка в книгу пришлось отказаться, так как он абсолютно не гармонировал как с её названием, так и с основным замыслом авторов. Ведь у человека, ушедшего из жизни, дум, как известно не бывает.

Теперь же я безгранично рад появившейся возможности изложить в своей новой книге жизнеописание этой доброжелательнейшей, благороднейшей, порядочнейшей и мудрейшей женщины, значительно облегчившей первые, самые трудные шаги на своей исторической родине тысячам новых репатриантов. И для моей семьи Женечка (так её с нежностью и любовью называли почти все, кому с ней приходилось общаться) была здесь одной из самых первых не просто знакомых, а друзей.

Евгения Флейтман была педагогом не только по образованию, но и по призванию. Она, после преподавания в средней школе, работала директором большого детского комбината в украинском городе Кривой Рог, всецело отдавая труду свой талант, педагогическое мастерство, организаторские способности, житейскую мудрость и щедрую душу. Тысячи малышей-дошкольников получили там своё первое воспитание культуры, общечеловеческой морали, уважения к окружающим, чувства долга и патриотизма, что бы стать достойными гражданами своей страны.

Её авторитет в городе был удивительным. К ней за советом, за опытом и с различными просьбами обращались не только коллеги, но и многие высоко ценящие её отзывчивость люди.

Женя пользовалась большим авторитетом в городе, её фотография красовалась на городской доске почёта. Уважением в городе также пользовался и её муж Давид инженер-строитель, прошедший за 40 лет трудовой деятельности путь от мастера до заместителя генерального директора объединения Минтяжстроя СССР «Криворожжелезобетон».

Своим детям они создали условия для получения высшего образования: дочь Мила инженер-строитель, сын Александр авиаинженер. Ребята так же заслужили почёт и уважение в Украине и достойно трудятся в Израиле.

Через два месяца после репатриации со своей семьёй в 1991 году, ещё не успев овладеть даже азами иврита, Евгения как-то зашла в Гистадрут. Здесь сразу же заметили её способности. Когда же у неё поинтересовались, владеет ли она языком идиш, последовал ответ: Да! И это при том, что знания этого языка у неё было лишь на уровне детских воспоминаний о разговорах бабушки и дедушки между собой. Однако этого оказалось достаточно, чтобы её пригласили волонтером для оказания помощи новым репатриантам, нуждающимся в моральной и практической поддержке в новой для них стране.

Уже через несколько лет Евгения овладела не только языком идиш, но и ивритом, изучила израильское законодательство и стала квалифицированным социальным работником, оказывающим всестороннюю помощь и юридическую поддержку новым репатриантам из многих стран.

На этом поприще она также завоевала большой авторитет как ответственный работник, отзывчивый человек с доброй душой и щедрым сердцем. В полной мере организаторский талант Евгении Флейтман раскрылся в 1992 году, когда было создано Нетанийское отделение Всеизраильского объединения выходцев из Украины. Вскоре оно под её руководством приобрело огромную популярность в городе и заслуженную славу в стране.

В нём регулярно проводились содержательные лекции о еврейских традициях и культуре, по истории и о достопримечательностях нашей страны, по литературе, науке и медицине, а также консультации

по актуальным вопросам и встречи с интересными людьми. К услугам членов организации были захватывающие вечера отдыха, на которых можно было не только послушать любимую музыку, попеть, потанцевать, но и узнать много нового. Многие сотни нетанийцев – выходцев из Украины побывали на увлекательных экскурсиях по стране и за рубежом, оздоровились на Мёртвом море и в Эйлате. О всесторонней деятельности возглавляемой Евгенией Флейтман организации красноречиво свидетельствует моя публикация в газете «Вести» за 13 мая 2003 года «Заслуженная популярность».

На праздновании 50-летия независимости
Государства Израиль

На церемонии памяти погибшим в Бабьем Яру

С послом Украины Александром Хомяком

С поэтом Юрием Гариным

Евгения и Мила Флейтман с родителями Ехуда Барака

Представленные фотографии – наглядное свидетельство широкой общественной деятельности героини очерка.

«Не позволяй душе лениться !»

Когда началась война, героиня этого очерка Инесса Беднарчик в составе отряда старшекласников приняла участие в обороне Севастополя: спасала людей из-под развалин разрушенных зданий, обустроивала эвакуированных из Одессы, ухаживала за ранеными. Из города вместе с матерью ушла на одном из последних кораблей.

На фронт пошла добровольно и была направлена в 1-ю Польскую армию. В ее составе Инесса прошла от Луцка до Берлина, от солдата до лейтенанта связи (подпоручика), участвовала в освобождении Польши и Германии, отмечена польскими и советскими наградами.

Поручик Инесса Беднарчик (справа) и её фронтовые подруги во время Белорусской операции «Багратион»

1-я Польская армия. 1944 год

Довелось ей своими глазами увидеть трагедию 63-дневного Варшавского восстания, в котором погибли более 200 тысяч жителей города. На всю жизнь запечатлелись в памяти немногие из оставшихся в живых узников фашистской фабрики смерти – Майданека и серый, глядящий пустыми глазницами окон Берлин, где как бы в насмешку из каждой квартиры еще торчали фашистские флаги с надписью: «Берлин останется немецким!». На стене рейхстага оставила и свою надпись: «За родной Севастополь».

После окончания войны Инесса поступила в ГИТИС, но вскоре по просьбе своей матери, одиноко проживавшей в Севастополе, перевелась в Крымский педагогический институт. 32 года она проработала в школе учителем русского языка и литературы, была завучем школы, занималась общественной деятельностью, но главное – учила молодых педагогов всего себя отдавать работе, быть подвижниками. За это она впоследствии получала много благодарных писем от бывших учеников:

«..Вы нас учили любить жизнь и были уверены, что человек, любящий жизнь, будет трудиться с огоньком и излучать свет для всех тех, кто его окружает... Вы всегда были рядом с нами в радости и печали, помогали преодолевать трудности... пока мы сами стали хорошими учителями».

Уже почти пятнадцать лет живет Инесса Беднарчик со своими сыновьями, невестками и внуками в Израиле, и все эти годы свято соблюдает один принцип: «Не позволяй душе лениться!». Она не дает себе и своему сердцу стареть и, давно перешагнув

80-летний рубеж, не признаёт права на иждивенческие настроения. Более четырёх лет работала председателем женсовета Нетанийской организации ветеранов, сумела сплотить женский коллектив. Под её руководством была организована опека над больными, одинокими и немощными фронтовиками-ветеранами. Женщины добрым словом, сопереживанием и вниманием открывали дверь в души ветеранов, и это благотворно, порой лучше лекарств, сказывалось на самочувствии подопечных. По приглашению преподавателей русского языка проводит она беседы со старшеклассниками, рассказывая ребятам о героизме еврейских воинов на фронтах Второй мировой войны. Я был на её уроках и видел, с каким интересом внимают её рассказам школьники, к сожалению, очень мало знающие о борьбе человечества с фашизмом и о жертвах, которые понес еврейский народ в этой битве.

Взялась Инесса читать для русскоязычных репатриантов лекции по истории еврейского народа, эмоционально и увлечённо проводит литературно-музыкальные вечера. Её планы устремлены в будущее, поэтому все свои знания она щедро передает молодежи, помня о том, что юному поколению нужны не поучения, а примеры.

Боевое прошлое Инессы Беднарчик, отмеченное многочисленными боевыми наградами, известно многим нетанийцам. Но даже большинство из её многочисленных друзей и соратников не знают о её многогранной деятельности на ниве народного образования в стране исхода. А она более трёх

десятилетий не просто сеяла «разумное, доброе, вечное», а отдавала воспитанию подрастающего поколения всю свою щедрую душу и пламенное сердце. Её талантливая педагогическая деятельность выходила далеко за рамки официальной программы и за пределы школы. Прекрасный филолог Инесса Абрамовна умело использовала весь арсенал средств для высокоморального и патриотического воспитания молодёжи, подключив к этому благородному делу и выдающихся писателей.

И. Беднарчик – отличник народного образования
Украины

Об этом в своё время писала газета «Крымская правда» в корреспонденции «Письма из прошлого века» о конкурсе «Семейная реликвия»: «Разбирая

свой большой учительский архив, обнаружила чудом сохранившиеся письма известных писателей и поэтов советской эпохи, адресованные членам краеведческого кружка «Феодосия литературная», которым я руководила в школе № 1 приморского города, будучи учителем русского языка и литературы. Мы с ребятами посещали литературные места в Крыму и на Кавказе, вели переписку с известными писателями. О её значении и о наших встречах с писателями в Коктебеле, а также с жёнами Грина и Волошина писали журнал «Литература в школе» и «Учительская газета».

Вот некоторые из этих писем:

«4 ноября 1961 года. Литературному кружку школы № 1 Феодосии. Дорогие друзья! Выполняя вашу просьбу, сообщаю, что в Коктебеле я проводил свой отпуск ещё до Отечественной войны в 1939 году, в августе или в сентябре. Помнится, что там написаны мною стихи «Друзьям», «На старом дворе», «Рожь, рожь», «Дед Данила в лес идёт». После войны я был в Коктебеле осенью 1959 года и написал там стихи «Дорога дорог», а также работал над книгой «За далью – даль». Вот, кажется, и всё, что в моей работе связано с Коктебелем. Желаю членам литературного кружка вашей школы доброго здоровья и всяческих успехов, в первую очередь – в ученье. Александр Твардовский».

«Дорогие друзья! Извините за столь долгую задержку с ответом. Но ваше письмо пришло, когда я был в Минске, где снимается фильм по книге «Улица младшего сына». После этого я заболел и срочно

должен был уехать лечиться в Кисловодск. Приехав оттуда, начал разбирать скопившуюся обильную почту и отвечать на письма. На это также ушло много времени. В Коктебеле я отдыхал дважды. Но ни разу там не работал. У вас чудесные места для отдыха и для прогулок. А что касается Крыма, то с ним, и особенно с Керчью, у меня связана работа над одной из самых дорогих для меня книг – «Улица младшего сына», в которой рассказано о вашем крымском замечательном герое-пионере Володе Дубинине. Привет добрый! 31 марта 1962 года. Лев Кассиль».

«22 марта 1962 года. Дорогие ребята!, получил ваше письмо.

У вас в Феодосии я впервые был, когда мне было 9 лет – в 1924 году. Жил там лето вместе с родителями. А в следующий раз, и последний, – был под Новый год с 1941-го на 1942 год и в первые дни 42-го года. Был в то время, когда в Феодосии высадили десант и шли бои с немцами. Я был тогда корреспондентом газеты «Красная звезда» и писал о Феодосии и о том, что там происходило в те дни, очерки в свою газету. Один из этих очерков, напечатанных потом в книге, посылаю вам. Может быть, вам будет интересно его прочесть. Желаю успеха вашим занятиям в литературном кружке. Константин Симонов».

«Дорогие ребята! Получил ваше письмо и постараюсь ответить на интересующие вас вопросы. В Коктебеле я жил в 1938 году, только окончив десятый класс школы, в 1939 году, когда был

студентом Киноинститута, и в 1950-1953 годах, когда уже стал писателем. В Феодосии, конечно, бывал много раз, ходил в музей Айвазовского. Коктебель я очень люблю, люблю его море, горы, особенно Карадаг, бухты и камешки, которые, конечно, собирал, как каждый коктебелец.

У меня есть много рассказов, связанных с Коктебелем. Один из них называется «Купают овец» Я однажды наблюдал, как колхозники купали огромную отару овец, и написал об этом не очерк, а рассказ о пастухах и подпасках, о ветеринарах и всех других людях, которым поручено колхозное стадо. Есть у меня ещё рассказ «Эхо» – о девочке, которая коллекционировала эхо, вернее места, где оно водится.

И в «Купают овец», и в «Эхо» Коктебель у меня назван «Синегорией», кажется, так и в самом деле звучит по-русски слово «Коктебель». Прочтите этот рассказ, по-моему, он вам понравится. Наверное, и в дальнейшем я ещё буду писать о Коктебеле, самом моём любимом месте на земле. Желаю вам успеха, ваш Юрий Нагибин».

«29 октября 1961 года. Дорогие ребята, ваше письмо переслали мне из Москвы в Ялту, куда я приехал лечиться. С вашим городом связано у меня такое воспоминание. В 1904 – 1906 годах я учился в ялтинской гимназии, куда был переведён по болезни из ленинградской (в то время петербургской) гимназии. Перевестись в Ялту помог мне М. Горький, который и устроил меня здесь в своей семье.

О том, как это произошло, вы можете прочесть в моей недавно вышедшей книге «В начале жизни». В Ялте я пережил революцию 1905 года.

И вот после подавления восстания на флоте мне поручили отвезти в Феодосию двух черноморских матросов, которым удалось избежать ареста. Обоим грозил военно-полевой суд. В Феодосии я должен был встретиться в одном из трактиров с человеком, которому было доверено партией отвезти этих матросов на лошадях в какое-то имение, где они могли укрыться от глаз полиции. Я был очень горд тем, что мне, гимназисту, дали такое ответственное поручение. От Ялты до Феодосии мы плыли на пароходе (не помню его название). Матросам, которых я сопровождал, было строго-настрого приказано не выходить на палубу и не вступать в разговоры с другими пассажирами. Хотя оба они были переодеты в штатское, в них легко было узнать моряков. Но мне трудно было убедить моих матросов оставаться в каюте. Они то и дело вылезали на палубу, на которой тесными рядами стояли солдаты с винтовками, возвращавшиеся в Феодосию из Севастополя. Это были солдаты Виленского полка, принимавшие участие в подавлении восстания на Черноморском флоте. Они стояли молча, ни на кого не глядя. И когда из толпы пассажиров слышались возгласы «Убийцы!», «Палачи!», они отвечали только: «Ничего не поделаешь... служба». Мои моряки тоже не могли удержаться от нескольких крепких замечаний по адресу солдат, и я с трудом увёл их в каюту. Но всё обошлось благополучно. Рано утром мы

прибыли в Феодосию, нашли указанный нам трактир, усадились за столик, заказали завтрак и чай. Вскоре явился человек, который должен был увезти матросов в деревню. Тут только я вздохнул с облегчением. Какова дальнейшая судьба этих моряков, мне неизвестно. Так познакомился я с вашим городом. Желаю вашему кружку успехов в работе. Шлю сердечный привет всем вашим учителям и товарищам.

Если захотите мне написать, адресуйте письмо в Москву. Ваш Самуил Маршак».

Это ли не достойный подражания пример самоотверженного, подвижнического отношения к своему труду, достойные подражания всеми педагогическими работниками Израиля. При этом не следует забывать, что от образованности и воспитания нашей молодёжи во многом зависит будущее Еврейского Государства.

Этот очерк был написан мной и опубликован в газете «Ветеран» 7 марта 2012 года, ещё при жизни незабвенной Инессы Абрамовны Беднарчик, но за год до 90-летнего юбилея перестало биться её пламенное сердце, унеслась в мир иной её щедрая душа, всю жизнь сеявшая доброе, разумное, вечное.

Пусть же светлая память об этой замечательной женщине, оставившей яркий след в жизни, будет увековечена этим повествованием.

Вручение Инессе Беднарчик пресс-секретарём
Белорусского посольства в Израиле медали «65 лет
освобождения Белоруссии от немецко-фашистских
захватчиков»

Неувядающие строки Александра Гака

«Ни минуты без творчества».

Таково жизненное кредо героя этого очерка, нетанийца Александра Гака, известного в Израиле и за его пределами историка, писателя и журналиста. Он автор книг «Династия Чистовых», «Человек с чугунок», «В кинозале – Ленин» и ряда сборников очерков на самые разные темы.

В Израиле им созданы сборник «В борьбе с фашизмом. 1941-1945 г.г.» (1999 г.), книги «Семья Розовских» (2002 г.), «Побег» (2003 г.) и «Иосиф Трумпельдор – человек-легенда» (два издания – в 2006 и 2008 г. г.)

В израильской русскоязычной прессе им опубликовано почти 200 очерков о «боях-пожарищах, о друзьях-товарищах» и по истории послереволюционной России.

Каждая из книг Александра Гака – это результат многолетних архивных поисков и исторических исследований, а каждый из очерков – плод многодневных раздумий, творческого анализа, кропотливой работы над темой.

Поэтому вполне закономерно, что он за книгу о выдающемся герое еврейского народа Иосифе Трумпельдоре удостоен премии литературного конкурса имени Ицхака Зандмана и Авраама Коэна (первых председателей Союза воинов и партизан-

инвалидов войны с нацистами). Это талантливое историческое исследование пользуется большой популярностью в Израиле и за его пределами.

После выхода из печати второго дополненного издания книги о легендарном еврейском герое Иосифе Трумпельдоре, оно, несомненно, войдёт в сокровищницу мировой исторической литературы.

Еженедельник «Ветеран и воин» часто публикует захватывающие очерки Александра Гака о творцах Великой Победы и статьи о насущных проблемах ветеранского движения. И было бы несправедливо не рассказать читателям о нём самом – воине, учёном, писателе, общественном деятеле, посвятившем свою жизнь верному служению обществу и исторической правде.

С первого дня пребывания в Израиле мне везло на встречи и знакомства с интересными людьми. Одним из них оказался, как впоследствии выяснилось, мой ближайший сосед Александр Гак – инвалид Второй мировой войны, награждённый за боевые заслуги орденами и медалями, кандидат исторических наук, 29 лет проработавший в Центральном музее революции СССР.

Уже через несколько дней после начала войны Александр в составе 25-тысячного отряда студентов московских вузов участвовал в строительстве оборонительных рубежей на дальних подступах к столице. Это было в Ельнинском районе Смоленской области.

Оборона, созданная в сентябре 1941 года самоотверженным трудом студентов, под

непрестанным обстрелом и бомбёжками, оборвавшими многие молодые жизни, способствовала разгрому фашистов под Ельней, ставшему первым крупным ударом по вражеским войскам.

После окончания ускоренного курса пехотного училища командир стрелкового взвода Александр Гак участвовал в кровопролитных боях Сталинградской битвы, был ранен и после лечения в эвакогоспитале и окончания высших стрелково-тактических курсов несколько месяцев командовал стрелковой ротой, а затем и батальоном. В 21 год в его подчинении было 700 человек личного состава, а в период наступательных боёв – и до тысячи солдат и офицеров.

В ожесточённых боях под Полоцком Гак снова был тяжело ранен, и после излечения направлен в группу советских войск в Германии.

Война с ненавистным врагом оставила шрамы на его теле, в котором и поныне находятся два осколка. Но она не очерстила его душу, не отбила стремления к знаниям, любви к науке и к творчеству.

Впервые я узнал об Александре Гаке, прочитав его сборник о ветеранах войны «В борьбе с фашизмом. 1941-1945 г.г.». В нём был помещён проникновенный очерк «Встреча под Кёнигсбергом» о моём хорошем знакомом – Заслуженном тренере и Заслуженном деятеле еврейской культуры Украины, в то время заместителе председателя Нетанийского отделения Всеизраильского объединения выходцев из Украины Борисе Гельмане.

Вскоре мне посчастливилось познакомиться с Александром Гаком на презентации его новой книги

«Семья Розовских. Люди необычной судьбы», ставшей результатом многолетнего научного исторического исследования. В этой семье было 13 детей. Двенадцать из них стали активными участниками борьбы с царизмом, неоднократно арестовывались и ссылались. Одна из дочерей ещё до Октября 1917 года вышла замуж за матроса балтийского флота Павла Малькова – коменданта Смольного, а затем – Московского Кремля. Другая дочь после Октября стала женой секретаря Швейцарской социал-демократической партии Фрица Платтена. Известный театральный деятель Марк Розовский, художественный руководитель московского театра «У Никитских ворот», Заслуженный деятель искусств РСФСР, воспитывался одним из членов этой революционной семьи.

В годы сталинского беззакония многие из Розовских были безвинно репрессированы, и реабилитированы только после смерти Сталина. Автор был лично знаком со многими из Розовских.

Не меньший интерес вызвала его книга «Побег», посвящённая побегу из Киевской тюрьмы одиннадцати революционеров, из которых семеро были евреями. Среди предпринявших эту дерзкую акцию в августе 1902 года были М.Литвинов (Мейер Валлах), длительное время занимавший пост наркома иностранных дел СССР, и И.Пятницкий (Йосель Орилов Таршис), ставший впоследствии членом ЦК ВКП(б). Он поплатился жизнью за то, что одним из первых выступил против сталинского произвола. Среди бежавших был и Николай Бауман, видный

революционер, участник создания и агент революционной газеты «Искра», погибший от рук террориста-черносотенца.

Располагая открывшимися в последние годы архивными документами, Александр Гак, в соавторстве с Владленом Степановым, участником Второй мировой войны, кандидатом наук, 40 лет проработавшим в Российском государственном архиве социально-политической истории, рассказали о подготовке и осуществлении необычного побега.

Занимательное изложение событий, сочетающееся с исключительной достоверностью, яркими характеристиками видных деятелей революции, имена которых нам известны с детства, побуждают не только к внимательному чтению, но и к вдумчивой работе над книгой, как людей старшего поколения, так и молодёжь. И в этом, безусловно, её большой успех.

Подлинным триумфом творческой деятельности писателя стала его книга о легендарном офицере-еврее Иосифе Трумпельдоре. Вот что рассказал Александр Гак о своём творческом замысле:

«Иосиф Трумпельдор давно привлекал моё внимание своей деятельностью. Это первый и единственный еврей, который в николаевской России удостоился полного банта Георгиевских крестов. Он также первый еврей, получивший звание офицера царской армии без перехода в православие. Чем ещё Трумпельдор привлёк моё внимание? В литературе я встречал свидетельства о том, что это был очень храбрый человек. Храбрый и волевой по натуре, особенно он проявил себя в годы русско-японской

войны. Он был ранен в левую руку, которую в этот же день вечером пришлось ампутировать. Но, несмотря на это, он подал заявление командованию о том, что хочет продолжить службу. И, как ни странно, просьба его была удовлетворена. Без руки он стал командиром взвода и совершил немало подвигов. Один из орденов он получил из рук российской императрицы.

После войны и японского плена, где он провёл почти полтора года, Иосиф решил, что он не поедет прямо в Палестину, о чём он мечтал ещё в армии, сколачивая группу своих единомышленников. Для того, чтобы быть более полезным, ему требуется получить высшее образование, а потому он сдал экзамены на аттестат зрелости и поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, который закончил в 1912 году и только тогда уехал в Палестину.

С одной рукой он работал в двух сельскохозяйственных коммунах, причём, трудился наравне со всеми до того момента, когда началась Первая Мировая война.

Турецкие власти выслали его из Палестины из-за того, что Трумпельдор отказался принять турецкое подданство и быть призванным в турецкую армию. Он попал в Египет, где уже находились 11 тысяч евреев, высланных из Палестины. Там он вместе с Жаботинским задумал создать полк, который бы принимал участие в освобождении Палестины от турецкого владычества. Однако английское командование не поддержало эту идею и

рекомендовало им создать отряд «погонщиков мулов», который занимался бы доставкой боеприпасов и оружия в английскую зону военных действий.

Для сбора достоверных материалов о герое своей будущей книги Александру Гаку пришлось слетать в Москву. Там, в Государственном Архиве Российской Федерации (бывший архив Октябрьской революции), в личном деле Иосифа Трумпельдора, он ознакомился с полным послужным списком прославленного офицера российской армии и с некоторыми документами о его деятельности после выхода в отставку. В одном из них, в частности, говорится о создании Трумпельдором первого еврейского отряда самообороны в Санкт-Петербурге, что повлекло за собой создание подобных формирований в других городах. Эти отряды сыграли значительную роль для самообороны нашего вечно гонимого и всячески преследуемого народа. Так, уже при советской власти, еврейские самооборонцы успешно противостояли попытке погрома в Минске.

Нашёл писатель в послужном списке героя и свидетельство о том, что во время Первой мировой войны, в бытность командиром отряда на мулах, он был ранен в левое плечо ампутированной руки, но продолжал службу, не уходя в госпиталь.

Впечатляют в книге Александра Гака примеры храбрости и мужества его героя. На русско-японской войне он спас полковое знамя, бросившись в самую гущу битвы. Когда одна из японских гранат упала около порохового погреба, Трумпельдор схватил её и бросил обратно. Это всего лишь отдельные

свидетельства беззаветного служения своему долгу, приведённые в книге.

По мнению писателя Трумпельдор считал, что осваивать Палестину надо не только развитием земледелия, но и умением охранять плоды своего труда. А чтобы охранять, надо обучить земледельцев пользоваться оружием, которого в тот период было ещё очень мало. И Трумпельдор делал всё для того, чтобы это осуществить на практике. И когда он последний раз приехал в 1919 году в Палестину из России, то вместо того, чтобы заниматься сельскохозяйственным трудом, он занялся созданием групп защиты и возглавил оборону еврейских поселений в Верхней Галилее. Вообще превыше всего для него был долг служения Родине, и где бы в каких обстоятельствах он ни находился, он стремился создать отряды самообороны, чтобы отстаивать право еврейского народа на жизнь и труд на родине. И в 1919 году, когда усилились нападения арабов на еврейские поселения, он возглавил оборону Тель-Хая. Восемь человек противостояли почти пятистам арабским захватчикам. В этом бою он получил ранение в живот и почти сутки пролежал без медицинской помощи, истекая кровью. Но когда на него наткнулись, он был ещё в сознании. Возможно, именно тогда он из последних сил произнёс ставшую легендарной фразу: «Хорошо умереть за Родину!»

Этот беглый пересказ талантливо написанной книги убедительно свидетельствует не только об её большом познавательном значении, но и об огромном воспитательном потенциале.

Большую работу выполнял Александр Гак в Нетанийском комитете инвалидов войны. Он являлся пресс-секретарём комитета. Это благодаря его творческой энергии в приложении «Вестей» – газете «Ветеран и воин» постоянно публиковались статьи, а по радиостанции РЭКА звучали поздравления именинникам и юбилярам организации.

Нельзя не отметить его вклад в Фонд увековечения еврейского героизма в годы Второй мировой войны, существующий в Израильском Союзе воинов и партизан–инвалидов войны с нацистами. С 2005 года Александр Гак возглавлял редакционный совет этого фонда и вместе с его членами давал объективную оценку произведениям авторов, выдвигаемых на ежегодный литературный конкурс им. Ицхака Зандмана и Авраама Коэна.

Несмотря на почтенный возраст – когда ему уже было за 85 – и пошатнувшееся здоровье, Александр Гак продолжал самозабвенно трудиться. Он был полон творческих планов, и до последней минуты жизни считал себя в строю. Но вместо него в строю осталось только его замечательное творчество.

Страницы честной книги

Издана она мизерным тиражом. Но, переходя из рук в руки, она с упоением читается счастливыми, которым удалось её заполучить.

И неудивительно, что это уникальное издание отмечено почётным дипломом лауреата конкурса имени Ицхака Зандмана и Авраама Коэна за лучшее историко-литературное произведение о воинском подвиге в годы Второй мировой войны.

К названию этого замечательного сборника в основном кратких, но очень ёмких по содержанию повествований ветерана войны Иосифа Милькина «Мои года – моё богатство» даётся подтекстовка – (история моей жизни). Однако поднятые в книге темы выходят далеко за пределы этого подзаголовка. Фактически в своей совокупности публикуемые очерки воссоздают яркую, правдивую картину фронтовых будней воина-победителя с радостями побед и горечью утрат.

Без излишнего пафоса в этом произведении показан героизм советских воинов, их преданность долгу, стойкость, самоотверженность и смекалка. Так же, без лишней бравады, освещено и личное участие автора в борьбе нацизмом.

Словно удачными мазками великого художника написаны немногословные рассказы-портреты

прославленных полководцев. Не навязчиво, но в то же время очень убедительно, показана весомая роль евреев в боевых действиях, а также и в мирной жизни.

Подкупает и непримиримая позиция автора к проявлениям антисемитизма, беспринципности, высокомерия и подхалимства.

Вместе с тем, эта книга не только о войне. Серпантин коротеньких, достоверных и правдивых рассказов-миниатюр, часть из которых состоит всего из 11-15 строк, очень образно и наглядно передаёт сущность целой эпохи, название которой – советское время.

Знакомство же с некоторыми его зарисовками из личной жизни способно кардинально изменить мнение о том или ином политическом или государственном деятеле, например, Екатерине Алексеевне Фурцевой, или увидеть его в новом ракурсе, о чём свидетельствует рассказ - воспоминание «Как я ходил к Кирову».

В книге нет никаких приукрашиваний советской действительности, как и нет её грубого, беспочвенного охаивания.

Язык изложения лишён высокопарности, рассказ воспринимается как обращённый лично к тебе. Поэтому читатель воспринимает написанное как бы увиденным наяву. Этому способствует образная народная речь, сдобренная иногда и крепким солёным словом.

Безусловно, книга интересна, читается «на одном дыхании». К тому же она обладает редкими особенностями: остаётся захватывающей, с какой бы

страницы её ни начинать читать и является прекрасным наглядным пособием, как надо писать, чтобы словам было тесно, а мыслям просторно, подтверждением афоризма «краткость – сестра таланта».

Следуя этому принципу, можно было бы, опустив всё вышеизложенное, дать следующий отзыв: «Книга Иосифа Милькина “Мои года – моё богатство” замечательная». И этим было бы всё сказано. А чтобы в этом убедиться, книгу нужно прочитать.

Очень жаль, что этот своего рода литературный шедевр, мастерски подготовленный к печати опытным редактором – супругой автора Еленой Милькиной, издан ничтожно малым тиражом, что делает его недоступным для массового читателя. Это, безусловно, не делает чести тем, от кого зависит финансирование издания.

Так чем же так интересна история жизни автора этого уникального сборника?

На первый взгляд в ней ничего особенного, вроде бы, и нет. Как и у каждого представителя его поколения, она укладывается в обычную схему: родился, учился, трудился, женился, воевал, восстанавливал страну, растил сына, а, выйдя на заслуженный отдых, занимался общественной деятельностью, да вот ещё, обладая феноменальной памятью, записал воспоминания о разных периодах жизни.

Однако у Иосифа всё это складывалось со своими, как правило, неповторимыми нюансами. Сопровождалось незабываемыми встречами с

известнейшими политическими, государственными и общественными деятелями страны, выдающимися военачальниками, видными представителями науки, культуры и искусства. Об этом и повествуется в книге, где с лёгкой грустью, где с весёлым юмором, а иногда и с глубоким презрением.

Жизнь моего героя настолько многогранна, что в очерке рассказать о ней можно лишь отдельными штрихами. Это я и попытаюсь сделать, прибегая к его воспоминаниям:

«Я родился в Самаре в 1913 году и жил в этом городе до восемнадцати лет.

Когда я был маленьким, работа бакеника казалась мне самой лучшей в мире, и я думал: когда вырасту, обязательно буду бакеником. Но, когда немного подрос, то твёрдо решил стать кучером. Когда учился в старших классах, мечтал стать лётчиком, а потом – геологом. Однако жизнь внесла свои коррективы в мои планы, стал я киноинженером и о своём выборе никогда не пожалел.

В то время молодых людей, окончивших полную среднюю школу, принимали в институты без экзаменов. Таким образом, сдав документы в приёмную комиссию, я стал студентом первого курса механического факультета Ленинградского оптико-механического института. В первый же год моей учёбы наш факультет был преобразован в самостоятельный институт, получивший название: Ленинградский институт звукового кино. А ещё через некоторое время стал называться – Ленинградский институт киноинженеров (ЛИКИ).

По окончании института я получил специальность инженера-механика по киноаппаратостроению и был направлен на работу на Московский завод киноаппаратуры (Москинап).

Осенью 1935 года я был призван на действительную военную службу. Направили меня в 8-й радиоразведывательный дивизион, находившийся в Чите.

Дивизион вёл радиоразведку за японской Квантунской армией.

За четыре месяца мы освоили все премудрости приёма радиосообщений и начали нести дежурства на радиостанции. Применяя синхронный перехват морзянки и пеленгацию, мы быстро установили место расположения штаба Квантунской армии, а также штаба бронетанковых сил. Перехватываемые нами сообщения были с почти полной переводимостью. Лично я на слух мог принимать до 120 знаков в минуту, причём 90 – с полной переводимостью.

Службу в Чите я закончил в ноябре 1936 года и вернулся в Москву.

В июле 1938 года я был призван на курсы усовершенствования командного состава запаса.

По окончании занятий на курсах мне было присвоено первое офицерское звание – лейтенант».

Ещё в свою бытность курсантом Иосиф Милькин отличался чувством юмора, смекалкой и находчивостью, а то и мальчишеской дерзостью, не раз помогавшими ему находить выход из трудных положений. Эти же черты характера вместе с высокой принципиальностью и чувством долга,

непримиримостью к чинопоклонению, хамству, разгильдяйству, проявлениям антисемитизма остались у него на всю жизнь.

В начале Второй мировой войны в 1939 году молодой офицер Иосиф Милькин был направлен командиром радиороты в авиационную армию, дислоцирующуюся в Иваново-Вознесенске.

В зависимости от обстановки на западной границе её предполагалось передислоцировать в сторону польской границы, в район местечка Шайковка.

«...В Шайковку, предполагаемое место дислокации армии было послано несколько командиров для организации размещения там армейских частей (подготовка аэродромов, казарм и т.д.), – вспоминает Иосиф, – Шайковка – это местность, где много яблоневого сада. А в тот год как раз урожай был на редкость богатый.

Командиры, приехавшие туда, прислали в Иваново три товарных вагона, гружённых мешками с яблоками. Гарнизонное начальство в Иваново распорядилось, чтобы на разгрузку вагонов вышли красноармейцы всех частей гарнизона. Они должны были не только разгрузить вагоны, но и разнести мешки с яблоками по домам гарнизонного начальства.

Я радистов на разгрузку не дал. Узнав об этом, на меня налетел какой-то чин. Кто он был, я так и не узнал, но видимо большой начальник – уж больно громко он орал и требовал разъяснить, почему все части трудятся на разгрузке, а радисты бездельничают. Надо сказать, что большой деликатностью в обращении с хамами я никогда не

отличался, будь этот хам хоть какой большой начальник. Ответ сложился сам собой, так сказать, возник в голове спонтанно. Я сказал ему, что, если радисты будут таскать тяжести, то они растянут правую руку и не смогут работать на ключе радиостанции. От этого нарушится связь по всем сетям и направлениям. Естественно, я буду вынужден письменно доложить об этом лично командующему войсками Московского военного округа маршалу Будённому. А как он будет реагировать на потерю связи, вы мне расскажете, когда вернётесь с гауптвахты, куда маршал непременно засадит вас на длительный срок. Грозный чин внимательно выслушал меня, ничего не сказав, круто развернулся и ушёл, твёрдо печатавая шаг, видимо, от попытки сдержать гнев.

Само собой, что на разгрузку вагонов радисты не ходили, но каким-то неизвестным мне образом они узнали, почему все трудятся, а они отдыхают. Один из радистов подошёл ко мне и, взяв под козырёк, сказал «спасибо». То же сделал и ещё один радист. Когда так же поступил третий, я спросил: «Ребята, за что вы меня благодарите?». Ответ прозвучал кратко, но точно: «За заботу». Я понял, что любые подчинённые ценят заботу и соответственным образом относятся к тому, кто её проявляет.

Но особое уважение красноармейцев я заслужил отказом от выполнения московских распоряжений.

Как я уже сказал, обстановка в штабе авиационной армии была напряжённой. Все ждали получения приказа о передислокации армии в Шайковку.

Естественно, все приказы шли через нас, связистов. Однажды по телеграфному аппарату Бодо пришло указание: «Армии срочно перелететь в Шайковку». Погрузка армии в самолёты требует не менее 3-х – 4-х часов, т.к. дело это хлопотное. Началась погрузка. Не успели до конца погрузиться, как пришло новое распоряжение: «Вылет отменить».

Через несколько часов новое распоряжение: «Начать погрузку», а вскоре снова: «Отменить . . .». Так было три или четыре раза. Мне это надоело, и при очередном указании о погрузке я ответил (по аппарату Бодо): «Считаю нецелесообразным. Прошу подтверждения маршалом Будённым». Тут же по Бодо пришёл запрос: «Кто говорит?». Я велел связисту отстучать ответ: «Говорит сам Милькин». Ещё через несколько минут Бодо выступал: «Мнение Милькина подтверждаю. Будённый».

Когда об этом эпизоде стало известно в гарнизоне, меня несколько раз спрашивали, не знаком ли я с маршалом Будённым. Я отвечал, что с Будённым я лично не знаком, но на собственном опыте знаю, что Будённый ценит удачные ответы и решения».

Эти два эпизода как нельзя лучше характеризуют Иосифа как инициативного, сообразительного офицера, готового на свой страх и риск отступить от требований инструкций ради успеха общего дела, горой стоящего за своих подчинённых. Эти его качества впоследствии не раз проявлялись им в боевой обстановке.

После окончания института в 1935 году и до начала Великой Отечественной войны Иосиф Милькин в перерывах военной службы успел поработать кроме «Москинапа», в Производственной мастерской по монтажу звуковых киноустановок, Научно-исследовательском институте киностроительства (НИИКС) и техническом отделе Комитета по делам кинематографии при СНК СССР.

Высокую оценку получили два его крупных проекта кинофикации: советского павильона на Нью-Йоркской выставке и большого зала Дворца Советов. Воплотить в жизнь второй из них помешала война.

Однако не такой уж безоблачной была предвоенная жизнь нашего героя. В 1937 году были репрессированы оба его старших брата. Борис был расстрелян вместе со всем руководством Западносибирского военного округа, где он служил начальником сануправления. Другой брат Афанасий, литератор, был арестован по делу Пятакова – Радека, осуждён «на десять лет без права переписки» (эта формула в те годы означала одно – расстрел). Спустя много лет было получено сообщение о реабилитации «за отсутствием состава преступления».

После ареста Афанасия, у которого проживал Иосиф, младший Милькин в одночасье был выселен из квартиры, изгнан с работы, исключён из комсомола, активным членом которого всегда был. Некоторые из его знакомых начали не только избегать общения с ним, но даже перестали здороваться.

Однако не в характере Иосифа Милькина сдаваться без боя. Отчаявшись в своих бесчисленных

попытках устроиться на работу, он стал добиваться приёма у председателя Совнаркома СССР В.М. Молотова.

«К Молотову я не попал, но меня принял какой-то чин, по всей видимости, из руководящего состава, – вспоминает Иосиф, – ...Он внимательно выслушал меня и сказал:

– Ну, хорошо, работу ты, допустим, получишь, а как быть с комсомолом?

Я ответил:

– Естественно, буду восстанавливаться. Не восстановит горком, обращусь на съезд комсомола. Съезд не восстановит, так есть конгресс КИМа. Найдутся же умные люди!

Мой собеседник, видимо, остался доволен моим ответом.

– Ну, что ж, иди домой и жди ответа.

Ждать пришлось недолго. Через несколько дней я получил предложение поступить на работу в Научно-исследовательский институт киностроительства и 3-го января 1938 года я приступил к работе в качестве инженера-конструктора киботехнической лаборатории. Вскоре был назначен заместителем руководителя кинопроекторной лаборатории. В июле 1940 года был переведён в Комитет по делам кинематографии при СНК СССР на должность руководителя группы киботехники технического отдела. 23 июня 1941 года уволился с занимаемой должности в связи с уходом на фронт».

Служба Иосифа Милькина проходила в войсках Северо-Западного, 2-го и 3-го Прибалтийских и

Ленинградского фронтов. Начал он войну старшим лейтенантом, а закончил в звании «Гвардии майора», которое было ему присвоено в начале 1943 года.

Во время войны он занимал должности командира радиороты 67-го отдельного полка связи Северо-Западного фронта с временным исполнением обязанностей командира батальона, командира радиороты 8-го гвардейского отдельного батальона связи 1-го гвардейского стрелкового корпуса, помощника начальника радиоотдела оперативно-технического Управления связи Северо-Западного фронта, помощника, а затем и старшего помощника по радио начальника отдела связи штаба 14-го гвардейского стрелкового корпуса, входившего поочерёдно в состав 1-го, 2-го Прибалтийских и Ленинградского фронтов.

Но куда бы ни забросила его судьба, он везде и всегда оставался верен не только своему воинскому долгу, но и своим принципам. Его хладнокровие, выдержка, личное мужество, способность принимать смелые решения, брать на себя ответственность в тяжелейших ситуациях, высокая требовательность к подчинённым с одновременной заботой о них, всегда содействовали успеху проводимых операций, не раз спасали жизнь его подчинённых и его собственную.

Об этом красноречиво свидетельствуют его воспоминания о том трагическом, но в то же время героическом, периоде в истории страны, его боевые награды и благодарности. Привожу три эпизода из его книги, относящихся к военному времени.

«Приятный» полёт

Я очень люблю летать на самолётах.

Люблю, во-первых, потому, что самолёт – это самый быстрый вид транспорта и, во-вторых, потому, что полёт доставляет мне удовольствие.

Правда, один раз во время полёта мне пришлось испытать самые неприятные минуты в моей жизни. Эти несколько минут я запомнил на всю жизнь.

Вот как это случилось. В конце декабря 1942 года приказом по войскам связи Северо-Западного фронта я был назначен помощником по радио начальника отдела связи штаба 14-го Гвардейского стрелкового корпуса, т.е. начальником радиосвязи.

К моменту издания этого приказа я находился на временном пункте управления (ВПУ) штаба фронта, размещавшемся на правом фланге фронта.

Линия фронта в это время представляла собой почти замкнутый котёл с горловиной шириной всего-то в несколько километров, направленной от города Демянск к городу Старая Русса. Общая протяжённость линии нашего фронта составляла свыше 400 километров.

Войскам нашего фронта противостояла находившаяся внутри этого Демянского котла 16-я немецкая полевая армия под командованием генерала пехоты фон Буша, ставшего после зимы 1943 года генерал-фельдмаршалом. Штаб этой армии размещался в Демянске.

Новый 14-й гвардейский стрелковый корпус должен был формироваться на левом фланге Северо-

Западного фронта, на стыке с войсками Калининского фронта.

Мне предстояло срочно сдать дела на ВПУ СЗф, заехать в управление связи штаба фронта за получением соответствующих документов и, согласно приказу, 6-го января 1943 года вступить в новую должность.

Таким образом, для того, чтобы прибыть к новому месту службы, мне надо было объехать по внешнему обводу почти вокруг всего Демянского котла. Однако следование к месту формирования 14-го гв. с. к. для меня не обошлось без небольшого приключения, которое, к счастью, окончилось благополучно.

Когда я получил в Управлении связи все необходимые документы, было решено, что на левый фланг меня перебросят на связном самолёте У-2. Надо сказать, что эти связные самолёты, перелетая с одного фланга фронта на другой, летали вокруг котла, не залетая за линию фронта. Ночью самолёты этого типа бомбили передний край и ближайшие тылы противника и наносили ему значительные потери. Днём же самолёты У-2 над территорией, занятой противником, не летали, чтобы не попасть под огонь немецких зенитных батарей или не стать лёгкой добычей немецких истребителей типа «Мессершмит», против которых У-2 были беззащитны.

Когда ранним январским утром я прибыл на полевой аэродром, то оказалось, что вся местность покрыта таким туманом, что буквально в нескольких шагах ничего не было видно. Подождал час, другой, но туман не рассеивался. Не помню, кому первому, мне

или молодому лейтенанту – лётчику У-2, пришла в голову шальная мысль: не дожидаться, пока туман рассеется, а, наоборот, воспользоваться им, как прикрытием, и лететь к месту моего назначения, на левый фланг Северо-Западного фронта, не вдоль дорог, идущих в обход котла, а перелететь через расположение войск 16-й немецкой армии, то есть пересечь котел по диагонали. Расчёт был на то, что из-за тумана немецкие истребители наверняка не летают, а с земли нас никто не увидит, следовательно, немецкие зенитки огонь по нашему самолёту вести не будут. На том и порешили. Перед взлётом лётчик сказал мне, чтобы я внимательно просматривал пространство вокруг самолёта и, если вдруг увижу немецкий самолет, немедленно хлопнуть его по плечу (он сидел на переднем сидении). Тогда он резко пойдет на посадку и, едва самолёт коснётся земли, тут же выбрасываться, не дожидаясь остановки, потому что немецкий лётчик от нас не отстанет, пока пулёмётными очередями не сожжёт самолёт.

Убедившись, что я хорошо усвоил этот «инструктаж», лётчик поднял машину в воздух, и мы начали свой полёт через фрицев.

Вначале всё шло хорошо. Правда, ощущения полёта не было, казалось, что мы просто висим в тумане. Изредка внизу сквозь редкие окна в тумане проглядывали леса и болота. Наблюдение за воздухом вести было крайне неудобно. Защитных очков у меня не было, а стоило только высунуть голову из-за козырька, ограждавшего сиденье, как холодный ветер от винта самолёта бил в глаза с такой силой, что

выжимал слёзы, которые тут же и замерзали. Так продолжалось минут 30-40.

Неожиданно туман несколько рассеялся, и я увидел справа от нас, немного выше, курсом, который должен пересечься с нашим, летит звено самолётов. Судя по тому, что я сумел разглядеть, это были немецкие самолёты.

Вот тут и настали для меня самые неприятные минуты. Во-первых, охватила злоба на собственное бессилие. Ну что я мог сделать против самолётов, имеющих большую скорость и пушечно-пулемётное вооружение, имея всего один пистолет и две гранаты «лимонки» в карманах полушубка. Во-вторых, надо было решиться хлопнуть лётчика по плечу в знак того, что появились неприятельские самолёты. А это означало, что, если нам удастся благополучно ускользнуть от первой атаки противника и сесть неизвестно где и притом остаться в живых и не попасть в лапы фашистов, то пройдёт не меньше полутора-двух месяцев, прежде чем мы разыщем партизан, действующих внутри Демянского котла, и с их помощью сумеем перейти линию фронта. Все эти мысли быстро мелькнули в моей голове, пока я, высунувшись из-за козырька, не обращая внимания на ветер, бьющий по глазам, продолжал рассматривать самолёты, с которыми мы быстро сближались.

И тут я разглядел на фюзеляже и плоскостях красные звёзды. Всё это продолжалось одну-две минуты, но минуты эти были крайне неприятны, и казалось, что тянулись они бесконечно долго. Как я впоследствии узнал, это были наши штурмовики,

идущие на боевое задание. Такие самолёты тогда впервые появились на нашем фронте, я раньше их не видел, и поэтому чуть было не принял их за самолёты противника. Что это за самолёты, я узнал спустя несколько дней, а в тот момент я просто обрадовался тому, что, вопреки «инструкции» лётчика, не хлопнул его по плечу, как только заметил подозрительные самолёты. Самолёты эти вскоре снова были скрыты туманом. Оставшийся путь мы пролетели без каких-либо происшествий и благополучно приземлились на полевом аэродроме 1-й Ударной Армии.

Когда после посадки я рассказал об этом лётчику, он очень рассердился. Он сказал, что я не имел права тратить эту пару минут на разглядывание самолётов, т.к., если бы это оказались немцы, они быстро сожгли бы нас в воздухе и мы не успели бы сесть.

Чтобы уже совсем покончить с этой историей, должен сказать, что о полёте через расположение фрицев и о случае в воздухе я своему начальству не доложил во избежание головомойки. Рассказал только через пару месяцев, на что получил замечание, что мне в моём звании и на моей должности стыдно и неприлично вести себя, как сопливый мальчишка. Я промолчал. В свою новую должность я вступил точно в предписанный приказом срок.

Про орден, который я не получил

Я очень горжусь наградами, полученными на войне. Но особенно горжусь орденом, который должен был получить, но не получил. А не получил я этот орден вот почему. Наш 14-й Гвардейский стрелковый корпус готовился к прорыву обороны противника.

Дело было летом 1943 года на Северо-Западном фронте, к югу от озера Ильмень. Естественно, что перед началом боевых действий командование производит рекогносцировку местности с целью определения лучшего направления для нанесения удара. В рекогносцировке принимают участие все начальники служб штаба под руководством командира корпуса.

В случае, о котором я расскажу ниже, рекогносцировкой руководил начальник штаба корпуса генерал-майор Степанов Иван Иванович, так как командир корпуса генерал-лейтенант Степаненко Павел Афиногенович в это время был на совещании в штабе армии.

Фронт противника был сильно укреплен инженерными сооружениями, а его левый фланг заканчивался обширным болотом, и никаких оборонительных сооружений здесь видно не было.

– Вот видите, – сказал генерал Степанов, обращаясь к участникам рекогносцировки, – вот она,

«ахиллесова пята» в обороне противника. Он не ждёт нападения с этой стороны, а мы пройдем болотом и ударим фрица с тыла и фланга. Ну, как вам нравится такой план действий? – спросил он присутствующих.

Все промолчали, а я сказал:

– А почему Вы не думаете, что немцы оценивают обстановку так же, как и Вы: ждут нашего наступления именно через болото и подготовились к его отражению. Противник не дурак. И воевать он умеет. Через болото с тяжёлым вооружением не пройдёшь, а одними винтовками со штыками оборону не прорвать. Это только во времена Суворова считалось, что пуля – дура, а штык – молодец. Сейчас другое время и воевать надо по-современному.

Генерал Степанов, раздражённый моими словами, повернулся ко мне и сказал:

– А Ваше дело, майор, – радиосвязь. Вот и обеспечивайте радиосвязью эту операцию, а в оперативные вопросы не суйтесь. Вы в них ничего не смыслите.

На следующий день генерал Степанов собрал командиров дивизий, изложил им свой план операции и спросил, кто хочет наступать в первом эшелоне.

Комдивы молчали.

– Генерал Коваль, – обратился Степанов к командиру 7-й гвардейской стрелковой дивизии, – хотите быть первым?

– Не напрашиваюсь, – ответил Коваль, – но если получу такой приказ, то постараюсь его выполнить.

– Ну, так считайте, что Вы такой приказ получили.

В назначенный день и час 7-я гвардейская начала форсирование болота. Но немецкие наблюдатели дело свое знали, движение цепей дивизии через болото тут же заметили и, дождавшись, когда они добрались до середины болота, немцы открыли по нашим гвардейцам ураганный пулемётный и миномётный огонь.

О результатах этого огня тяжело вспоминать даже сейчас, спустя пятьдесят с лишним лет. Большая часть личного состава гвардейской дивизии полегла в болоте. На исходные позиции вернулось не больше трети тех, кто пошёл в наступление. На наш НП пришел генерал Коваль, до ушей перемазанный грязью и тиной.

И тут я не выдержал. Я шагнул к генералу Степанову и при всех влепил ему звонкую пощёчину. На НП наступила мёртвая тишина. От удара по лицу старшего по званию и должности командира, да ещё в боевой обстановке, явно пахло трибуналом.

Когда на следующее утро вернулся командир корпуса генерал-майор Степаненко, ему тут же доложили о моём поступке. Генерал немного подумал и сказал:

— Конечно, решение наступать через болото — глупость. Но разве мало глупостей делают наши генералы? И если за каждую глупость генералам будут бить морду, то ведь никто и не захочет быть генералом. А за пощёчину генералу мы майора Милькина накажем таким образом: за прошедшие бои он был представлен к ордену. Орден ещё не прибыл, и он его не получил. Так вот, чтобы ему впредь не

вздумалось бить генералов по морде, мы отзовём из штаба армии его наградной лист. Так и сделали: наградной лист отозвали, и ожидаемый орден я не получил.

Но, как написал вначале, очень горжусь этим неполученным орденом.

Пошутили

Вообще-то я человек миролюбивый, но есть в моём характере одна особенность: услышав слово «жид», я бью сказавшего это слово без предупреждения. На меня слово «жид» действует, как красная тряпка на быка. При этом мне неважно, относится ли это слово ко мне лично, или к кому-нибудь другому. Важно только то, что слово «жид» произнесено.

Однажды был в моей жизни такой случай. В боях за Пушкинские горы (есть такой район в Псковской области) действия нашего 14-го гвардейского стрелкового корпуса поддерживал полк штурмовой авиации. Во время боёв, для наведения штурмовиков на цель, на нашем наблюдательном пункте находился командир этого полка, полковник по званию.

Связь со штурмовиками осуществлялась силами и средствами корпусного батальона связи, поэтому я как организатор этой связи и ответственный за её устойчивость и безотказность, тоже находился на НП.

Израсходовав боезапас, штурмовики улетели на свою базу за новым боезапасом, а мы на НП разговорились о разных случаях из фронтовой жизни.

При этом полковник с обидой в голосе сказал, что он уже полтора года командует полком, лично совершил много боевых вылетов, а звания Героя ему ещё не дали. А вот во втором полку их дивизии полком командует один еврейчик. И командует-то он полком всего-ничего, три-четыре месяца, а уже этот жид стал Героем, а всё потому, что. . .

Но закончить фразу полковник не успел. Услышав слово «жид», я выхватил из кобуры пистолет и рукояткой мгновенно врезал ему в морду. Полковник упал, а я передёрнул затвор пистолета, чтобы застрелить его. Но сделать этого не успел. Стоявший рядом со мной начальник разведотдела штаба корпуса подполковник Сонич обхватил меня со словами:

— Ёська! Что ты делаешь? Опомнись! Ты и так его хорошо проучил.

Полковник поднялся с земли и, вытирая рукавом окровавленное лицо, сказал:

— Ты что, майор, шуток не понимаешь? Я же пошутил!

— Я тоже пошутил, — сказал я, пряча пистолет в кобуру.

* * *

Пройдя через горнило кровопролитнейшей в истории человечества войны от первого и до последнего её дня, Иосиф Милькин и в послевоенной мирной жизни остался таким же целеустремлённым, настойчивым, высокопринципальным и высоконравственным человеком. После войны он

полностью посвятил себя любимой профессии киноинженера. Работал в Министерстве кинематографии, главным механиком киностудии «Мосфильм», главным инженером Ашхабадской киностудии (восстанавливал студию после землетрясения и налаживал там кинопроизводство). Последние двадцать лет перед уходом на пенсию он работал главным инженером Центральной студии документальных фильмов. На протяжении многих лет он сотрудничал в международной киноорганизации «Униатек», получив массу дипломов и наград за многочисленные изобретения в области кинотехники.

Закончить же очерк об этом неординарном человеке я хочу переданной мне его женой небольшой заметкой, написанной им за несколько дней до того, как он попал в больницу, из которой ему не суждено было вернуться. В ней он как бы подводит итог всей своей жизни.

Про гордость

Человеку свойственны разные чувства. Есть чувства низменные, подлые, а есть – благородные.

Подлые чувства – это жадность, зависть, трусость.

Благородные – это гордость, честь и чувство собственного достоинства.

Вспоминая на склоне лет прожитую жизнь, люди гордятся: кто-то тем, что занимал ответственную руководящую должность, кто-то наградами, кто-то изобретениями, внедрёнными в производство, кто-то успехами своих детей.

Я тоже горжусь.

Горжусь тем, что и на войне и на гражданской ни разу не покривил душой, не поступил против совести.

А ещё у меня есть законная гордость ветерана, одного из тех, кто сломал хребет фашистскому зверю и спас мир от коричневой чумы.

Иосиф Милькин

Книга Иосифа Милькина «Мои года – моё богатство» любовно составленная, отредактированная и изданная за свой счёт вдовой автора Еленой Милькиной, – наилучший памятник не только ему, отважному воину и неутомимому труженику, но и всему его поколению. И в этом ещё одно достоинство этой замечательной, талантливо написанной книги.

Воспитатель плеяды прославленных спортсменов

Имени этого скромного человека нет среди почётных граждан нашего прекрасного города-курорта Нетании. Но это звание он вполне заслуживает. В начале войны 17-летнему пареньку Борису Гельману довелось надеть военную форму. После освобождения 6 ноября 1943 года его родного Киева Борис получил трагическое известие о гибели в Бабьем Яру своих родителей. Он, в ту пору курсант военно-морского училища (ныне – Высшее ордена Ленина военно-морское инженерное училище имени

На снимке: Боря Гельман курсант Высшего военно-морского инженерного училища. Баку, 1943 (из семейного альбома).

Дзержинского), немедленно обратился к командованию училища с просьбой направить его на фронт.

Воевать Гельману довелось в Заполярье и Норвегии на быстроходном боевом судне в составе дивизиона тральщиков. В январе 1945 года Бориса переводят в морскую пехоту. Отныне он участвует в боях на 3-м Белорусском фронте. Его боевые награды красноречиво свидетельствуют о его заслугах. Он мог бы многое поведать о «боях-пожарищах, о друзьях-товарищах» и, конечно же, о

себе. Наиболее памятным днём для Бориса Гельмана стал день 4 апреля 1945 года. Во время ожесточённого боя под Кенигсбергом он неожиданного встретил своего закадычного друга и опасного соперника по футбольным матчам Сёму Могилянского.

На снимке: (слева направо)
Женя Агронов, Леша Коновалов,
Боря Гельман. 9 мая 1945
(из семейного альбома).

Смертоносный огонь противника заставил залечь наши наступающие цепи. По воле судьбы Борис и Семён оказались в одной воронке от снаряда. Всего несколько секунд удалось пообщаться друзьям. По команде:

«Вперёд! За Родину!» они рванулись в атаку, успев на бегу попрощаться: «До встречи в Киеве!» Однако, встретится им не было суждено. В этом бою Борис был тяжело ранен. Семён, очевидно, погиб в том бою. Официально он числится пропавшим без вести.

Дорогой ценой Борису Гельману досталась медаль «За отвагу», полученная за беспримерное мужество, проявленное в этом пекле под Кенигсбергом, потому-то именно она для него самая ценная.

«Ранило меня тогда осколком в шею; из-за тяжёлой контузии ничего не слышал и почти не видел, — вспоминает Борис. — «Прочёл» по губам командира, что тот распорядился меня наградить».

День Победы застал Бориса Гельмана на острове Эзель в Балтийском море, где стоял его батальон. В это « богом забытое место» он попал сразу по выходу из госпиталя, и был назначен секретарём политотдела инженерного управления Балтийского флота. Это была его последняя военная должность.

«На этом острове мы были полностью изолированы от внешнего мира, – вспоминает Борис. – Питались одной перловой кашей. В нашем батальоне все болели цингой. Лечились тем, что жевали траву.

У нас в части не было даже радио. Поэтому об окончании войны мы узнали от замполита. Это было утром 9 мая. «Конец войне! Победа!». Началась оглушительная стрельба: солдаты палили в воздух...».

В Нетании Борис Гельман прожил два десятилетия. Но мало кто знает, что этот скромный человек внёс немалый вклад в дело подготовки спортсменов. Он заслуженный тренер Украины по гандболу, судья международной категории, воспитатель многих чемпионов и мастеров спорта. Многие годы Гельмана избирали в состав президиума федерации гандбола СССР и Украины.

В 2000 году президент Украины Леонид Кучма наградил Бориса Гельмана Почётной грамотой, отметив тем самым плодотворный труд и выдающийся вклад гражданина Израиля в развитие и укрепление украинского государства.

Борис Гельман удостоен высокого звания Заслуженный деятель еврейской культуры Украины.

«Я проработал всю жизнь без отпусков, очень много ездил по стране и за границу, – говорил Борис, –

Без дела сидеть не привык, поэтому постоянно занимаюсь общественной работой».

В течение нескольких лет Гельман являлся заместителем председателя нетанийского отделения Всеизраильского объединения выходцев из Украины. Ранее он на такой же должности плодотворно работал в комитете ветеранов Второй мировой войны. Это был общительный, жизнерадостный, очень энергичный человек.

Среди многочисленных поздравлений, полученных Гельманом от друзей из Нетанийского комитета ветеранов Второй мировой войны – борцов против нацизма, Объединения выходцев из Украины, особо трогательными для юбиляра стали приветствия с его бывшей Родины. «Ваши киевские друзья помнят, любят и уважают Вас. Вы всегда с нами» – написано в тексте приветствия Еврейского Совета Украины, подписанном президентом Совета Ильёй Левитасом и председателем Ассоциации Совета ветеранов войны Григорием Гинзбургом. Выходящая в Киеве газета «ЕВРЕЙСКИЕ ВЕСТИ» посвятила Борису Гельману очерк о его жизненном пути, о вкладе в Великую Победу, в развитие и укрепление Украинского государства. Не забыли о бесстрашном воине, неутомимом труженике и в Израиле. Чествование его и других юбиляров состоялось в нетанийском комитете ветеранов Второй мировой войны. На всю страну прозвучало приветствие, переданное ему радиостанцией «РЭКА», а дружный коллектив ресторана «Аидише мама» сделал всё возможное для того, чтобы эта памятная дата осталась незабываемой не только для юбиляра, но и для всех его гостей.

Всю жизнь Борис не переставал восхищаться своей подругой жизни – «У меня жена – потрясающая красавица. Познакомились мы в Таллине. Полтора месяца я за ней ухаживал, а потом решил её украсть. Приехали ночью на машине, был страшный мороз, я накинул на неё кожух, схватил в охапку и – к

машине.... И вот с Верой уже около 60-ти лет живём душа в душу. У нас четыре внука и четыре правнука».

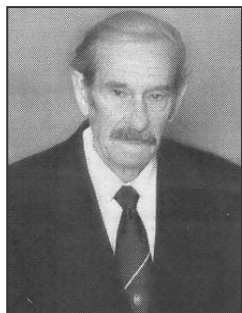
Будучи уже тяжелобольным, он продолжал свою

активную деятельность в нетанийском отделении Общества выходцев из Украины, в ветеранской организации, и из последних сил ежедневно нежно ухаживал за находящейся в доме престарелых беспомощной женой. А ведь это не только ещё одно свидетельство его высокой нравственности, но и своеобразный жизненный подвиг.

Человек – легенда

(Очерк написан при его жизни, публикуется без изменений)

При первых посещениях мероприятий Нетанийской организации ветеранов Второй мировой войны я обратил внимание на щуплого седовласого мужчину. Он не отличался красноречием, не вступал в дискуссии и обычно скромно сидел в сторонке в ожидании места за шахматной доской. Как нельзя лучше ему бы подходило определение «божий одуванчик», то есть безобидный, добрый старичок-тихоня.

Каково же было моё удивление, когда руководство комитета предложило мне написать в числе первых очерк именно о нём, Романе Мусашикове, оказавшемся человеком-легендой, которому при каждой отправке на передовую кроме командировочного удостоверения, подписанного маршалом войск связи И.Т. Пересыпкиным, вручалось и обращение за подписью Л.П.Берия к государственным и военным руководителям всех рангов оказывать предьявителю этого документа необходимое содействие в работе и охране находящейся при нём техники!

Чем же заслужил внимание высшего армейского и государственного руководства этот, в то время 19-летний, еврейский паренёк?

Роман Мусащиков с однополчанами

Каков его жизненный путь и вклад в разгром нацизма?

Обо всём этом мне с огромным трудом удалось вывести у своего чрезвычайно скромного собеседника.

Выходец из горских евреев, уроженец города Батуми, Роман Мусащиков после окончания еврейской школы в столице Грузии поступил в Тбилисский индустриальный институт, со второго курса которого ещё до начала войны был призван в армию.

С начала боевых действий, учитывая уровень его образования, Романа направили (к огромному его сожалению!) не на фронт, а в Киевское училище связи. Здесь ему довелось не столько постигать азы военной профессии, сколько вместе с курсантами и ополченцами участвовать в обороне столицы Украины.

После эвакуации училища в Красноярск южанину Роману пришлось в суровых сибирских условиях овладевать всеми трудностями радиотелефонной связи.

По окончании учёбы в июне 1942 года и получения звания воентехника 2-го ранга Мусашиков решил, что теперь он уже точно попадёт на фронт и будет беспощадно мстить врагам за погибшего в боях старшего брата Марка Мусашикова, погибших друзей и товарищей.

Однако вместо фронта молодой специалист был откомандирован в научно-исследовательский испытательный институт связи Красной Армии имени К.Е. Ворошилова, в котором занимались разработкой новейшей радиотелефонной техники. Здесь он за три месяца досконально освоил шифровальное дело, изучил соответствующую технику, засекречивающую передачу буквопечатающего телеграфного аппарата и позволяющую передавать эту информацию по радио.

В октябре 1942 года Романа Мусашикова, успешно овладевшего всеми премудростями современной шифровальной техники, направили в распоряжение Военного совета Закавказского фронта.

По роду своих обязанностей Роман в атаку не ходил, минные поля не преодолевал, водные преграды не форсировал, во вражеский тыл за «языком» не ходил, однако не раз подвергался смертельной опасности во время массированных авианалётов и губительных артобстрелов.

И в это время, не обращая внимания на близкие разрывы бомб и снарядов, Роман продолжал монтировать шифровальную технику, устранять аварийные отказы приборов, обеспечивая бесперебойную связь штаба фронта с армиями и

Верховным командованием, чем в значительной мере содействовал успеху проводимых операций.

В июне 1943 года Мусашикова как опытного, одарённого специалиста откомандировали в институт связи и зачислили в 3-ий отдел старшим техником-лейтенантом, инструктором по спецсвязи.

С теплотой и нежностью вспоминает Роман о своих сослуживцах: начальнике института полковнике Горбунове, начальнике отдела полковнике Дудкине, консультанте по секретной связи Военного Совета СССР, начальнике лаборатории Чеботарёве и о многих других.

С особым благоговением он отзывается о работавших рядом с ним умных «еврейских головах»: ведущем инженере Белановой, старшем технике-лейтенанте Лифшице, начальниках лабораторий Дашкевиче и Литвинском, ведущем инженере-изобретателе капитане Тремль.

«Под руководством Евгении Булановой, – вспоминает Роман, – в феврале 1943года был создан шифрующий телефонный автомат, открывший широкую возможность для командного состава Красной Армии вести прямые секретные переговоры открытым текстом непосредственно с командных пунктов».

Своё боевое крещение это бесценное устройство прошло во время сражения на Курской дуге.

В то же время коллективом, возглавляемым ведущим инженером лаборатории капитаном Тремль, был разработан шифровальный буквопечатающий

телеграфный прибор, нашедший широчайшее применение на командных узлах связи. Он позволял не только осуществлять бесперебойную связь по радио между ведущими боевые действия подразделениями, но и оперативно решать вопросы, требовавшие безотлагательного согласования со ставкой Верховного Главнокомандующего.

Одним из «крестных отцов» этой талантливой разработки был и Роман Мусащиков, хоть из скромности он умалчивает об этом, как и о том, что приходилось бывать (и, конечно же, не из праздного любопытства!) на узле связи Генерального штаба. Там также нуждались в его талантливом уме, знаниях, мастерстве и золотых руках.

В послужном списке ветерана, кроме Закавказского фронта – 2-й Белорусский, 1-й, 2-й и 3-ий Прибалтийские фронты и уже после разгрома фашистской Германии Забайкальский фронт.

Вместе с многочисленными фронтовыми наградами Роман Мусащиков бережно хранит и персональные благодарности маршалов Советского Союза А.М. Василевского и А.Е. Голованова.

Таков он, «божий одуванчик», человек-легенда, с 1994 года нетанец Роман Мусащиков, внесший неоценимый вклад в разгром нацизма.

Слово об авторе

Нам дороги эти позабыть нельзя

Я родился в 1933 году в достопримечательном древнем еврейском местечке Романов (в советские годы – Дзержинск) на Житомирщине (Украина).

В этом местечке проживали родители моей матери и её сестра. Мой отец в то время был сначала рабочим, а затем директором фабрики по обработке гранита на Головинском карьере Черняховского района Житомирской области. После выдвижения на работу секретарём Черняховского райисполкома и последующем направлении на учёбу в Харьковское юридическое училище отец после его окончания был избран народным судьёй в Черняхове.

Мать работала воспитательницей в детском саду. Я до войны успел окончить первый класс Черняховской средней школы. Единственная чудом сохранившаяся фотография – свидетельство моего безоблачного до 22 июня 1941 года детства, опалённого после этой даты огненным вихрем Великой Отечественной войны.

Я, как потом стало принято называть, типичное дитя войны, испытавший на себе всё тяготы и лишения того лихолетья. Поэтому не буду повторять общеизвестные факты, а остановлюсь лишь на наиболее впечатляющих воспоминаниях.

Итак, с приближением полчищ вермахта к нашему местечку мне с матерью, как и многим другим семьям односельчан, пришлось, захватив из дому лишь самое необходимое, бежать на предоставленной нам подводе на восток. Как мне с матерью, не имея на то ни опыта, ни физических сил, удавалось справляться с лошастью, я до сих пор понять не могу. Видно, недаром говорится, что беда заставит и научит.

Преодолев за несколько дней тяжёлый и опасный 150-километровый отрезок пути, мы сделали привал на опушке леса в Святошино (предместье Киева). Расположились под высоким раскидистым деревом. Не успели мы с попутчиками попасть лошадей и хоть мало-мальски ополоснуться в находившемся рядом водоёме, как над нами появились летящие с запада самолёты. Пробежавший мимо небольшой отряд вооружённых военных сообщил, что поблизости высажен вражеский десант. Я закапризничал и начал просить немедленно уехать с этого места. На удивление меня послушали. Как только мы с ещё двумя семьями сослуживцев отца отъехали, над нами завязался воздушный бой, и вскоре мы увидели, как сбитый самолёт врезался как раз в то дерево, под которым мы всего лишь несколько минут назад располагались.

Когда мы, чтобы не загнать уставших лошадей, через несколько километров снова сделали привал, ко мне подошёл единственный среди нас взрослый мужчина (не призванный в армию очевидно по состоянию здоровья и взявший шефство над нашей группой), погладил меня по голове и сказал, что вообще-то он не любит капризных ребят, особенно мальчиков, но сегодня мой каприз спас жизнь всем нам.

Это был первый, но не единственный случай, когда мы чудом разминулись со смертью, убегая от преследовавшего нас жестокого фашистского зверя.

Об одном, в общем-то вроде бы маловажном эпизоде из нашей одиссеи, к которому я вернусь в ходе дальнейшего повествования, я вспомнил лишь через двадцать лет при чрезвычайных обстоятельствах.

Так вот, преодолев ещё один участок тяжелейшего и опаснейшего пути, мы добрались до города Конотопа. На углу одной из улиц на его окраине у ворот небольшого домика стояла женщина с полутора-двух годовалым мальчиком на руках, а за её юбку держалась девчушка-замухрышка лет пяти. На просьбу пустить нас во двор покормить лошадей и приготовить горячую еду для детей или хотя бы вскипятить воду для чая женщина открыла калитку, показала на несколько стоявших за ней чемоданов, забитые досками окна и дверь и сказала, что они с минуты на минуту ожидают возвращения мужа с повозкой, чтобы добраться до железнодорожной станции и постараться попасть в любой эшелон, направляющийся на восток. При этом она

посоветовала поехать на находившийся невдалеке от их дома пруд, искупать в нём детей, а на берегу попасть лошадей. Мы последовали её совету, после чего продолжили свой многодневный, на каждом шагу грозящий смертью, путь. На эвакопункте при железнодорожной станции Курск мы услышали по радио тяжёлую весть о сдаче советскими войсками нашего областного центра Житомир. После приёма лошадей и телег нас эшелонам отправили в глубь страны. И снова постоянная тревога, жажда и голод, частые бомбёжки на пристанционных тупиках (ведь в первую очередь пропускались воинские составы) и в пути, вид погибших и раненых в результате налётов фашистских стервятников продолжали преследовать нас.

Однако и на этот раз нам удалось разминуться со смертью, грозящей нам на каждом шагу.

Через некоторое время наш эшелон разгрузили на какой-то станции в Тамбовской области. Там эвакуированных подводами развезли по близлежащим сёлам. Три наших семьи доставили в одно из них и разместили в здании бывшей церкви. Несколько недель мы по мере своих сил трудились в местном колхозе, обеспечившим нас питанием.

После этого нас ночью (во избежание попасть под бомбёжку и обстрел вражеских самолётов) на подводах в сопровождении нескольких местных пожилых мужчин (в округе свирепствовали стаи волков) перевезли в село Романовку Саратовской области. Значительную часть пути нас преследовали

несколько пар огоньков волчьих глаз. Но напасть на нас они не решились.

В Романовке нас поселили в семью местных жителей, трудоспособных направили на работу в колхоз, который оплачивал труд эвакуированных продуктами питания.

Прибыли мы в это село как раз накануне учебного года, и я пошёл во второй класс.

Наконец после двухмесячных мытарств мы получили возможность есть за столом, да к тому же и горячую пищу, спать в постели с чистым бельём.

Местное население с сочувствием и состраданием относилось к нам, старалось оказать беженцам всевозможную поддержку. Огромное спасибо им за это.

Однако война и здесь не давала забывать о себе. Как-то во время урока я услышал уже знакомые мне звуки воздушного боя. А через пару минут школьное здание содрогнулось от мощного взрыва: через дорогу от нас рухнул сбитый фашистскими стервятниками советский самолёт. Мы, школьники, стали первыми свидетелями гибели двух его пилотов. Возможно, последние их усилия были направлены на то, чтобы не дать самолёту упасть на школу.

Так и на этот раз смерть пронеслась мимо меня.

Невзирая на все тяготы военного лихолетья я и второй класс закончил с похвальной грамотой.

В середине 1942 года брату моей матери (они были близнецы) через действующую тогда службу розыска удалось найти нас и вызвать к себе в город Троицк Челябинской области. Там нас не обстреливали

и не бомбили, но пережить пришлось такие лишения, которые и самому залятому врагу не пожелаешь.

После нападения фашистов на нашу страну в этот город, насчитывающий около 40 тыс. населения были эвакуированы ряд крупнейших военных заводов, в том числе и 34-й авиационный, на котором работал мой дядя. Вместе с их работниками прибыли десятки тысяч беженцев.

Это привело к многократному (в одном из источников указано – 10-кратному) увеличению количества его жителей. Под жильё пришлось приспособлять всё возможное и невозможное. И мне с матерью вместе с четырьмя членами семьи её брата, в том числе грудным младенцем и тяжелобольным отцом жены брата пришлось ютиться в крошечной комнатухе, в которой вместо кроватей были сооружены двухъярусные нары.

Получаемых по карточкам продовольственных продуктов катастрофически не хватало. Мы всегда были голодны. Был период, когда хлебные карточки не отоваривали несколько дней, а затем вместо хлеба выдали на все неиспользованные талоны соевую макуху (отжимки, остающиеся после выдавливания из зёрен масла). На следующий день начался массовый мор: опухшие от голода люди, вдоволь наевшись этого даже не для всех животных пригодной для скормливания еды, сотнями умерли в страшных муках.

С нетерпением мы ожидали прихода весны, чтобы вдоволь похлебать суп из крапивы, свекольной ботвы и другой съедобной зелени. А каково нам было переносить зимнюю стужу (морозы иногда доходили

до 40 градусов) в наших нетопленных конурках или в школьных классах.

Официально согласно постановления объединённого заседания Троицкого Горкома ВКП(б) и Горисполкома для участия в сельхозработах были мобилизованы в обязательном порядке и учащиеся, начиная с шестого класса. Но иногда для этого привлекали и нас, «салажат» из четвёртых и пятых классов. Но это было нам не в тягость, так как мы это считали своей посильной помощью фронту.

На занятия в школу приходила строем в военной форме группа сыновей полка – детей, лишившихся родителей. В нашем классе их было пятеро. И это, кроме всего прочего, заставляло нас с большей ответственностью относиться к учёбе и своему поведению.

Единственной радостью для меня и матери было то, что отцу удалось разыскать нас, и мы начали получать от него письма в виде треугольников. 3-го июля 1941 года отец получил предписание эвакуироваться в Черниговскую область и должен был выехать вместе с нами. Но в последний момент предписание было отменено, и отец был назначен ответственным за эвакуацию или, в крайнем случае, уничтожение особо важных документов советско-партийных органов, учреждений и организаций местечка. Выполнив эту миссию, он с последней отступающей частью покинул Черняхов и, явившись в Киевский военкомат, добровольно ушёл на фронт.

После ранения и выписки из госпиталя отец был направлен на краткосрочные курсы в Московское военное училище имени Верховного Совета и после окончания их получил назначение в действующую армию в качестве командира взвода 1130-го стрелкового полка 336-й стрелковой дивизии.

Перед отправкой к месту назначения отцу был предоставлен краткосрочный отпуск и он на несколько суток приехал к нам в Троицк. Это была наша последняя встреча с ним.

В одном из своих последних писем отец сообщил нам, что приближается со своей частью к городу, в котором жила его старшая сестра. И мы поняли, что это город Киев.

Последнее письмо от отца пришло одновременно с похоронкой, в которой сообщалось о его гибели в бою 4 октября 1943 года.

Через несколько дней мы получили письмо от его боевых побратимов, которые с теплотой и любовью отзывались о своём мужественном и заботливом командире, верном друге, человеке с доброй душой и щедрым сердцем, не раздумывая отдавшем жизнь для спасения личного состава взвода и обеспечения успеха военной операции.

«Мы отмстим проклятым фашистам за героическую смерть нашего командира, – Вашего дорогого мужа и отца, освободим нашу Родину и добьём вражескую гадину в её собственном логове. А светлая память о нашем славном командире навечно сохранится в наших сердцах» – было сказано в этом письме.

После освобождения Житомирщины от фашистских захватчиков мой дядя съездил (во время командировки от завода в город Киев) в наш родной Романов и привёз оттуда горестную весть: все евреи местечка, в том числе мой дедушка и тётя (сестра матери) зверски уничтожены нацистами и местными полициями, отчий дом разграблен и уничтожен. (Бабушка умерла незадолго до войны).

На свой запрос, посланный матерью в Черняховский поселковый совет, она получила ответ, что дом, в котором была наша довоенная квартира, как и многие другие жилые помещения местечка, разрушен в ходе боевых действий и что предоставить нам жилплощадь в ближайшее время нет возможности.

В начале января 1946 года мы вернулись из эвакуации и временно поселились в Житомире в полученной сестрой отца, прослужившей всю войну в госпитале, и её мужем – демобилизованным воином, комнатушке, служившей одновременно и кухней (их дом в центре Житомира, в котором до войны имели квартиру, был разрушен при бомбёжке в начале войны).

В Житомире я успел закончить шестой класс, и так как к тому времени демобилизовался сын хозяев квартиры, нам пришлось освободить для него занимаемый нам уголок и переехать в Романов (тогда – Дзержинск).

В Дзержинске нас, как и абсолютное большинство возвратившихся из эвакуации, ожидало голодное, полунищенское существование. Почти на два года нас приютила так же возвратившаяся из эвакуации

еврейская семья, у которой сохранился дом. Позже нам выделили небольшую комнатуху, служащую одновременно и кухней, в коммунальном доме. В ней мы прожили 15 лет.

В первые послевоенные годы, не имея «ни кола, ни двора», выживая лишь за счёт мизерной пенсии за погибшего отца и незначительной зарплаты матери, мы ходили в лохмотьях, отказывали себе абсолютно во всём. Помню, как весной, когда уже таял снег, я шёл в школу в старых валенках без галош, т.к. другой обуви у меня не было.

В Дзержинске я окончил в 1950 году среднюю школу. В том же году поступил в пединститут и, имея 47 лет стажа в школах своего родного района, вышел на пенсию.

Вернусь к эпизоду, упоминаемому выше. Перед началом 1957-58 учебного года из окна отдела народного образования я заметил направляющуюся к нему девушку с чемоданчиком в руках. Невольно подумал: какая судьба ожидает в наших краях эту выпускницу вуза, по чьей душе она сюда прибыла?

Через несколько дней мы встретились с ней на работе в Дзержинской средней школе и со временем подружились. Когда же дружба переросла в любовь, она предложила приехать к ней во время каникул в Конотоп для знакомства с её матерью и младшим братом. (Её отец, многократно раненный на фронте, вскоре после демобилизации умер).

Представьте мою оторопь, когда явившись по указанному адресу, я оказался у ворот того домика, в

котором при эвакуации мы просили кратковременного пристанища, и понял, что тогдашняя девчушка-замухрышка, державшаяся за материну юбку, моя невеста, а её мать, державшая на руках малыша, моя будущая тёща.

Воистину, пути господни неисповедимы!

О моей работе, общественной и творческой деятельности рассказано журналисткой Еленой Милькиной в очерке «Через тернии к звёздам» (газета «Ветеран и воин» за 17 июля 2013 г.), краткое изложение которого перед вами.

Гарри Фельдман дважды Лауреат престижного литературного конкурса имени Ицхака Зандмана и Авраама Коэна, автор всемирно известной книги о Холокосте «Забвению не подлежит» (Житомир, 2000 г.), соавтор книги о творческом потенциале русскоязычной алии «Судьбы и думы “русских” израильтян» (Израиль, 2008 г.), соавтор книг о бессмертном подвиге воинов-евреев «Поведай о том детям и внукам своим» (Израиль, 2007 г.), «Во имя исторической правды» (Израиль, 2010) и книги, завершающей эту своеобразную трилогию, «В грозном зареве войны».

В Израиле им опубликовано также несколько брошюр и более ста очерков в центральных русскоязычных газетах и журналах. Ему принадлежат и десятки выступлений на радиостанции «РЭКА».

Он был делегатом Генеральной Ассамблеи Всемирного конгресса русскоязычного еврейства (Иерусалим, 21.05.2008г.), участником Международной научной конференции «Евреи на

Волыни: история и современность» (Житомир, 20.03.2009 г.). Его доклад на ней получил высокую оценку научной общественности и опубликован в итоговом сборнике конференции.

Гарри Фельдман – отличник народного образования Украины, старший учитель математики высшей категории, делегат Первого съезда работников просвещения Украины и участник (один из докладчиков) Всероссийской научно-практической конференции по внеклассной работе (Москва, 1960 год), автор многочисленных выступлений и публикаций о передовом педагогическом опыте, 65 лет в журналистике, публикуется в Израиле, Украине, России, США и Австралии.

Гарри Борисович свою педагогическую работу успешно совмещал с общественной деятельностью: четырежды избирался депутатом Горсовета, в котором возглавлял постоянную комиссию по народному образованию и культуре; неоднократно избирался зам. председателя районной организации ветеранов войны и труда, зав. отделом районного комитета народного контроля, возглавлял профсоюзные и партийные организации, а также местную еврейскую общину.

Им проведена огромная работа по увековечению светлой памяти жертв Холокоста и воинов-евреев, павших в боях с нацистами.

Гарри Фельдман – соавтор ряда «Книг Памяти и Скорби Украины» по Житомирской области. Его сотрудничество с областной редакционной коллегией Книги Памяти продолжается до сих пор. Недавно он отправил туда серию своих очерков и данные почти на

100 персоналий для готовящейся к изданию книги «Переможці» о творцах Великой Победы, проживающих ныне в Израиле.

Репатриировался в Израиль в 2001 году и с тех пор живёт и плодотворно трудится в Нетании.

За свой благородный труд по увековечению светлой памяти жертв Холокоста и бессмертного подвига воинов-евреев Гарри заслужил огромное уважение и сердечную благодарность своих земляков, проживающих во многих странах, о чём ещё задолго до его репатриации писала израильская газета «Новости недели», назвав его вместе с членами семьи Праведником (26 января 1999 года, очерк Инны Стессель «Трудно жить на этой планете»).

А его книга «Забвению не подлежит» принесла ему международную известность и признание.

Вот, например, мнение о ней заведующей русским фондом Мемориального комплекса Яд ва-Шем Анны Шиндер, написавшей Гарри Фельдману:

«Среди множества книг и воспоминаний, получаемых библиотекой, ваша книга «зацепила» меня своей искренностью и непридуманной правдой жизни. Я думаю, что молодые люди, не чувствующие ужаса от цифры шесть миллионов, может быть, только читая такие книги, как ваша, смогут приблизиться к пониманию всего кошмара фашизма, войны и Катастрофы... Потрясают факты, волнуют людские судьбы. Равнодушным, читая сборник «Забвению не подлежит» остаться невозможно. Но ведь для этого и создана книга».

Поэтому эта книга актуальна и сейчас.

Она, как Бухенвальдский набат, взывает:

Не забудем! Не простим!

Приведу несколько фрагментов из письма учительницы Надежды Денисовны Мамчур из села Судилков Шепетовского района Хмельницкой области:

Уважаемый Гарри Борисович, здравствуйте!

У меня в руках книга Ваша «Забвению не подлежит», нет, это не книга – это святыня, это память, это история, это героизм, это горе, это ужас, который пережил очень умный, очень красивый, очень деловой, очень хороший, очень способный, очень совестный народ, который пострадал, даже не зная, почему. Господи, да я читала и читаю Вашу книгу и не могу смириться с тем, что же сделали эти люди, такое преступление, что их без вины сделали виноватыми и цвет, красу нации, очень талантливой – уничтожили.

Спасибо Вам за то, что Вы описали то страшное событие, тот ужас, что выпал именно на еврейский народ. А Ваша книга-шедевр должна стать книгой настольной в каждой школе, где воспитываются дети. Пусть на воспитательных часах учителя расскажут и покажут детям, что это за обелиски, что за памятники, кто там почил смертью нежданной и страшной. Пусть жители кланяются жертвам безвинным.

А Вы, Гарри Борисович, очень умный и мудрый человек. Вы отдали столько сил, здоровья, энергии – собрав этот исторический материал. Это Вы

отыскивали живых свидетелей смерти и мучений тех, кто покоится в братских могилах в этом достопримечательном когда-то еврейском местечке – Романов.

Спасибо Вам милый, добрый мудрец Гарри Борисович, что Вы создали такую печальную, но очень величественную и нужную память на все поколения живущих людей, чтобы они знали, сколько пролито безвинной крови и помнили, чтобы не допустить никогда подобных трагедий.

А Вам Бог даст много лет счастливой жизни, благополучия, крепкого Вам здоровья и сил, чтобы Вы своим талантом передали всё хорошее о живших и живущих.

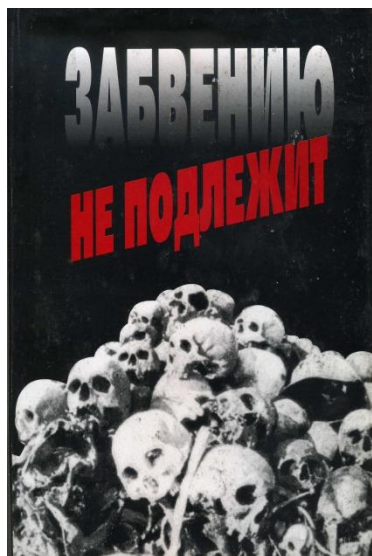
Вы талант и я Вам кланяюсь.

Это Вы, милый, добрый Фельдман сумели всё передать так, что нельзя без слёз и печали читать. Книга эта заставляет глубоко задуматься над самой скорбной страницей истории нашего народа.

Вице-президент Еврейского Совета Украины **Михаил Гурвиц** в предисловии к книге отметил: «*ею Гарри Фельдман как бы продолжил работу, начатую Маргаритой Алигер, Павлом Антокольским, Вениамином Кавериным и другими известными деятелями литературы и искусства, которые издали «Чёрную книгу» под редакцией Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга.*

В 1991 году книга была выпущена, переиздана во многих странах, стала своеобразным напоминанием людям: фашизм – это смерть, гибель человечества. То

же самое можно сказать о книге Гарри Фельдмана «Забвению не подлежит». Автор использовал личную переписку и воспоминания чудом оставшихся в живых свидетелей трагедии, архивные материалы, видеофильмы, снятые группой Стивена Спилберга, материалы судебных процессов над полицией – участниками массовых расстрелов мирных граждан и военнопленных.

«Забвению не подлежит» – не просто книга – это весомый аргумент в борьбе с теми, кто отрицает Холокост и тем самым реабилитирует фашизм. Это своеобразный мемориал, который вечно будет напоминать каждому из ныне живущих: «Помните!»

Подобную оценку читателей и научной общественности заслужили и все 12 книг (5 из них в

соавторстве с Иосифом Рейтманом), изданных Гарри в Израиле.

При репатриации Гарри Фельдмана Федерация иудейских религиозных общин и организаций, учитывая многочисленные обращения общественности, руководителей еврейских общин Житомирского региона (в него входят все области Центральной и Западной Украины) и пожелания бывших жителей Романова, проживающих во многих странах мира, обратились к руководителям Государства Израиль с ходатайством о присвоении ему (Гарри Фельдману) звания Почётный гражданин Государства Израиль или города Нетания.

К сожалению, это ходатайство, как и соответствующее обращение группы общественных деятелей Израиля к мэру Нетании, осталось безответным.

За активное участие в ветеранском движении Государства Израиль Гарри Фельдман награждён

медалями «65 лет Победы над фашистской Германией», «35 лет Союзу ветеранов», двумя Почётными грамотами Союза ветеранов, Почётной грамотой и благодарностью Нетанийского городского совета и рядом других грамот общественных и научных организаций. Его многолетний подвижнический труд отмечен также престижной медалью «Честь и достоинство».

Гарри Фельдману присвоено звание «Почётный член Союза ветеранов».

Эту публикацию я подготовил не в качестве подведения итогов жизненного пути и тем более не ради тщеславия. Основная её цель – ещё на одном конкретном примере показать, что эвакуированные беженцы вполне заслуживают статуса жертв Катастрофы, и ещё раз выразить пожелание, чтобы нигде и никогда не повторилось подобное.

Гарри Фельдман,

Почётный член Израильского Союза ветеранов Второй мировой войны, член Союза русскоязычных писателей, Лауреат двух конкурсов на историко-литературное произведение о воинском подвиге в годы Второй мировой войны.

Да будет благословенна память поколения моих предков, славного рода Ильинских, из которого удалось пережить фашистский геноцид лишь моей бабушке!

Светлая память всем жертвам Холокоста родного для моих предков местечка Романов!

Трагическая судьба 6-и миллионов зверски уничтоженных фашистами евреев забвению не подлежит!

Пусть никогда и нигде не повторится подобное!!!

Сергей Владимирович Ильинский.

С о д е р ж а н и е

Предисловие	4
Часть первая	
Величие нашего современника	8
Рубежи большой жизни	
Знаменосец ветеранского движения	16
Не стареет душой ветеран	24
«Повесть о настоящем человеке»	35
Золотой души человек	54
Блокада замерла в душе навек	65
Невзирая на «Золотой возраст»	72
Знай наших!	82
Наперекор немилосердной судьбе	95
Победа ковалась и в тылу	109
Человек с большой буквы	118
Желанный гость и добрый друг каждой семьи	133
Профессионал баз профессии	151
Песни, зовущие на подвиг	174
Жизнь полна чудес	183
Щедра дарящая людям добро	201
Часть вторая	
Яркий след в жизни	211
Международный человек	
Воин, учёный, писатель	228
Летописец партизанской славы	238
Яркий след в жизни	252
Заслуженное уважение	271
Не позволяй душе лениться	277
Неувядающие строки Александра Гака	287
Страницы честной книги	296

Воспитатель	плеяды	прославленных	319
спортсменов			
Человек-легенда			324
Слово об авторе			
Нам дороги эти позабыть нельзя			329

Издательство «Компас»

Гарри Фельдман

Величие нашего современника

Компьютерный набор и вёрстка – Е. Милькина

**Литературный и технический редактор,
художественное оформление,
дизайн обложки – Е. Милькина**

Отпечатано в типографии «А.В.С» www.kniga-1.com